осень 2013 Мастерская писателей ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Выпуск 4

writercenter.ru

Проза

Поэзия

Время

16+

Надежда Попова

Дмитрий Самохин

реализм - мистика - фантастика - фэнтези

by Kingabrit

Главный редактор
Белка Елена

Литературный редактор
Найко Елена

Дизайн, верстка
Ула Сенкович

Художник
Лев Елена

Редактура
Найко Елена

Корреспонденты
Samuel Haruspex Damey
Мелори Елена
Рунгерд Яна
Сенкович Ула

Обложка
Фото h-studio
flickr.com/photos/h-studio/

Помощники
Akrotiri
bbgБорис
NeAmina
анс
Ахметова Елена
Берман Евгений
Бугримов Александр
Дёмин Михаил
Лагутин Геннадий
Ласточкин Ксандр
Леонов Фёдор
Лодинов Руслан
Мельник Полина
Мекшун Евгения
Пышкин Евгений
Рожкова Елена
Рокси
Рондуа Олег
Рунгерд Яна
Сатин Георгий
Тафано
Твиллайт
Тигра Тиа
Токио Спагетти
Хрустальный Феникс
Эллина из рода Тэр

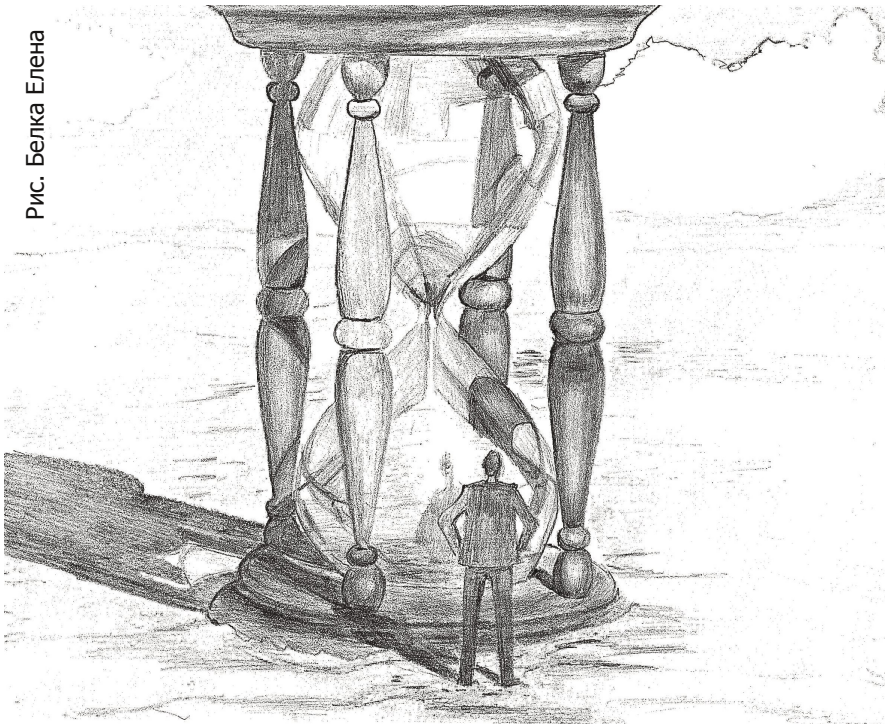


Рис. Белка Елена

Слово редактора

Одним из важных факторов нашей жизни является время. Его невозможно увидеть и потрогать руками — но ни у кого не возникает сомнения, что время существует. И раз уж оно есть, то обязательно его нужно измерить… обмануть… покорить…

В этом сборнике представлены стихи и рассказы, в которых время является ощутимым персонажем, и поэтому у вас есть великолепная возможность прочувствовать «чужое время» и сравнить его с вашим.

Желаю вам приятных впечатлений, и до новых встреч в канун новогодних праздников!

Белка Елена

© 2013. Writercenter.ru. Все авторские права защищены законом. «Мастерская писателей» является товарным знаком, принадлежащим его создателю. Все работы, использованные в журнале, любезно предоставлены авторами и защищены авторскими правами.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Фантастика

30 Богатырева Татьяна. Не думай о зелёной обезьяне

44 Токио Спагетти. Парадокс Бернадского

48 Самохин Дмитрий. Выбор жанра

56 Рожкова Елена. Подружиться с домовым

64 Рассказов Андрей. Граф

70 Мекшун Евгения. Время запаха

76 Джинн. Пешком по асимптоте

86 Богданов Борис. Приключение для пенсионера

Мистика

98 Samuel Haruspex Damey. Фундаментальный закон

108 Анна Пан. Миг для времени

110 Рыжая Белка. За твоим правым плечом

112 Бунингит. Человек из 39-го

Постмодернизм

120 kxmer. Хронь

Реализм

128 Карев Дмитрий. Алиса

Поэзия

26 NeAmina

28 Анна Пан

92 Leshik Birich
93 Мелиса Мэл
Анна Пан

94 Traum Shlutz
95 NeAmina
Армант, Илинар

96 Ласточкин Ксандр

118 Найко Елена
119 Шевцова Анастасия
HopeWell

124 Рунгерд Яна

126 NeAmina
130 Юханан Магрибский

132 Белка Елена
133 Рокси

ИМХО

6 Samuel Haruspex Damey. Время
24 Ула Сенкович. Истинный возраст

Представляем

8 Ула Сенкович. Интервью с Дмитрием Самохиным
16 Рунгерд Яна. Интервью с Надеждой Поповой

На десерт

134 Меллори Елена. Время

Каталог

136 "Мастерская писателей"©.
Произведения наших авторов

Время

Время. Необратимое течение из прошлого в будущее через настоящее. Накапливающиеся изменения, которые предрешают исход.

Оно всегда интересовало людей. Неизменная, неотвратимая, размеренная поступь в такт секундной стрелке, песок, пересыпающийся из верхней чаши в нижнюю. От него, как и от Судьбы, не уйти, не избежать его влияния, не остановить ход. И чем неотвратимей его поступь, тем больше желают человеческие сердца победить. Уйти от Смерти, от неизвестности бытия, изменить будущее и прошлое, подчинить себе один из главных законов природы.

Тысячелетиями люди мечтали подчинить себе время. Мечтали — и пытались. Искали холодных и отстраненных божеств, заведующих его ходом, чтобы умолять их остановить его течение, искали философский камень, удивительные лекарства, дарующие если не власть над временем, то как минимум бессмертие, пытались вызывать ангелов и демонов, которые помогли бы им, но… Все тщетно. Смельчаки остались в легендах, и неизвестно, нашли ли они тех, кого искали, или же им согласились помочь темные силы… Даже все предсказания, попытки заглянуть в будущее — слишком размыты и неопределенны.

Но есть кое-что, имеющее власть над временем, то, что может забрать ваше воображение в долгое путешествие по времени — это книга. Иногда вместе с ней рука об руку идет кино — точно так же увлекая за собой на долгую прогулку по неизведанному.

Герберт Уэллс, создавая свой роман «Машина времени», по словам доктора филологических наук Ю.И. Кагарлицкого, в научном и мировоззренческом отношении «…в известном смысле предвосхитил Эйнштейна», сформулировавшего специальную теорию относительности спустя десять лет после выхода романа. Беляев предсказал будущие успехи трансплантологии («Голова профессора Доуэля»), запуск орбитальных станций («Звезда КЭЦ») и достижения современной биохимии и генетики («Вечный хлеб»). Жюль Верн предвидел появление вертолетов («Робур-завоеватель»), самолетов («Властелин мира»), полеты на луну («С земли на луну») и многое другое. Даже космодром на мысе Канаверал находится неподалеку от того места, которое он указал. Список писателей прошлого, чьи предсказания сбылись, можно продолжать бесконечно.

Но на этом предсказания не остановились. Многое еще ждет своей очереди. Айзек Азимов обосновал три закона роботехники, которые, скорее всего, будут использоваться при создании искусственного интеллекта. Социальные эксперименты Оруэлла уже находят применение в нашей жизни.

И чем дальше — тем больше. Путешествия во времени и эксперименты с ним в книге стали неотъемлемым атрибутом фантастики, породив жанры альтернативной истории, криптоистории, постапокалиптики, хроноопера, историческое фэнтези и другие. Разрабатываются альтернативные миры, альтернативные подходы к современности, альтернативные взгляды на прошлое. И сразу же за писателями идут ученые, разрабатывающие теории путешествий во времени — ведь современные теории не запрещают этого.

Разум уже победил время. Дело осталось за малым…

Samuel Haruspex Damey

Samuel Haruspex Damey
writercenter.ru/profile/garuspik/
Photo Amandine van Ray
www.photosight.ru/users/379345/

Дмитрий Самохин

В 2004 году в издательстве "АЛЬФА-КНИГА" вышли первые две книги Дмитрия Самохина: "У смерти твои глаза" (альтернативный детектив) и "Рожден быть опасным" (космоопера). Всего издано двенадцать книг. Одна — "Проверка на прочность" — написана в соавторстве с А.Тестовым. В сентябре 2013 года в продаже появится новый роман Дмитрия Самохина под псевдонимом Дмитрий Даль «Шагнувший к небу» (Издательский Дом Ленинград).

— Дмитрий, расскажите немного о первой пробе пера и, конечно же, о первой вашей книге, как она была написана.

— Писать я начал еще в детстве. Первая фантастическая вещь, которую я прочитал, была книга «Охотники на динозавров» Шалимова. И я тут же попытался дописать историю, мир не отпускал от себя. На несколько листков меня хватило.

Но первые серьезные вещи я написал практически сразу же в начале 2000-ых. Это три фантастических рассказа: «Выбор жанра», «Серенада антенных полей» и «Крышник». Записал их на даче летом за пару дней. Мне тогда было 22 года. Потом написал роман «Рожден быть опасным», который изначально был составлен из рассказов. Попытался показать этот роман в издательствах и получил отказы. Расстроился. Однажды, читая оффлайн интервью Бориса Натановича Стругацкого, набрался смелости и отправил ему вопрос: «Как попасть к вам на семинар?» Получил почти сразу ответ, что семинар профессиональный, так что присылайте рассказы, а там будет ясно. Я выслал эти три рассказа, и очень быстро Борис Натанович ответил мне напрямую. Он пригласил меня на семинар, и, как потом выяснилось, взял мои рассказы в журнал «Полдень XXI век». Так что именно Б.Н.Стругацкий дал мне понять, что я могу дерзать, и что у меня что-то получается. Он открыл мне дверь в фантастику.

— Расскажите о Вашей первой опубликованной книге. Что послужило толчком, чтобы отправить рукопись в издательство?

— Первым моим опубликованным романом был «У смерти твои глаза». Основную часть этой книги я также написал летом, на одном дыхании. Я уже получил отказы на «Рожден быть опасным», написал первые рассказы, но никому их еще не показывал. Поздней осенью я закончил роман, как раз в это время отправил рассказы Б.Н.Стругацкому. И на этой же волне я отправил «У смерти твои глаза» в «Альфа-книгу». Почти сразу же получил письмо от главного редактора с положительным ответом: « Мы берем ваш роман».

Я всегда хотел издаваться, хотел подержать томик с опубликованным романом в руках. Поэтому никогда не возникало вопроса: отправлять или не отправлять? Но толчком, конечно, послужило общение с Б.Н.Стругацким, которому понравились мои рассказы.

— Рукопись была сначала выложена на СИ? Или Вы писали и никому не показывали ее?

— Я родился в ту пору, когда не было интернета. Вероятно, СИ уже существовал, когда я начал писать, но я вылезал в сеть очень редко. Тогда интернет был дорогим удовольствием для студента с женой и ребенком. Помню, что мы покупали карточки ночного доступа с кем-то из друзей и выходили в сеть по графику. Одну ночь я, другую он. В моем доме тогда интернет был редким гостем. Так что я этакий динозавр. Тексты показывал только друзьям. Именно они были первыми читателями, критиками, и к их мнению я прислушивался. А сейчас у меня есть страничка на СИ, куда я выкладываю для ознакомления первые части произведений, когда они еще в работе. Выслушиваю пожелания, замечания, рекомендации. Наблюдаю за реакцией людей.

— Некоторые Ваши книги изданы под псевдонимом Дмитрий Даль. Почему Вы решили взять псевдоним? Что он для Вас значит?

— В самом начале творческого пути я хотел работать именно под псевдонимом. Это такая литературная игра. Но в силу ряда причин стал публиковаться под собственной фамилией. Дмитрий Даль появился же по весьма прозаическим причинам. Последние два романа под моим настоящим именем вышли в серии «Белый дракон» Лениздата, которая к этому времени пребывала в очень плохом состоянии. Книги серии продавались плохо.

Я начал работать над новым проектом, редактор посчитал, что у проекта и меня большой потенциал, но публиковать его под собственным именем после неудачных продаж в «Белом драконе» посчитал рискованным. И тогда было принято решение о выборе псевдонима. Что самое интересное, псевдоним Дмитрий Даль придумал даже не я, а мой друг и соавтор Александр Тестов. Мы были вместе в издательстве, когда обсуждался вопрос о псевдониме, потом разъехались, а поздно вечером он мне звонит и говорит, что у него есть для меня отличный псевдоним — Дмитрий Даль. Несколько дней я потратил на то, чтобы переплюнуть его придумку. Насоздавал сотни вариантов, но ни один мне не понравился.

Первоначально Дмитрий Даль для меня был просто маской, литературной игрой, но теперь я наблюдаю, что он зажил определенной самостоятельной жизнью. Дмитрий Даль может позволить себе больше, чем Дмитрий Самохин. И если он где-нибудь накосячит, то это не я виноват… Это все он — Дмитрий Даль.

— Что более востребовано издательствами?

— Тут ничего нового не скажу и не открою. Попаданцы, многочисленные наши в прошлом, в будущем, в настоящем, но альтернативном, в другом мире, в сотне других миров. И т.д. Пока это направление не отработано до конца, книги будут покупать. Что-то лучше, что-то хуже. Но будут. Читатель легко может поставить себя на место главного героя и пережить все книжные приключения. Наиболее востребованы, по-моему, попаданцы на поля Великой Отечественной Войны. Серия «Альтернативная фантастика», запущенная ИД «Ленинград», раскупается наиболее быстро, и зависших в ней книг не наблюдается.

Также продолжают оставаться популярны

Художник Владимир Гурков

серии постапокалипсиса. Вроде бы все на эту тему уже сказано, однако народ продолжает выживать в многочисленных зонах и прочих прелестях постъядерного мира.

— Несколько слов о себе. Литературный опыт, профессия или хобби.

— Я родился в 1980 году, получил историческое и юридическое образование. Но работать по специальностям не довелось. Так уж случилось, что почти сразу я стал заниматься продажами детских игрушек от ведущих производителей Европы и Америки, сменил несколько компаний, работал с федеральными сетями и т.д. Сейчас активно работаю над открытием собственного интернет-магазина детских товаров: CHUDESYATA.RU.

На базе этого магазина будет выходить журнал, посвященный детству, играм и игрушкам, истории их возникновения. Также в планах написать несколько сказочных историй о Чудесятах, первые публикации этих историй будут именно на этом сайте.

Женат, жена Ева, двое детей: дочь Таисия и сын Даниил.

Что же касается хобби… Я люблю читать, смотреть хорошее кино, гулять с семьей, играть в настольные игры с друзьями. Собираемся за большим столом двумя семьями и раскладываем какую-нибудь любимую старую игру или новую неизученную и сражаемся до поздней ночи. В последнее время с большим удовольствием играем в «Маленький мир» — чудесная игра, легкая в понимании и очень играбельная. Но, к сожалению, встречаться получается не так уж и часто. У всех работа, времени свободного чем дальше, тем меньше.

— Вам приходилось сталкиваться с редакторской правкой?

— Несколько раз приходилось, но в основном это было адекватное вмешательство в текст. Так можно чему-то научиться. Если редактор грамотный и умный и что-то предлагает, я всегда пытался разобраться, почему он исправил этот кусок текста, чем его вариант лучше моего. Это определенная школа. Когда я начинал, не существовало мастер-классов, либо я о них не знал, поэтому редакторская правка была единственным способом искать в тексте ошибки и исправлять их. В любом случае за мной всегда оставалось право принять правку или нет. Бывает, что глаз замыливается, и редактор находит ошибки там, где казалось все уже идеальным. Вот что называется «свежий взгляд». В последнее время издательства пытаются сэкономить на редакторах, и очень часто, независимо от того, автор старый, проверенный или молодой, начинающий, книги выходят в авторских редакциях. Мне кажется, это неправильно.

— Ваше впечатление от обложек Ваших книг. Они соответствуют содержанию? Автор работает с художником или его ставят перед фактом, что книга будет именно такой и точка?

— Мне всегда на редкость везло с иллюстраторами. По крайней мере, они читали мои тексты. В «Альфа-книге» меня иллюстрировали Игорь Варавин, Олег Бабкин и Константин Правицкий. Последний сумел в точности передать образ главного героя Дага Туровского. И его графика к роману «Вишневый самурай» надолго стала самой любимой иллюстрацией к моим книгам. Первый роман, переданный в Лениздат, отдали на иллюстрирование замечательному художнику Владимиру Гуркову. И с тех пор Владимир нарисовал уже шесть обложек к моим книгам. Он настолько тонко чувствует настрой книг, обладает даром найти нужную ноту, нужный оттенок, выбрать правильный эпизод, что на сегодняшний момент это мой самый любимый художник-иллюстратор, и я с большой радостью продолжаю сотрудничать с ним. Недавно он сделал обложку к моей новой книге «Шагнувший в небо», которая в скором времени должна появиться на прилавках магазинов.

Что же касается вопроса сотрудничества автора и художника, то могу сказать следующее. У начинающего автора нет выбора, какой художник займется его обложкой. Это решает исключительно главный редактор. Сотрудничество с художником, которого назначили на обложку, возможно. Но обычно это не происходит. Автор книги видит свою обложку по-своему, и это далеко от коммерческой составляющей книги. Я помню, как один из авторов на форуме Лениздата просил сделать главным сюжетообразующим элементом обложки к его книге — памятник защитникам Севастополя. Он так видел обложку.

Но правда заключается в том, что книга с такой обложкой обречена на коммерческий провал.

Можно выслать фрагмент текста, который автор предполагает увидеть на обложке, собрать информацию по тому, как должны выглядеть герои. Такой вариант сотрудничества наиболее продуктивен. Я считаю, что книга должна зацепить художника, и тогда он сделает великолепную иллюстрацию. В моем случае я полностью доверяю Владимиру Гуркову, и каждый раз с нетерпением жду обложку. Мне интересно, как он увидел героев, какой эпизод выберет для иллюстрирования. И это своего рода игра, которая мне очень нравится.

— Ваши книги вышли в издательствах «Альфа-книга» и ИД «Ленинград». Первоначально Вы рассылали рукописи по всем адресам? Как отказ на первые рукописи повлиял на Вашу самооценку и творчество?

— У меня одиннадцать изданных книг и двенадцатая на подходе. В случае с первой публикацией я не выбирал издательство. Я отсылал свой роман во все возможные редакции, куда мог дотянуться. Сперва получал отказы, но со вторым романом повезло. Мне ответила «Альфа-книга», и я до сих пор очень благодарен главному редактору Владимиру Маршавину за то, что он обратил на меня внимание и дал шанс.

В случае с Лениздатом, то тут был более осознанный выбор. У меня за плечами было пять опубликованных книг, почти все мои рассказы были тоже опубликованы. Но я очень долго молчал. Несколько лет ничего не писал, вернее, пробовал, но все то, что выходило, мне не нравилось. Это был определенный творческий кризис. Поэтому когда я написал «Опережая бурю», Лениздат оказался ближе всего. На дне рождения Иара Эльтерруса меня познакомили с главным редактором Александром Сидоровичем. С тех пор продолжается наше сотрудничество.

Когда я получал отказы в самом начале творческого пути, мне казалось, что я пытаюсь разрушить стену. Только она сложена не из кирпичей и не из бетонных плит, а из резиновых блоков. Чем больше я на нее давлю, тем сильнее она меня отпихивает назад. Но

"Вишневый самурай" Художник Константин Правицкий

мне казалось, что еще совсем чуть-чуть, и у меня все образуется. Я получал новый отказ, но знал, что однажды и на моей улице будет праздник, так и вышло.

Что же касается советов молодым авторам. Если вы услышали отказ от одного редактора, попробуйте отправить рукопись в другое место. Но параллельно начинайте работать над новой вещью. Не стоит опускать руки. Чаще всего публикации начинаются со второго-третьего романа. Даже у великого и ужасного Стивена Кинга было написано несколько вещей в стол, прежде чем была опубликована «Керри».

В работе с издательствами могу посоветовать только настойчивость. Отправив рукопись и не получив ответ, поинтересуйтесь через недельку, дошло ли письмо, открылись ли файлы. Мало ли — письмо по дороге пропало, а вы станете ждать ответа, которого и не будет. Заодно напомните о себе. Если вам не ответили, не стесняйтесь спросить. Только не надоедайте письмами, выдержите паузу, до-

ждитесь истечения указанного срока рассмотрения рукописей.

— Почему пишете? Что дает именно такой вид творчества?

— На эту тему можно написать целое сочинение. И в то же время ничего не сказать. Борис Натанович говорил: «Если можете не писать, не пишите». И в этом он был на все сто процентов прав. Но я не могу не писать. При этом для меня это тяжелая работа, а не удовольствие. Мне сложно заставить себя сесть за стол, я могу найти сотню причин, чтобы этого не делать. Но «не писать» не могу.

В голове появляются образы, конструируются миры, я беру шариковую ручку и начинаю сперва на бумаге делать первые наброски будущих книг. И никуда от этого не деться. Бывает, что я просыпаюсь ночью и начинаю искать ручку и блокнот, чтобы записать мысль, которая пришла во сне, или какое-то причудливое имя, или название. Иногда вижу где-то на улице какую-то сценку, начинаю ее проигрывать в голове, и появляется что-то новое. Общаюсь с коллегами-писателями, начинаем обсуждать творчество друг друга и в процессе общения вдруг появляется какая-то идея, которую начинаем развивать, обсуждать.

Художник Владимир Гурков

Взрослые, как и дети, любят играть в игры. Для меня писательское творчество — это игра воображения и ума.

— Ваши любимые авторы и произведения.

— Их очень много. Я читаю много и постоянно. Не мыслю себя без книги. Первыми в списке любимых авторов стоят Братья Стругацкие. Мне было 17 лет, когда я познакомился с их творчеством. Мой лучший друг принес мне почитать «Понедельник начинается в субботу». И я влюбился. Когда я получил первую стипендию, то сразу же отправился в книжный и скупил все их опубликованные на тот момент книги. С тех пор я много раз перечитывал практически все вещи и уверен, что вернусь к ним не раз. Мои любимые авторы: Курт Воннегут, Клиффорд Саймак, Гленн Кук, Р.Желязны, Р.Шекли, Дж.Р.Р. Толкин, Стивен Кинг и, конечно же, Филипп К.Дик, а также Герман Гессе, Гюнтер Грасс, Рекс Стаут, Раймонд Чандлер, Габриель Гарсия Маркес, Адольфо Биой Касарес, Кир Булычев, Ф.М.Достоевский, Владимир Набоков и много, много еще.

Несколько лет назад я открыл для себя замечательную писательницу Ольгу Голотвину, чьи книги всегда жду с нетерпением. На мой взгляд, это одна из лучших писательниц в России, работающих в жанре фэнтези. Моя любовь к её творчеству настолько сильна, что несколько лет назад я специально приехал на Интерпресскон, конвент фантастики, проходящий под Петербургом в мае, чтобы познакомиться с ней. С тех пор мы поддерживаем отношения, обмениваемся мнениями о книгах друг друга.

Что же касается любимых книг — то их всего три. Это «Сердца в Атлантиде» Стивена Кинга, «Над пропастью во ржи» Сэлинджера и «Понедельник начинается в субботу» Братьев Стругацких. Я регулярно их перечитываю.

— Как Вы относитесь к критике? Критика помогает автору или это лишняя нервотрепка?

— К критике я отношусь двояко. С одной стороны, ни один критик никогда не научит никого писать. Часто критическую оценку подпитывает вкусовщина. Кому-то не нравится фэнтези, и сколько бы он его ни читал, все равно будет кривить рот и говорить, что все тут плохо и не так. Но, с другой стороны, в груде мусора можно найти жемчужину. Поэтому каждый для себя должен решить, помогает ему критика или нет. А вот подробный разбор полетов с указанием, что, где и как можно сделать лучше, — это, безусловно, помогает. Сейчас на всех основных конвентах, Интерпрессконе, Росконе и т.д., проводятся мастер-классы, которые ведут именитые авторы. Они помогают начинающему автору взглянуть на свое творчество с другой стороны. Зимой в Питере проводится «Новая Малеевка», по сути один большой мастер-класс. Безусловно, участие в этих программах очень полезно для начинающего автора. Но только и отбор на эти мастер-классы весьма жесткий. Нужно достичь определенного уровня владения словом и историей, чтобы попасть туда.

— Как Вы считаете, рынок бумажных книг уступит место электронным копиям или это далекое будущее и не стоит даже говорить о нём? Вы сотрудничаете с онлайн издательствами?

— Я не думаю, что рынок бумажных книг уступит место электронным копиям, но то, что электронные книги изрядно потеснят на рынке бумажные, это однозначно. Значительное удешевление читалок ведет именно к этому. С другой стороны, в России пока не состоялся рынок легальных электронных копий. Существует один большой электронный магазин — Литрес, в котором молодому автору очень легко потеряться, и куда, насколько я знаю, не пускают без бумажных публикаций. Есть также множество мелких магазинчиков, но параллельно с этим открыто работают пиратские раздачи. И практически любую книгу можно скачать на халяву. Пока эта практика существует, ничего хорошего на книжном рынке ждать нельзя. Только вмешательство государства может хоть как-то решить эту проблему.

С онлайн издательствами я не сотрудничаю. Если честно, я даже смутно представляю, что это такое, и где они находятся.

— Можно заработать на жизнь писательским трудом? Или творчество — только для души, для «тех, кто не может не писать»?

— Вот он самый сложный и проблемный вопрос. Наверное, можно, но для этого нужно попасть в волну, работать много, как проклятый. Но тут часто бывает, что шаг влево, шаг вправо от проторенной тропы, и автор рискует потерять все. Это сковывает, ограничивает творческий потенциал. Много кто из писателей работает профессионально и пишет одну за другой книги о мире после ядерной катастрофы. Также следует учитывать, что сейчас все-таки вовсю идет кризис бумажной книги. Падают тиражи, поэтому для заработка писательским трудом все-таки не самое лучшее время. И мешают писатели-гастарбайтеры. Сам сталкивался с таким явлением. Писатели из какой-нибудь глухой провинции или из сопредельных государств получают мизерные гонорары, но для них это большие деньги. И живут, и работают, и довольны.

— Ваше отношение к цензуре? Она жизненно необходима или очередное покушение на свободу слова?

— Пока я с цензурой не сталкивался, поэтому не знаю, как к ней относиться. Я говорю ровно то, что хочу сказать, и меня пока никто не «запикивал». Но мне кажется, что говорить нужно определенные вещи в определенном кругу. Для каждой аудитории надо говорить понятным ей языком. Слово — это инструмент, и даже матерное слово — это инструмент. И если им пользуется мастер, оно позволяет добавить красок и атмосферы в текст. В моем рассказе «Истории ветхого мира» есть одно матерное слово. И когда рассказ готовился к публикации в журнале «Полдень XXI век», я был уверен, что это слово уберут. И очень удивился, что все осталось именно так, как я написал. Потому что это слово было на своем месте.

Поэтому все эти законопроекты по запрету мата в сети или в литературе, мне кажется, это просто громадный пиар-ход, не более того. Кто знал этих депутатов до того, как они предложили эти законы? Никто. Зато теперь их обсуждает сеть. Новшество же с введением возрастных категорий, с одной стороны, полезно, такие категории существуют во всем

цивилизованном мире. Но у нас это всё работает как-то неправильно. Ввели закон о запрете гей-пропаганды и педофилии среди подростков и детей, а что делать с «Лолитой»? Замечательным художественным произведением. Ввели закон о защите чувств верующих, и уже Сказку Пушкина А.С. начинают издавать в отцензуренном варианте с заменой Попа на Купца. Вот это глупо и смешно.

В России часто так бывает. Хорошее начинание в процессе применения его в жизни приобретает чудовищные формы.

— Ваши книги вышли в пяти сериях: Ларс Русс, Паромагия, Петропольский цикл, Волчий мир и Ветер Войны. Вы пишете новую книгу серии, потому что созданный Вами мир не отпускает Вас, или есть другие причины продолжения историй, например, чисто коммерческие?

— Возвращение к уже созданным мирам никаких коммерческих целей не носит. Циклы Ларс Русс и Петропольский были сразу задуманы из нескольких книг. И я писал их без перерыва.

С Паромагией дело обстояло сложнее. Изначально была задумана трилогия, два первых романа «Опережая бурю» и «Мятеж безликих» были написаны. И когда я был готов взяться за третий, завершающий том «Война Безликих», издательство объявило о закрытии серии «Белый дракон». Работа над последним томом была отложена в сторону, и я приступил к «Волчьему миру». Но этот долг перед читателями, перед героями и миром меня до сих пор гнетёт, поэтому третий роман будет обязательно дописан. Я планирую приступить к «Войне Безликих» этой зимой, но насколько растянется работа, не могу предсказать. Нельзя бросать уже начатое.

"Волчья правда" Художник Владимир Гурков

Что же касается цикла «Волчий мир», то «Волчьей правдой» я закончил первую трилогию. Сюжетно цикл завершён, основная интрига раскрыта, смыслы объяснены, но к концу третьей книги конфликтов в мире и среди героев не стало меньше, а, наоборот, только увеличилось. Читатели хотели продолжения, и я после длительного перерыва вернулся к работе над циклом. Действие второй трилогии происходит через двадцать лет после окончания романа «Волчья правда». В отличие от первой трилогии, увеличится количество героев, романы будут более масштабнее, частично действие будет происходить в космосе. Как написал один из читателей: «Волки в космосе! Да еще сразу в таких количествах. Здорово!». Новый роман предположительно будет носить название «Волчья угроза».

Возвращение к старым мирам — это либо осознанная необходимость: история не рассказана до конца, и я обязан поставить в ней последнюю точку, либо попытка вернуться в любимый мир, к любимым героям, посидеть в старых креслах, посмаковать старые ощущения. Это своего рода ностальгия. Когда я закончил Петропольский цикл, то думал, что уж точно никогда не вернусь туда. Очень люблю этот мир, но все-таки мне не удалось выжать из него по-максимуму. Не хватило мастерства, знаний. И последние несколько лет ловлю себя на мысли, что подумываю, как там поживает Даг Туровский, что делает Гонза Кубинец. Очень хочется вернуться туда, и теперь я уверен, что обязательно напишу еще один петропольский роман, на ином уровне. Но много долгов пока сдерживают меня — и

«Волчий мир» не закончен, и «Паромагию» надо завершить. К тому же я открыл новый цикл «Отступник», первая книга которого скорого выходит.

— Ваша одиннадцатая книга "Проверка на прочность" написана в соавторстве с Александром Тестовым. Работать с соавтором сложнее, чем одному? Как проходила работа над книгой, плюсы и минусы, если они есть. Расскажите об этом проекте.

— Проект с Сашей Тестовым назывался «Ветер войны». Задуман он был изначально несколькими людьми, но именно мы с Сашей Тестовым взялись за его воплощение на ниве издательства. То есть стали проталкивать его в Лениздат, согласовывать с редакцией. Мы прорабатывали детальный концепт, учитывая все наработки наших авторов, и эта совместная работа очень сблизила нас. Поэтому когда встал выбор, кто будет писать первый роман проекта, глав.ред Александр Сидорович предложил: «Пишите вместе». Так появилась идея поработать вдвоем. К этому времени и у Саши Тестова был опыт написания книг в соавторстве, и у меня тоже. Только опыт разный. У Тестова положительный, а у меня отрицательный, роман так и не был закончен, доработан и издан.

Работать с соавтором можно по-разному. Но тут все зависит от соавтора. С Сашей Тестовым все было просто. Мы попали на одну волну, поэтому писалось легко. Текст изначально писался эпизодами, один эпизод он, другой я, а потом мы менялись эпизодами и правили. Нам настолько понравилась совместная работа, что мы планировали ее продолжить на ниве проекта «Ветер войны», а также был запланирован еще один вполне самостоятельный проект, в жанре альтернативной истории, этакий белогвардейский вестерн.

Но Саша Тестов занялся очень близким ему по духу занятием. Он всегда увлекался реконструкторством, а тут у него появился шанс воссоздать деревню викингов на базе гостиницы под Приозерском, на берегу Ладоги. Так же под его руководством был построен аутентичный эпохе драккар викингов, на котором он проводит водные экскурсии по Ладоге. Эта работа его настолько увлекла, что он полностью отошел от литературных дел. Так что пока все наши проекты отложены в долгий ящик.

— Над каким проектом работаете сейчас?

— Сейчас готовится к выходу роман «Шагнувший в небо». Им я открою цикл «Отступник». Он выйдет под псевдонимом Дмитрий Даль в ИД «Ленинград». Это смесь технофэнтези и стимпанка, щедро приправленное драконами и выходцами из параллельных миров. В сентябре он должен появиться на прилавках магазинов.

Непосредственно сейчас я работаю над новым романом из «Волчьего мира», который предположительно будет называться «Волчья угроза». Этим романом я открою вторую волчью трилогию.

Параллельно работаю над романом «Большой Исток», который состоит из ряда отдельных историй, связанных воедино. Большой Исток — это резервация, в которой проживают супер-герои, по сути, это обычные люди, наделенные необычными способностями. На улицах этого маленького городка все время происходят какие-то неприятности, которые приходится распутывать местному священнику и по совместительству судье Преподобному Крейну и шерифу по прозвищу Ник Красавчег.

Особенность этого проекта заключается в том, что пишу я его с большими перерывами. Напишу историю — и дальше возвращаюсь к основной работе. Даю отлежаться тексту, материалу, а потом заново погружаюсь в мир. Очень хочется, чтобы весь текст был выдержан в одном ключе и не растерял эффекта новизны, свежести.

Беседовала Ула Сенкович

Дмитрий Самохин
drakon-trest.livejournal.com
samlib.ru/d/dmitrij_dalx/

Ула Сенкович
writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/

Надежда Попова

Первая книга Надежды Поповой «Ловец человеков» вышла в издательстве «Астрель» в апреле 2013 года. «Ловец человеков» — начало девятикнижного цикла «Конгрегация». Следом были изданы «Пастырь добрый» и «Стезя смерти». На данный момент ожидается выход четвертой книги «Ведущий в погибель».

— Итак, когда же впервые в Вас проснулось творческое начало?

— Наверное, в детстве. В играх со сверстниками в детском саду я придумывала сценарии игр-приключений (сейчас я бы назвала это "квестами"), потом, уже в школе, начала записывать придуманные мной истории. С возрастом истории становились сложнее, а тетрадки с ними — все толще и толще. Посему, наверное, можно сказать, что сочинительствовала я, сколько себя помню.

— Когда Вы писали первые произведения — Вы планировали их как-то публиковать, доносить до читателя, или это были исключительно творческие опыты, которые уже позже стали публичными? Были ли мечты стать писателем?

— Мечты, конечно, были, куда же без этого. Откровенно говоря, не верю, что есть такой автор, который не мечтает стать писателем и однажды взять в руки свою настоящую, бумажную книгу. Но появились эти мечты существенно позже, чем даже первые "серьезные" произведения (их у меня "в столе" на данный момент скопилось семь). Поначалу — писала просто потому, что хотелось и писалось, без каких-то дальних планов. Мысль о публикации пришла не так давно — всего несколько лет назад. Прикинув то и это, я в итоге и пришла на Самиздат Мошкова.

— Как пришла идея впервые опубликовать произведение?

— Внезапно. Нет, серьезно. Просто однажды подумалось, что пора бы и выйти в люди.

— Какой сайт стал Вашим первым пристанищем и как Вы его выбирали?

— Моим первым "публичным выступлением" стал раздел на Самиздате. Выбор был сделан элементарно: с помощью Гугла, который подсказал мне, что есть ресурс, предоставляющий любому возможность опубликовать свои произведения.

— Задолго до того, как произошла публикация первого романа, Ваши книги стали известны на Флибусте. Это произошло как-то сразу или процесс был постепенным?

— Мне будет ответить сложно: ведь я даже о самом существовании этой библиотеки узнала, только когда в комментариях на Самиздате читатели стали писать "Нашел вашу книгу на Флибусте". До тех пор я знала лишь о Либрусеке. Потом там и сям в отзывах начинала встречать фразы вроде "известный в Сети автор", а из рецензии в "Создателях миров" внезапно выяснилось, что я нахожусь в верхней части флибустянского списка рекомендаций. Тогда же я узнала и о том, что этот список вообще существует, и что это такое.

Поэтому мне сложно судить о том, как шел этот процесс. Тут как раз тот самый случай, когда со стороны виднее.

— Сейчас многие авторы негодуют, видя деятельность пиратов. Согласно договорам с издательствами, часто требуется удалять часть текста со страниц автора. Ваше отношение к этому вопросу?

— В своем блоге я уже не раз высказывалась по этому поводу и повторю снова: я не являюсь членом лагеря "против пиратов". Да, Самиздат — можно сказать, моя Alma mater, но узнали меня все-таки благодаря Флибусте. Если бы не она — возможно, не было бы ни моей "широкой известности в узких кругах», ни даже издания. И большая часть тех, кто прочитал мои книги, сделали это в Сети; и они продолжают это делать, и я этому только рада. Мне важно, чтобы мои книги находили читателя, и неважно как. Приятно ли мне узнавать, что кто-то не поленился, пошел в магазин, потратил деньги (немаленькие, надо сказать, книги вышли довольно дорогими) и купил бумажный том? Естественно, приятно. Это значит, что книга запомнилась, и ее хотят иметь на полке в качестве некоего сувенира. Это приятно любому автору. Но если человек зашел на библиотеку, скачал текст, прочитал и написал пару добрых слов (там же или у меня в разделе, или в ЖЖ) — это тоже дорогого стоит. В конце концов, если бы не это — книгу-то он бы все равно не купил. Он бы ее просто не прочитал. И кому от этого стало бы лучше?

К счастью, издательство не требовало от меня удалить тексты в моем разделе. Возможно, потому, что и там тоже всё это прекрасно понимают.

— Когда Вы поняли, что Ваши книги популярны? Был ли момент осознания?

— Наверное, какого-то одного определенного момента, в который меня осенило "ага, вот оно!", не было. Осознавалось это постепенно: когда стала видеть в отзывах то самое "популярный автор", когда читатели стали рассказывать мне об увиденных ими рецензиях и рекомендациях, о темах на форумах… Когда на просторах ЖЖ, столкнувшись с незнакомым человеком в комментариях к чьему-либо посту, не связанному ни со мной, ни с литературой вообще, видела "Да, кстати, вы та самая Попова? Спасибо за книги". Тогда постепенно и стало доходить, что меня читают все-таки больше десятка-другого человек.

— Как «родилась» Конгрегация? Вы помните, как возникла самая первая мысль, связанная с этим циклом? Что послужило исходной точкой?

— Отправной точкой, наверное, можно считать мысль, возникшую у меня при чтении книг об истории Инквизиции. Мысль была такая: "Вот если на минуту допустить, что на свете существовали бы люди с паранормальными способностями, то интересно, сколько из них в те времена попало бы под горячую инквизиторскую руку? И сколько из них действительно оказались бы применившими эти способности для совершения преступления?". Из таких мыслей-допущений в 2002 году родился рассказик-псевдопьеса "Ради всего святого". Потом четыре года я писала другое и занималась другим, но мысли продолжали вариться, оформляться, выстраиваться… Постепенно родился мир Конгрегации с ее академией, Империей и Куртом Гессе.

— Какую из уже написанных книг Вы считаете самой лучшей и почему?

— На этот вопрос ответить сложно.

Художница Катерина Белкина

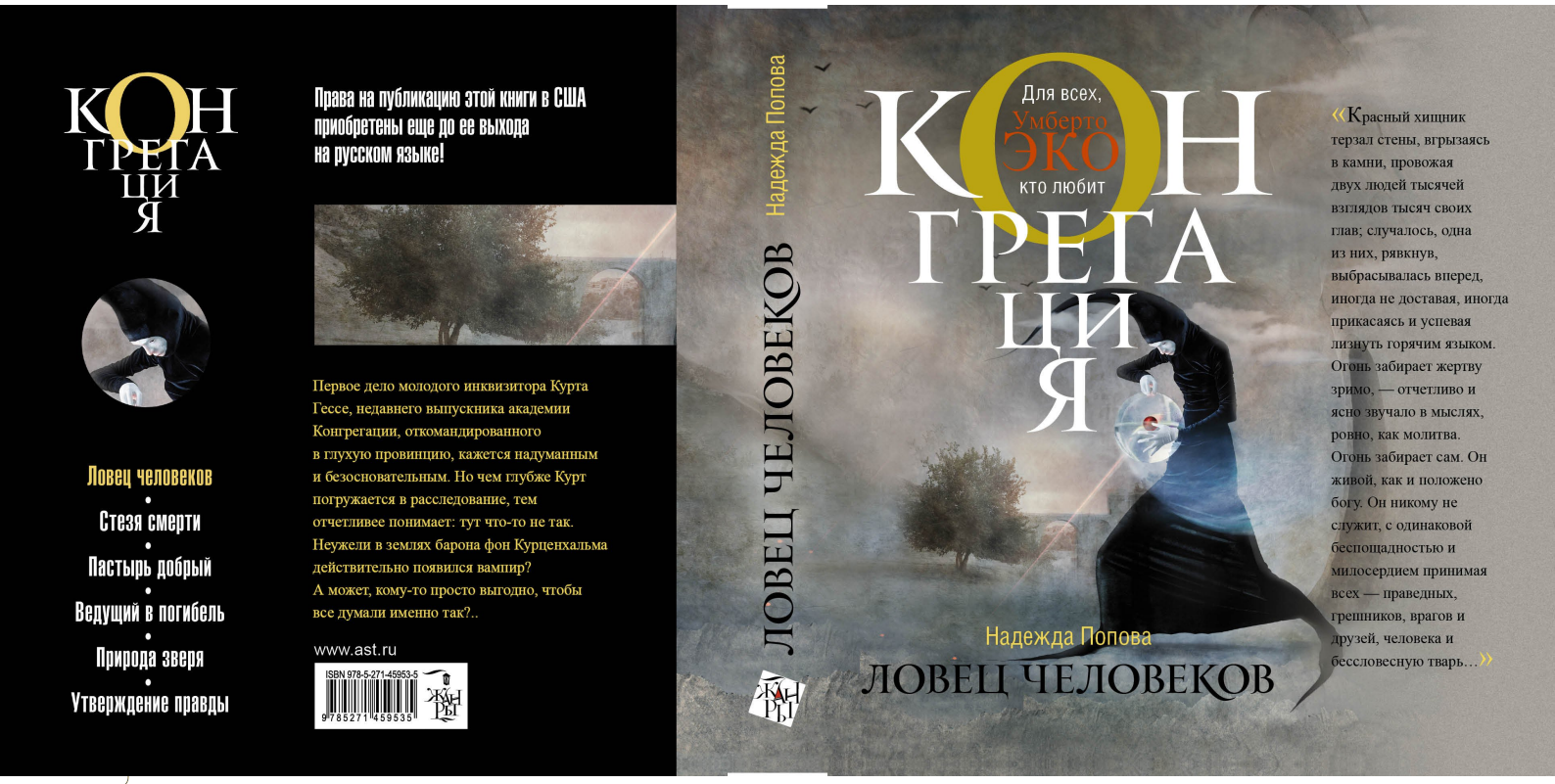
Или даже невозможно. Я сейчас скажу банальность, но все-таки: это все равно что спросить, кого из моих детей я люблю больше. В каждой книге есть что-то, чем мне нравится именно она, каждая по-своему близка, с каждой связаны свои воспоминания, истории, в каждую вложена своя часть души. Можно сказать еще одну банальность: "свою лучшую книгу я еще не написала"; и это даже, может быть, окажется правдой. Или не окажется, не знаю. Будущее покажет.

— Какая из написанных книг цикла далась труднее других. Что в ней было особенно непросто?

— Шестая. Сложность была, как это ни прозаично, чисто техническая: пришлось штудировать и приводить к общему знаменателю очень много информации. "Мой" четырнадцатый век, мягко говоря, не вполне соответствует реальному четырнадцатому веку нашей истории — в мире Конгрегации и общество более развитое социально, и, как следствие, экономическое развитие находится на уровне более поздних веков; а также — начиная именно с шестого тома, показывается изнанка Конгрегации, императорского двора, работа не только главного героя, но и всей системы в целом. Строительство Империи, которое прежде только упоминалось, здесь описывается уже более детально — агенты, шпионы, осведомители, финансовые и политические аналитики, биржевые игры, околопрестольные интриги… Чтобы описать все это, пришлось изучать многое, начиная историями и родственными связями германских, богемских и итальянских родов и кончая современными экономическими исследованиями. Как говорится, чем дальше в лес — тем толще партизаны; и чем дальше в историю мира, тем большую работу по его систематизации приходится проводить. Альтернативность, инаковость истории с каждым томом все заметнее, я вычеркиваю из жизни (или, напротив, ввожу в нее) все более значимые исторические фигуры, и очень много времени и сил уходит просто на то, чтобы просчитать и увязать между собой события и людей.

— Когда Вы «созрели» для попытки штурма издательства? Расскажите, как это происходило?

— А никакого штурма не было. Сначала я просто "висела" на Самиздате, меня читали, комментировали… Потом кто-то спросил, что мне отвечают в издательствах. Я удивилась, ответила, что никуда еще ничего не отсыла-



ла, и читатель написал: "Ну и зря". Потом что-то подобное написал кто-то еще, потом еще один и еще один… И я пошла гуглить адреса издательств. Дальше все было, как у всех: разослала тексты и стала ждать. Но издание нагрянуло с неожиданной стороны: на прошлогоднем Росконе обо мне зашла речь на докладе по "неформату". Мой нынешний редактор, присутствующий там, решил взглянуть на текст, ему понравилось — и, как говорится, всё завертелось.

— Путь к выпуску Ваших книг в печать, как известно, был достаточно тернистым. Как Вы считаете, результат себя оправдал? Согласны ли Вы с тезисом, что куда хуже было бы, если бы эти книги вышли в какой-нибудь фэнтези-серии с серийным оформлением?

— Да, должна сказать, что несмотря на все проблемы и заминки, на задержку выхода первой книги на несколько месяцев — я очень довольна тем, что получилось. Оно того стоило. О ситуации с оформлением обложек в наше время не высказался только ленивый, и мне тут добавить нечего. Я очень рада тому, что у меня нет причин, подобно многим авторам, мяться и подбирать слова, чтобы не обидеть издателей и художника. Кстати, пользуясь этим случаем, хочу поблагодарить художницу, Катерину Белкину, за ее работу, и своего редактора, Вячеслава Бакулина, за то, он что подошел к изданию серии нестандартно и с душой.

— Ваши книги отличаются нетривиальным оформлением. Оно непривычное и привлекает внимание. Когда Вы впервые увидели обложку и серийное оформление? Расскажите о своей реакции.

— Первой реакцией на присланную мне обложку "Ловца человеков", конечно, была некоторая оторопь. Я уже уныло ждала готичного инквизитора на фоне готичного замка и готичного ночного неба с готичной луной, и хорошо, если одетого и не с лицом Дина Винчестера. И вдруг — такое. Для новичка, вышедшего небольшим тиражом, это было приятной неожиданностью.

— Как известно — Надежда Попова — это псевдоним. Настоящее имя, равно как и прочие данные о Вас скрыты пологом неизвестности. Почему было принято такое решение и как Вы выбирали псевдоним?

— С псевдонимом просто: фамилия эта все-таки наша, семейная, посему можно сказать, что, в общем, в каком-то роде настоящая.

А с остальным — и просто, и сложно. Сейчас в обществе существует множество предубеждений; они были всегда, но в последнее время (благодаря Сети и возможности высказаться каждому, собраться в уютный междусобойчик, достаточно просто найти единомышленников) эти предубеждения стали заметнее, выступили дальше на первый план, и они имеют, что называется, немалое влияние на умы. Порой люди могут этого не замечать, а могут и руководствоваться этими предубеждениями вполне сознательно. И вот уже принято оценивать текст не сам по себе, а в связке с тем, что имеет к писательству весьма и весьма косвенное отношение или не имеет никакого — с возрастом, полом автора, специальностью, внешностью, семейным положением… Я хочу, чтобы оценивали книги. Не меня. Не пытались проводить параллели между съеденной героем котлетой и моим цветом волос и не объясняли склонность второстепенного персонажа к, допустим, собиранию марок возрастом моих детей. Но разумеется, какие-то закрепившиеся в сознании читателей штампы и ярлыки все равно ставятся и развешиваются, куда без этого. Идеального читателя не существует так же, как идеального автора.

— Вы известны своими феминистическими взглядами. Под воздействием чего они сформировались?

— Понимаю, откуда ноги растут.

Для начала уточню один момент. В наше время называться феминисткой стало как-то уже даже и неприлично, и я даже понимаю, почему. Сами же женщины это понятие и дискредитировали; феминизм как общественно-политическое движение сегодня выродился в какой-то радикальный нео-псевдофеминизм, который, по сути, является банальным

Художница Катерина Белкина

воинствующим мужененавистничеством. К этому течению я отношения, естественно, не имею. Это не мое и не про меня, и ничего, кроме чувства легкой брезгливости, все это у меня не вызывает.

Я — за разумное равноправие. Без перекосов и перегибов. Просто есть некоторые сферы деятельности, в которых гендерное разделение сложилось не по объективным причинам, а под давлением общественных стереотипов, а теперь искусственно поддерживается и больше декларируется, нежели имеет под собой реальное основание. Я, в частности, о писательстве, из-за споров о котором, подозреваю, и пошел слух о моих феминистических взглядах. Есть ли так называемая женская литература? Конечно, есть. Мужская? Естественно. Обязательно ли женщина будет писать женскую прозу, а мужчина — мужскую? Нет, конечно.

И так во многих сферах человеческой деятельности. Есть ли "чисто женские" или "чисто мужские" профессии и специальности? Естественно, есть. Какие именно относятся к тем и другим — вот это вопрос спорный и, как мне кажется, вечный. По крайней мере, в ближайшие полвека, думаю, вряд ли решаемый.

— Как Вы относитесь к определению своих книг как «мужских», когда такое говорят в качестве комплимента?

— Как к неизбежному злу. То есть, я понимаю, что это по нашим временам является вроде как комплиментом, и понимаю, что люди хотят этим сказать, но по факту это печально. И в свете обсуждаемого выше "гендерного вопроса" в писательстве в том числе.

— Многие читатели гадают, кто вы по образованию, по профессии и не могут определить это сколько-нибудь точно. Скажите, а был ли близок хотя бы один из тех, кто выказывал предположения?

— Возможно. Я же не знаю всех версий.

— Как Вы решаете для себя извечный вопрос: «для кого я пишу»?

— Изначально этот вопрос не решался никак: я просто писала. Для себя. Когда пришло время публикации на СИ и появились первые комментарии, ответ пришел сам собой: для тех, кому нравится то, что я пишу. Наверное, это будет хоть и кратким, но самым точным ответом.

— В небезызвестной дискуссии вас обвиняли в том, что в «Конгрегации» отсутствует рост героя. Однако мне встречались мнения других читателей, которые говорили, что в книгах отсутствует «прокачка» персонажа, а вот как личность он вовсе не статичен. С кем из них вы более солидарны?

— Наверное, ни с кем.

Основная проблема заключается в том, что в подобных дискуссиях сложно определить и сойтись в том, что именно считать "ростом" и "развитием". Типичной, общепринятой схемой так называемого "развития героя" в литературных произведениях принято считать примерно такую: герой имеет некоторые убеждения и представления о мире, которые меняются по ходу действия. Или не имеет никаких. И в процессе происходящих с ним событий их приобретает. Герой Конгрегации не укладывается в эту схему: свой путь он начинает человеком с уже сложившимся кодексом, который не меняет, а лишь совершенствует и корректирует в пределах неких незыблемых границ. Не всем это нравится. В первую очередь — потому что не нравятся ни этот кодекс, ни эти границы, ни происходящая корректировка. Для них развитием был бы отказ моего героя от его взглядов, их радикальная смена. Разумеется, этого они не дождутся.

Ну, а с "прокачкой" все просто: из Курта Гессе не получается и, к разочарованию любителей МС, не получится убернагибатель. Он взрослеет, учится, набирается навыков, но помесью Шерлока Холмса с Терминатором и Джеймсом Бондом не станет.

— Как Вы относитесь к изменению личности персонажа под влиянием событий книги? Является ли развитие персонажа обязательным элементом художественного текста? Где проходит в этом вопросе грань «добра» и «зла»?

— К изменению личности под влиянием событий книги я отношусь в зависимости от книги, личности и событий. Если это логично,

Художница Катерина Белкина

это хорошо. Если личность меняется в ту сторону, которая мне нравится — вдвойне хорошо. Если в ту, что мне НЕ нравится — читать не буду. Писать, что понятно, тоже.

Пресловутое "развитие" — это, конечно, хорошая приправа к тексту, если жанр и сам замысел это предусматривают. Возьмем хрестоматийный пример: уже упомянутый мной Шерлок Холмс. Есть ли развитие этого героя от книги к книге? Нет, не наблюдается. Стали ли рассказы о великом сыщике от этого менее интересными, чем, скажем, знаменитые произведения психологической или драматической прозы или даже приключенческой литературы, в которой эволюция героя поставлена во главу угла? Нет, они просто другие.

Ну, а грань добра и зла — она не увязана с развитием героя или отсутствием такового. Курт Гессе, подозреваю, сказал бы, что она проходит в человеческой душе, а я, думаю, с ним согласилась бы.

— Сейчас в большинстве произведений герой — вне системы, либо противостоит ей. Вы пошли по иному пути. Ваш герой — часть системы. И, насколько я понимаю, этот факт не изменяется в течение всего цикла. То есть «раскаявшегося чекиста» в финале вашего текста не предвидится. Это был осознанный выбор, или такое поведение персонажа обусловлено его индивидуальными особенностями?

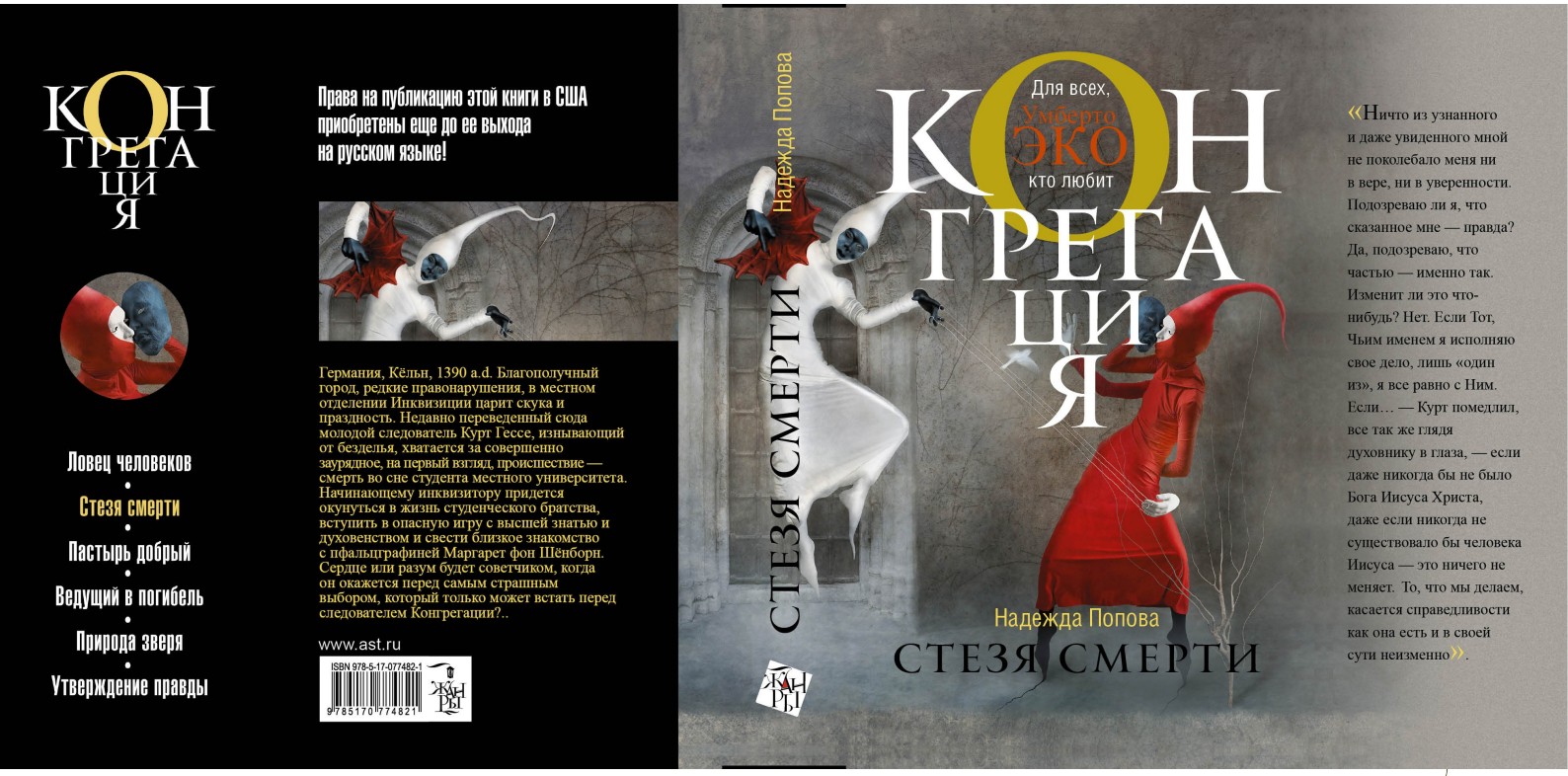
— Это поведение персонажа, обусловленное его индивидуальными особенностями, которые являются осознанным выбором автора.

— Ваши книги сравнивают с книгами Умберто Эко. С чем это, по-вашему, связано, и насколько справедливо такое утверждение?

— Сравнивают, мне кажется, из-за связки «инквизитор — преступление — Средневековье» (пусть и т.н. «условное»). И сравнивают в основном первую книгу, ибо там есть и еще одна похожесть: все расследование «материалистичное», без ярко выраженной мистической составляющей, фактически расследуется уголовное дело.

Не сказала бы, что сравнение справедливо на все сто; скорее всего, дело попросту в том, что широкой публике не известны другие произведения, сюжет которых был бы построен на этих моментах.

— Один из наболевших вопросов — это появление и массовое распространение электронных книг. Однако многие



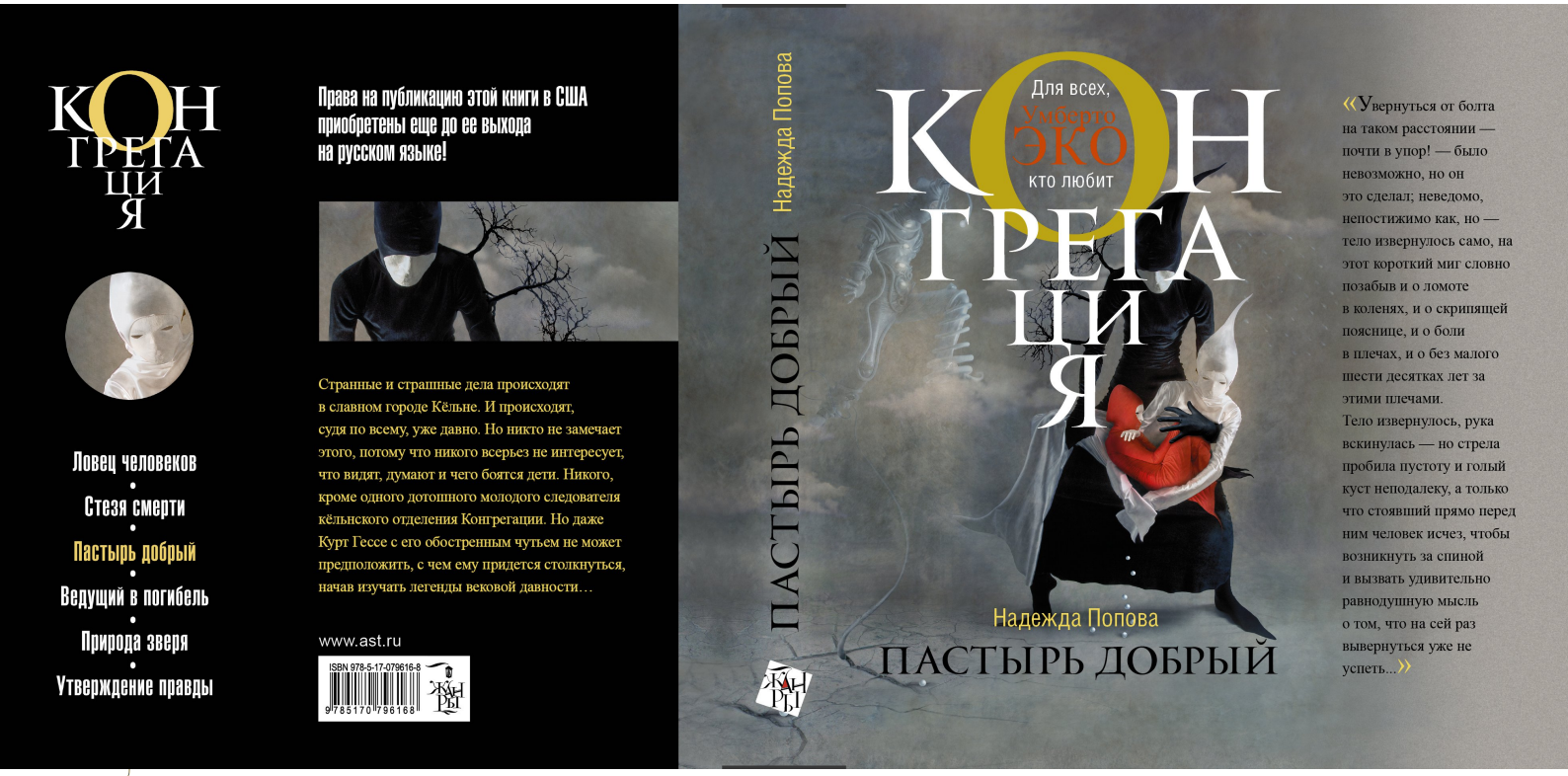
до сих пор считают, что «настоящей» книгой и «настоящей» публикацией можно назвать только бумажную книгу. Что скажете на эти утверждения?

— Считаю это предубеждением, атавизмом бумажной эпохи.

Нет, я понимаю тех, кто любит читать бумажные книги. Это особенности индивидуального восприятия, с этим ничего не поделаешь. Я тоже внезапно обнаружила, что разучилась читать электронный художественный текст. Статьи, биографии, аналитику, монографии — могу, а художественные произведения — нет. Сознание отказывается просто читать, я сразу начинаю вчитываться, искать косяки, менять фразы и предложения… Профдеформация, видимо. Слишком долго я именно и только так имела дело с электронными текстами: как с объектом для работы. Теперь тяжело перестроиться. Но таких, как я, не так уж много, и в основном читатели перешли на планшеты, читалки, смартфоны или просто читают с монитора компьютера. Электронные тексты становятся все популярнее, среди неизданных работ попадается все больше отличных текстов, в то время как "бумажность" книги никак не гарантирует ее качества. Но этот атавизм ("настоящий писатель — только изданный на бумаге, все остальное — графомания") — он остался. Это довольно странное явление, ведь все всё понимают, и сказанное мной выше — не великое открытие, не срыв покровов, и, по-моему, нет ни одного окололитературного форума, где об этом хоть раз не заговорили бы.

Разумеется, бумажную книгу в руках подержать приятно, приятно увидеть свои слова на настоящих страницах; то есть, я еще могу понять, зачем это автору. Но зачем наличие бумажной книги требуется читателю (а точнее, будем говорить честно, критику), который классифицирует литературу не по степени качественности, а по изданности/неизданности? Никак иначе он не умеет определять, хороша ли книга? Или просто все дело в том, что неизданного автора проще критиковать, на него легче давить, аргументируя это тем, что "был бы хороший текст, давно бы напечатали"?

Сейчас бумажная книга — это как "корочка" о высшем образовании. С одной стороны, все прекрасно знают, что институт за плечами еще не гарантирует ни качества знаний, ни профессионализма, и человек "без корочки" может оказаться в том же самом деле куда более способным, опытным и компетентным, а с другой стороны — все стремятся ее



получить, гордятся ею, завидуют тем, кто эту "корочку" имеет.

Бумажная книга, на мой взгляд, может быть сувениром, может быть именно книгой, которую будут читать и перечитывать, потому что удобнее, она может быть чем угодно, но никак не показателем "настоящести" писателя.

— И еще один непростой вопрос. Самиздат. Имеется в виду не популярный сайт, а книги, которые авторы издают за свой счет. Есть признанно хорошие авторы, которые по каким-либо причинам издают свои книги в «печати по требованию», есть люди, которые просто хотят увидеть свое произведение напечатанным, есть те, кто пытается самостоятельно, без участия издательства, получить прибыль от продажи своих текстов. Зачастую такая деятельность удостаивается очень резких отзывов от окружающих. Насколько с Вашей точки зрения перспективен самиздат?

— По поводу перспективности такого подхода я вряд ли смогу сказать что-то позитивное. Не потому что я сторонник тезиса "все самоизданные — графоманы", а потому что такое мнение популярно в читательской среде. Те самые негативные отзывы напрочь могут убить всю радость от созерцания своего текста на бумаге. Но это — что касается психологической, так сказать, стороны проблемы. Есть еще и сторона материальная, практическая. Изданные таким образом книги получаются крайне недешевыми, а ведь автору надо еще и куда-то их пристроить или продать самостоятельно, иначе это будет публикация себе в убыток. Да так оно чаще всего и выходит.

Возможно, все дело в том, что эта сфера еще не развита, и когда-нибудь все будет по-другому, но утверждать не берусь: в этом деле я не эксперт ни разу. Но на данный момент ситуация вот такая, совсем не безоблачная.

— Совсем недавно на одном из ресурсов было интересное обсуждение необходимости литературного образования. Как Вы считаете, насколько оно нужно авторам?

— Считаю — как минимум, не повредит. Хотя, глядя на некоторых критиков, порой я в этом начинаю сомневаться.

— И еще однин традиционный вопрос. Какие творческие планы? Что у Вас сейчас в работе, как проходит работа над последними томами Конгрегации», есть ли задумки на будущее, которыми Вы можете поделиться?

— Сейчас я нахожусь в процессе реанимации романа "Олени и волки", написанного около пятнадцати лет назад — правлю и постепенно публикую в своем разделе на СИ.

Конгрегация временно отложена — до окончания реанимационных работ. А из задумок на будущее пока только одна: дописать «Оленей» и вернуться к Курту Гессе. Он там, наверное, уже заскучал без меня.

Беседовала Рунгерд Яна

Надежда Попова
congregatio.livejournal.com
samlib.ru/p/popowa_nadezhda_aleksandrowna/

Иллюстрации Катерина Белкина
www.belkina.pro

Рунгерд Яна
writercenter.ru/profile/iojeg/whois/

Художница Катерина Белкина

ИМХО

Истинный возраст

Мы распяты на циферблате часов.
Станислав Ежи Ленц

С точки зрения классической физики время — величина абсолютная, на которую ничто в мире не может оказать влияния.

В философии — это необратимое течение, имеющее лишь одно направление — из прошлого через настоящее в будущее.

Психологи же рассматривают время как субъективное ощущение, которое зависит от состояния наблюдателя.

А раз время воспринимается нами субъективно, значит мы можем им управлять. Или хотя бы попытаться изучить этот вопрос детальнее, чтобы понимать, как наши мысли влияют на часовой механизм внутри головы, если таковой имеется.

Честно говоря, я не помню себя в детском возрасте, но в памяти всплывают очень яркие сцены, когда меня за что-то отчитывают, добавляя при этом: «Что с глупого ребенка взять...». А я удивляюсь, потому что знаю совершенно точно: «Я же взрослая, взрослее не бывает!»

Это несоответствие внутреннего возраста и внешнего я запомнила очень хорошо. К тому же оно никуда не исчезло. Мне как было 26-27 лет так и осталось. Ну, почти… Если в паспорт не смотреть и на день рождения никого не приглашать.

Но что думают о себе другие?

Анна Анакина (возраст — слегка за 40): «Очень молодая… Я вообще вижу себя только в зеркале, какая есть, а так… ощущение, что вот только совсем недавно я вышла замуж… Лет 20».

Владимир Бойков (возраст — скрыт, но есть фото): «По собственным ощущениям — от силы лет на 30. Наверное, поэтому у меня нет друзей моего возраста, все моложе».

NeAmina (возраст — данных нет): «Лет 28, не больше».

Анс (возраст — скрыт): «Я застрял где-то между 15 и 70-ю годами, все же ближе к 25: но я в 26 воспринимал себя ужжжасным стариком, у которого уже все самое главное в жизни уже было...»

Sinatra (возраст — данных нет): «Лет на 30 себя чувствую. Не хочу вернуться в 20, а уж в 16 — тем более. 30 — оптимально».

Найко Елена (возраст — 29 лет): «Сколько внешних, столько и внутренних».

Samuel Haruspex Damey (возраст не указан): «В паспорте мне 30 в этом году. Но я себя не чувствую вообще ни на какой возраст».

Ксавьер Паэт (возраст не указан): "Мне 30 с маленькими копейками. Воспринимаю себя, наверно, лет на пять. В это время человек не ощущает возраста, живет в Космосе и все знает. Еще иногда лет на 12-14.

Артем Рыжков (возраст — 16 лет): «Я думаю, что лет 50. С моим вечным «я так устал, так не хочу, как надоело, черт, ааа» я веду себя, как уставший старик. Короче, я старый».

Выборка небольшая, все же наблюдается поразительное единодушие в оценке своего внутреннего возраста между 25 и 30 годами. Берусь предположить, что мы приходим в этот мир уже зрелыми личностями и больше не меняемся.

Или живем так мало, что не успеваем повзрослеть и тем более состариться. Что такое 30, 40 или 80 даже лет на фоне библейских 1500-2000? Краткий миг бытия.

И хоть против отражения в зеркале не поспоришь, но можно использовать данность себе во благо. Этот феномен давно известен. Общаясь, мы смотрим на собеседника и воспринимаем его своим отражением. Так, разговаривая с человеком, который вас младше, вы видите себя юным и дерзким, а глядя на людей более старшего возраста, вы воспринимаете мудрость, не понимая, что она не ваша.

А если вы не знаете своего настоящего возраста, то придумайте историю и запишите ее. Наблюдая за персонажами, мы сможете пережить любой возраст, который сами выберете, и главное — вы увидите себя подлинного: многогранного, интересного, живущего вне времени и даже вне пола, загадочного и одновременно понятного для других. Познав себя, вы познаете весь мир.

Ула Сенкович

Ула Сенкович
writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/
by Seunghee Lee
mixedcolor.blogspot.kr

NeAmina

Письмо

Здравствуйте, Анна, письма — такая редкость в наши бегущие быстрым потоком дни.

Вечер в палате, в окна стучатся ветки, и фонари на аллеях зажгли огни…

Милая Анна, я не любитель писем, строчки — пустое. Лучше сказать в глаза.

Жизнь — это пьеса, и мы от нее зависим, жаль, не сумею всё отыграть назад. Прошлое вряд ли когда-нибудь нас отпустит, хочется, чтобы все оказалось сном…

Что Вы, моя дорогая, не надо грусти…

Я развлеку Вас.

Знаете, за окном в старом туманном парке всегда пустынно, только сегодня странные чудеса: стройная девушка в платье идет старинном. Я б не поверил, если б не видел сам. Пышная юбка, фигура в тисках корсета, голые плечи (не лето ведь на дворе), хищное жало дуэльного пистолета прячется в ткани, как будто змея в норе.

Снежной прозрачной крупой занесло аллею: зимние ветры стремительны и быстры…

Там, на аллее, топчутся два лакея, предусмотрительно зонтика два раскрыв. Бледный мужчина: тонкий батист рубашки полупрозрачен под ледяным дождём, в правой руке пистолет, но не это страшно. Я понимаю, кого он сегодня ждёт.

Тянется время липким противным клеем, капли секунд в часах по одной цедя. Двое теперь стоят на большой аллее, не закрываясь от яростных стрел дождя. Вскинуты руки и найдены обе цели… Знаю, что будет, словно в кошмарном сне: вырвется пуля, болью застрянет в теле, алою жаркой кровью окрасит снег.

Еле ползет минута, вторая, третья. Выстрела нет. Дуэлянты теряют вес, тают туманом, его разгоняет ветер, серые клочья мотаются до небес. В сумрак безликой тенью нырнут лакеи, так и держа над своей головой зонты… Пара минут — на холодной ночной аллее нет ничего, кроме снега и темноты…

Что это было — минувших событий грани?

Шла бы игра, если б я не глядел в окно?..

Милая Анна, на этом свое посланье
я завершаю.
Приятных и добрых снов.

NeAmina
writercenter.ru/profile/NeAmina/whois/

Photo Eugenio Recuenco
www.eugeniorecuenco.com/fichas/720.html

Анна Пан

Классика

«Классиков» белые росчерки,
Камушек-битка в кармашке.
Кто-то зовёт её доченькой,
Кто-то зовёт племяшкой,
Кто-то зовёт её внучкой,
Кто-то зовёт сестричкой,
А кто-то зовёт её злючкой
И дёргает за косички.

Дни — словно строчка за строчкой.
Годы — звезда за звездою.
Кто-то зовёт её дочкой,
Кто-то зовёт сестрою.
Но некому звать её внучкой,
И это непоправимо…
А тот, кто звал её злючкой,
Теперь называет любимой.

А время спешит упрямо,
И стрелкам не крикнешь: «Стойте!»
Кто-то зовёт её мамой,
Кто-то зовёт её тётей.
И даже в зеркале видно —
Та же и всё же — другая.
Кто говорил: «Любимая»,
Теперь говорит: «Дорогая».

«Классики», битка-камешек…
Всё отдано. Всё получено.
Кто-то зовёт её бабушкой,
Кого-то зовёт она внучкой.

Миг

Не замечаем мы
В стремленьи сумасшедшем,
Как будущего миг
Становится прошедшим.

Всего один скачок
С деленья на деленье.
Как пламя над свечой,
Рождается мгновенье.

И умирает в срок,
Как звук шального скерцо,
Единственный рывок
Испуганного сердца.

Дарованный судьбой,
Он — все, что есть на свете.
И этот миг был — твой.
А ты и не заметил.

***

Несётся жизнь, как санки с кручи.
Былое кануло в былье.
Откуда вдруг берутся тучи,
Когда я вешаю бельё?

"Я помню чудное мгновенье..."
Какое? Было ли оно?
Прорвало кран. Кипит варенье.
А не пойти ли мне в кино?

А не пойти ли мне по миру?
И не прийти потом назад
Опять вылизывать квартиру,
Как кошка лижет грязный… хвост?

Дорога брошена небрежно
Ненужной ветошью, рваньём...
Будильник запиликал нежно...
Что, чёрт возьми, опять подъём?

***

Назад на тысячу эпох
(А может быть, вперед)
Однажды мой последний вздох
Меня перенесет.
Мелькнув пылинкой ли, звездой,
Я снова без затей
Явлюсь на свет из лона той,
Что всех всегда родней.
И нить, что жизнь несла вовне,
Блюдя уклад и честь,
Обрежут на веретене
Иль на стреле — Бог весть.
Или свершат обряд иной.
И все начнется вновь:
Мой первый вздох и дом родной,
Надежды и любовь.
Утраты, вечная борьба,
Дорога наугад...
Но беспокойная судьба
Дороже всех наград.
Звон тетивы иль сталь клинка,
Иль жезла тайный свет.
Рун прихотливая строка.
В пыли нечеткий след...
На что похож тот будет мир,
Извечный мой удел —
На Беловодье? На Кабир?
На Гонт? На Ривенделл?
Неважно. Это будет он —
Мой мир, судьба моя,
Куда я рвусь сквозь явь и сон,
Где, знаю, ждут меня.

Анна Пан
writercenter.ru/profile/panann/whois/

Художница Лиза Рей
artnow.ru/ru/gallery/3/12511.html

Не думай о зеленой обезьяне

Богатырёва Татьяна

С вами когда-нибудь случалось дежавю? Если нет, то вам повезло.

В этот раз накатило особенно сильно. "Золотой Саксофон" был почти пуст, я бездумно перебирал клавиши рояля, когда в висок всверлилась боль, затошнило, и кристальную чистоту Чика Кореа взбаламутили голоса-воспоминания:

— *…чего-нибудь душевного…*

— *Аэлита, не приставай…*

— *Любые три числа…*

…смутные образы, запах мартини, сигарного дыма, чужого одеколона…

— *Не думай о зеленой обезьяне,* — *навязчивой реповой темой.*

Пальцы охромели, лилово-прозрачная импровизация в соль миноре рассыпалась на отдельные ноты, фальшивые и бесполезные, как мое предвидение.

Этот сон я видел две недели назад, попытался его записать, но к моменту соприкосновения ручки и бумаги от него осталась лишь одна фраза: "Не думай о зеленой обезьяне". Как всегда — сон забылся и всплыл за пару минут до события, когда уже ничего не изменить. Да и смысл менять? Все равно я никогда не вижу ничего важного. К тому же, не хочу играть с судьбой. Слишком часто проигрывал.

Несколько мгновений кусочки бредового сна стыковались с абсурдом действительности. Затем в мутном зеркале слева от меня показался гангстер по имени Димон — с его появлением паззл сложился, и тошнота отступила, оставив горький привкус предопределенности.

Наш управляющий отлично вписывается в интерьер "Золотого саксофона". Намного лучше, чем само название: у нас отродясь никто не играл на саксофоне, а на черно-белом постере, занимающем всю дальнюю стену, Луи играет на трубе. Все знают, что Луи играл на трубе, кроме нашего хозяина. Но он уверен, что именно джаз-кафе придает его казино "для своих" респектабельность, и уверен в том, что джаз — это непременно саксофон. На самом деле "Золотой саксофон" мне нравится. Уютно, вкусно кормят, приличная публика. Мурку заказывали всего раз, и то управляющий. Он торчит в зале с семи до закрытия, ненавидит джаз и обожает шансон, ест стейк с кровью, носит мешковатые брюки с подтяжками и курит вонючие толстые сигары.

Димон шествовал ко мне, хмуря брови и жуя незажженную сигару. Я наблюдал за ним в зеркале, делая вид, что не замечаю ничего, кроме своей музыки. Разумеется, его это не остановило. Облокотившись на рояль, он неторопливо раскурил гавану, выпустил струю дыма в фикус, отделяющий мой закуток от зала, и уронил:

— Надоело.

Прожевал все, что хотел сказать дальше — у нас респектабельное заведение, а не кабак — и снова затянулся. Я ждал. Кроме сигары от Димона пахло виски. Вместо Чика Кореа по клавишам рояля бродил призрак бетховенской Пятой, но от тех самых четырех нот я пока воздерживался.

Очередной клуб дыма, уже в мою сторону, предварил переход к делу и указал на мое место обслуги. Остро захотелось врезать по кирпичной физиономии, но было жаль рук и жаль работы. За джаз неплохо платят, а публика здесь приличная.

Кроме управляющего.

— Хорош, — зажеванное сигарой слово. — Давай что-нибудь душевное.

Димон барственно уронил зеленую бумажку. Бумажка спланировала в сантиметре от басового аккорда и приземлилась на ковролин. Я продолжал играть джаз.

Управляющий засопел. Обдымил фикус. Пробормотал что-то нереспектабельное.

— Это. Владимирский централ, — значительно сказал он и положил мне на плечо тяжелую руку с пальцами-обрубками и часами "Лонжин". — Лабай, мужик.

Я дернул плечом и обернулся. Конечно, мог бы и сыграть, если бы сей гангстер умел попросить, а не приказать. На миг повисло молчание. Димон давил взглядом, я ждал… Через полсекунды зазвенели тарелки и послышался голос официантки:

— Аэлита, не приставай к мужчине!

Ленка подмигнула управляющему и вильнула обтянутой короткой юбчонкой задницей. Димон просветлел лицом и потянулся её шлепнуть, но не успел, Ленка скрылась на кухне. А из завешенной портьерой арки показался аккуратный пожилой господин с холодно-серыми рыбьими глазами — раньше в "Золотом Саксофоне" я его не видел. О том, что господин отдыхает в неформальной обстановке, говорили только легкий запах мартини и отклонившийся от вертикали на два градуса галстук.

За той аркой скрывалось казино. Я заглядывал туда всего раз и никогда не пытался играть. Не мое это, играть с судьбой — она мухлюет. Но в этот раз она избавит меня от Димона и шансона.

— Доброго вечера, — поставленным тенором поздоровался господин.

Димон что-то прожевал, буркнул "доброго" и отправился на кухню. Проигнорировав управляющего, господин занял его место у рояля.

— Позвольте минуту вашего времени, маэстро.

Не отрывая рук от клавиатуры, я ответил:

— Разумеется.

— Три числа. Любые три числа.

Тема трех карт отлично влилась в импровизацию — я понял, что играю, только когда господин изобразил уголками тонкого рта намек на улыбку. Так и подмывало продолжить шутку… но во сне я сказал совсем другое. Значит, так тому и быть.

— Двенадцать, девять, семь.

Господин коротко поблагодарил и удалился. На рояле осталась неведомо откуда взявшаяся фишка номиналом в двести условных.

Вот и все. Никакой зеленой обезьяны… к чему она была? Ощущение неправильности не желало отпускать, но я не обращал внимания. После дежавю всегда мерзко.

— Кость, ты чего такой зеленый?

Я вздрогнул и поднял глаза. Ольга! Чайковский снова заблудился в струнах, а она

улыбалась нашей старой шутке, которая для меня совсем не шутка: тема Ленского. Вот такая у меня бедная фантазия, Ольга — значит, Ленский. Или просто при виде серых глаз с зеленоватым ободком все умные мысли куда-то деваются. Вот и обезьяна эта: что-то скользнуло по краю сознания — название гостиницы? жарко и далеко? — и пропало.

Я пожал плечами, мол, не зеленый, обыкновенный. Устал просто.

Она покачала головой и сказала:

— Опять не обедал. Только ты так можешь: в кафе сидеть голодным.

А потом был ужин при свечах в пустом зале и разговоры, разговоры… Из казино доносились тихие неразборчивые голоса, на кухне звенело, Ольга говорила о партнерах, контрактах, рассказывала смешное о новой секретутке. Вставляя реплики, я слушал богатый, мелодичный голос и в который раз жалел, что она бросила музыку.

— … будем отмечать в "Праге", — закончила она хвастаться сделкой. — Приходите с Мариной, сколько можно прятать жену от лучшего друга!

Я показательно расстроился и соврал:

— Уже обещались к её родителям на шашлыки. Они не поймут.

— Жаль. А я хотела сказать тебе спасибо, Кость. — Она улыбнулась и словно невзначай коснулась моей руки. — Не надоело, что я каждый раз ною тебе в жилетку? Твоя поддержка для меня так много значит!

— На то и друзья, — ответил я, убирая руку. — Вот видишь, зря боялась, что сорвется. Они не дураки, отказываться от лучших специалистов.

Продолжая нести чушь, я налил Ольге еще кьянти, предложил выпить за удачную сделку, а сам смотрел на русую, растрепавшуюся к вечеру челку, на едва заметные стрелочки усталости у глаз, родинку-звездочку над губой. На роковую красавицу Ольга никогда не походила, тем не менее вокруг неё всегда вилась стая кобелей — из восьми наших однокурсников не попытались закрутить с ней роман только двое, и то по причине слишком сильной увлеченности друг другом. Ну, и я… но я не потому. И не потому, что она была замужем — Ольга всегда замужем, она иначе жить не умеет. Сейчас, кажется, третий мистер Судьба. Ни разу его не видел и видеть не хочу. Хватит с меня того, что вот уже двенадцать лет изображаю из себя лучшего друга девушки.

Прервав на середине очередную историю из жизни рекламщиков, Ольга протянула мне пустой бокал. Я не посмел отказать — она выглядела сердитой и беззащитной, как взъерошенная февральским ветром синичка. Щеки под стершимися румянами порозовели, помаду она давно съела. И выпила больше, чем следует — она никогда не умела пить.

— Жаль, что некому для нас сыграть. — Отхлебнув разом полбокала, она игриво улыбнулась, коснулась моей руки и посмотрела в упор. — Я хочу танцевать. Кость, почему ты никогда не зовешь меня танцевать?

Тут же перед глазами мелькнула картина: я вскакиваю, тяну её на себя, целую — она обнимает меня в ответ… И хлопок закрывшейся двери.

Черт! Черт. Опять!

— Позвольте пригласить вас, прелестная леди, — раздался холодный голос. — Уверен, Константин с удовольствием для нас сыграет.

Я вздрогнул, поймал пробежавшую по руке Ольги дрожь. Обернулся.

Около столика стоял тот самый аккуратный господин и глядел на нас, словно энтомолог на редких бабочек, недостающих в его коллекции. На заднем плане маячила злорадная рожа гангстера Димона.

Первый порыв был — врезать господину с глазами мурены. Ножом и насмерть. Второй — схватить Ольгу и бежать без оглядки. Третий — тупо проигнорировать или ответить шуткой. Только я понимал, что это уже не поможет. Мурене глянулись караси.

— Почему бы нет?

В голосе Ольги был вызов, на губах улыбка, а в глазах узнавание и страх. Она поднялась, изящно подала Мурене руку и проворковала:

— "Moonlight", Костик.

Господин Мурена по-хозяйски притянул Ольгу к себе.

Мне оставалось лишь сжать зубы и направиться к роялю.

Клуб сигарного дыма в лицо и выцеженное сквозь зубы "лох" я проигнорировал, не до Димона. Тем более он прав, я лох. Надо было трепыхаться раньше, когда была возможность. Но я слишком привык, что абсурдные сны бесполезны, вот и проигрываю шулерше-судьбе в очередной раз...

Но не проиграл пока! Еще есть время.

Пока пальцы ласкали рояль, исторгая нежные стоны "Серенады Лунного Света", я закрывал двери.

Танец-поцелуй-уход Мурены с Ольгой — закрыто.

Танец, приставание, ссора, драка с охраной, я в больнице, мурена с Ольгой — закрыто.

Танец, разговор, совместное дело Мурены с Ольгой.

Танец, соблазнение...

Закрыто.

На одиннадцатой антивизуализации вероятностям надоело, и по кафе разнесся вой пожарной сигнализации. Из служебной двери повалил дым, Димон выругался и понесся на кухню, Мурена удивленно оглянулся и на миг выпустил Ольгу. Мне хватило этого мига, чтобы выпрыгнуть из-за рояля, схватить Ольгу за руку, скомандовать "бегом!" и рвануть к выходу мимо нашего столика с недопитым кьянти.

Бежать и правильно бояться было непросто, но адреналин мне помогал.

За нашими спинами Мурена выхватывает пистолет, стреляет, Ольга вздрагивает и падает, кровь разлетается из-под её головы по серой плитке. Второй выстрел — боль швыряет меня вслед Ольге, темнота...

Димон бежит навстречу, злорадно ухмыляется, ставит мне подножку. Удар об пол, Ольга спотыкается об меня и летит вперед, навзничь… позади Мурена командует в телефон: забрать, доставить...

Мы подбегаем к лифту, жмем на кнопки. Лифт молчит. За спинами топот: трое в сером. Мы с Ольгой кидаемся в конец холла, я дергаю дверь на лестницу. Из-за нее вываливаются еще двое серых. "Стоять!" Выстрелы, боль, темнота...

Лифт застревает...

Лифт останавливается и нас встречает охрана Мурены...

На первом этаже засада...

Заблокированные двери на улицу...

Выбегаем на стоянку, шарим по карманам, ключей нет. Бежим, оставляя позади обе машины. Через три удара сердца мой джип взрывается, нас захлестывает огненной волной....

Картинки мелькают, калейдоскоп дверей щелкает: закрыто, закрыто. Холодный пот страха, десятки смертельных неудач. Мы бежим по узкой тропе сквозь случившееся с нами где-то и когда-то, но не здесь…

До автостоянки перед бизнес-центром мы добрались быстро и легко. Никто нас не преследовал, пожарные и милиция не приехали. Сумочку с ключами Ольга успела схватить на бегу и не потеряла, "Шкода" завелась с первого оборота.

Я продолжал бояться — преследования, маячков, засады в переулке, случайно выскочившего из переулка джипа... — пока не выехали на Садовое. Только перед МИДом я выдохнул, взглянул на Ольгу и спросил:

— Подкинешь до дома? Не хочу возвращаться за машиной.

"Не думай о зеленой обезьяне, не думай, не думай..." — повторял, забивая несвоевременные мысли.

Она покосилась на меня, как на психа, и пробормотала:

— Сигареты дай. В сумочке.

Сумочка нашлась у меня на коленях. Выудив пачку, я достал сигарету — медленно, осторожно, чтобы не показать, как у меня трясутся руки, продолжая дурацкую мантру об обезьяне — и подал Ольге. Щелкнул её же зажигалкой.

— И чего мы так неслись? — выдохнув дым в приоткрытое окно, хрипловатым после бега голосом спросила она. — Кость, ты параноик. Или ревнуешь?

— Конечно, ревную, — я пожал плечами.

"Ревную, ревную, только не думать о... зеленой обезьяне, черт подери!"

— Смешной. Все хорошо, Кость. Правда.

— Кто это был, Оль? Ты его знаешь.

Снова ворох картинок попытался вывалиться из подсознания, не спрашивая меня, хочу ли я об этом думать. Нет!

Зеленая обезьяна прыгает по роялю, задними руками играет "Владимирский централ" и, корча рожи, передними чистит сигару, как банан.

— Не знаю я его, Кость, — устало ответила она, в последний раз затянулась и выбросила сигарету в окно. — Позавчера под конец дня приходил к нам в контору, допытывался у Семеновны, кто вел проекты. Мои проекты. Я была на переговорах. Пришла, он ждал. — Ольга резко затормозила, обругав пьяных козлов, которых на дорогу выпускать нельзя, и продолжила, не глядя на меня. — Представился Петром Петровичем, консультантом по консалтингу серьезной компа-

нии. Предложил поработать на них, временный контракт. Условия мутные, сам он скользкий, я отказалась. Он велел немного подумать и не упускать свой шанс. Угрожающе так. И ушел.

Минуты две я смотрел на мелькающие огни Кутузовского и переваривал информацию. Мысли о том, что Ольга врет, не возникло — врет она иначе. Но, возможно, сказала не все.

— Кость, — как-то вдруг жалобно позвала она.

— Да, синичка?

— Я боюсь. Можно я у тебя переночую? Марина же поймет, правда?

Я поперхнулся и закашлялся от неожиданности. И от понимания, что сейчас обязательно случится гадость. Крупная гадость. Потому что я столько раз мечтал услышать от Ольги эту фразу, что все двери, кроме двери в неприятности, давно и прочно закрыты.

Когда мне было десять, я понял, что мечты не сбываются. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Стоит представить себе что-то — не важно, книгу Саббатини под елкой или поездку к морю летом. Даже если вызов к доске на географии, оно все равно не случится. Некоторое время я пытался понять, почему так? Строил сумасшедшие теории, читал запоем учебники по физике и дефицитную переводную фантастику — Кларка, Бредбери, Хайнлайна и Саймака, штудировал энциклопедии и допытывался у отца, что такое время и вероятности. Результатом всего этого стали отличные оценки по естественным наукам и литературе, законная отцовская гордость и полная каша в голове. Вскоре я устал искать ответы, разочаровался в физике и фантастике и решил, что Платон был неправ: бытие определяет сознание, материализм суть истина, и нечего забивать мозги всякой ерундой. Тем более на дворе был конец восьмидесятых, в телевизоре светил прожектор перестройки, в «Огоньке» публиковали Солженицына, и казалось, что скоро случится что-то очень хорошее.

Наверное, слишком многие ждали этого хорошего и проживали его заранее. И прожили все вероятности — для реальности ничего не осталось.

В начале девяностых я думать забыл о вреде мечтаний, слишком интересно стало жить. Привычный мир рухнул, обломки его активно растаскивали для постройки новых, отдельно взятых светлых будущих те, кто не мечтает, а сразу делает. Мои родители были не из таких. Университетские преподаватели, для которых и материализм — идея.

Я лишился их в девяносто третьем, в середине марта. До сих пор пытаюсь убедить себя, что не виноват, но не получается. Никак. Ведь был уже достаточно взрослым, чтобы понимать: мечты — это самое страшное оружие массового поражения. Ничто не убивает так много и так надежно, как мечты о всеобщем добре и справедливости...

В тот понедельник мне исполнилось восемнадцать. Я возвращался домой после ансамбля, усталый, голодный и счастливый. В кармане лежала "Чайка", которая Джонатан Лингвистон — подарок Ольги. Дома ждали родители и торт со свечами. Может быть, если бы я не был таким счастливым и таким голодным, все бы случилось иначе… Но обещанный мамой наполеон стоял у меня перед глазами, когда я ехал в маршрутке, дразнил ванильным запахом, пока я бежал к дому. Я уже чувствовал его вкус во рту, когда у подъезда увидел отъезжающую скорую.

С тех пор я ненавижу сладкое. От вида крема тошнит — мама успела смешать крем и раскатать тесто, когда с ней случился инфаркт. Папа уехал вместе с ней и не вернулся. У него тоже оказалось слабое сердце, а может, он просто не умел жить без мамы.

Что было бы, если бы я не закрыл ту дверь? Не знаю. Может быть, от меня ничего не зависело, и что бы я себе ни думал, все равно бы случилось именно так. А может быть, и правда невозможно войти в одну реку дважды, даже если первый раз это только идея реки.

Не знаю, что было бы со мной, если бы не Ольга, и не хочу вспоминать ту весну. Именно тогда мне стали сниться эти бестолковые сны о будущем, именно тогда я вывалил Ольге все о вероятностях, идеях и антивизуализации. И осознал, что никогда Ольга не будет моей — потому что я не в силах не думать о ней, не представлять… И неважно, действуют мечты на реальность или это тоже какой-то вид негативного предвидения, но я не могу рисковать — лучше у меня будет её дружба, чем ничего.

О моих сумбурных "откровениях" Ольга не вспоминала до выпускного бала. К тому моменту она была замужем во второй раз, я по-прежнему оставался её лучшим другом. Второй мистер Судьба считал меня голубым, наверняка с подачи жены. Зато не ревновал, когда я провожал Ольгу до

метро после третьей пары, а потом мы смотрели закат с Большого Каменного или последними уходили с банкетки напротив "Явления Христа" — на эту картину что я, что Ольга могли смотреть бесконечно.

"Я не настолько талантлива, чтобы стать звездой, Кость, — сбивчиво говорила она, расплескивая третий бокал вина: вчера сдан последний гос, сегодня выпускной, а завтра — неизвестность. — Концертмейстером самодеятельности ДК "Светлое Вчера" не пойду. Хватит, надоело считать копейки. Послезавтра собеседование, и если возьмут в "Смит и Смит"... Я боюсь, Кость. Вдруг им не понравится мой английский? Или..."

Тогда, десять лет назад, Ольга выплескивала свои страхи, а я боялся вместе с ней стрелки на колготках, глупого розыгрыша, каверзного вопроса на собеседовании и еще сотни уже мною придуманных неудач. Первый раз я использовал антивизуализацию сознательно, и она сработала... а может быть, им просто очень нужна была такая вот Ольга, прирожденная актриса и большая умница.

Мы не говорили больше о вероятностях, а все совместные изыскания в НЛП, сайентологии, рейки, гештальте и прочих занимательных науках остались в прошлом. Для Ольги пришла пора их использовать на благо карьеры, а для меня — забить и забыть. Все равно никто из гуру не сказал мне ничего, кроме "прими, как есть, и живи дальше".

Что ж, я сам нарисовал свою карту реальности, мне по ней и жить.

— Прости, Оль, но у нас ремонт, — едва прокашлявшись, выдавил я.

Она отвернулась, пробормотала "угу" и промолчала всю дорогу до Рублева. Я не пытался заговорить, не хотел доламывать и так треснувшее согласие. Молча вышел из машины, не оборачиваясь, дошел до подъезда, набрал номер на домофоне. И только когда позади стих звук удаляющегося мотора, прислонился лбом к холодному металлу. Пиканье домофона тоже смолкло, а я никак не мог оторвать тяжелую больную голову от двери. Наконец, нащупал в кармане ключи. Пора домой, пора.

Внутри было пусто и гулко — что в подъезде, что в голове. Медленно, как столетний старик, поднялся по лестнице на последний, четвертый этаж. По дороге проделал стандартные процедуры параноика:

Вставляю ключ, дверь выносит взрывом;

Шипит, вытекая из замочной скважины, ядовитый газ;

Дверь валится на меня, из квартиры выскакивают люди в камуфляже, за их спинами аккуратный господин улыбается, как хищная рыба;

Открываю дверь, зажигаю свет, вижу направленный на меня пистолет;

Захожу в холл, на полу лежит женский труп...

Закрыто.

Двадцать четыре картинки, по три на пролет. Сегодня на двенадцать больше — в честь Мурены.

На лестничной площадке остановился с ключом в руках: что-то не так! Оглядел дверь напротив, лоснящуюся бордовой кожей сейфовую махину. Как обычно, глазок камеры дружелюбно подмигивает, сама дверь плотно укупорена. Осмотрел свою, такую же махину, но скромно-коричневую и без камеры. Цела, закрыта, ничем посторонним не пахнет... а из-под неё торчит край бумажки.

Мгновенье я равнодушно смотрел на неё, потом заставил себя испугаться и увидеть, как я разворачиваю записку:

Угроза? Требование выкупа за Ольгу? Приглашение на встречу?...

Наклонился, вытянул за уголок рекламный буклет стоматологической клиники. Секунду смотрел на него, потом сложил самолетиком и запустил вниз, в лестничный пролет. Хотелось засмеяться своим страхам, но сил не было.

Холл встретил тишиной и темнотой: слабый свет уличных фонарей пробивался из стеклянных дверей кухни и гостиной. Разулся, на ощупь добрался до ванной. Смотреть на собственную помятую физиономию не хотелось, и умылся тоже наощупь. Тихо, на цыпочках, прошел через кабинет, привычно погладил по боку рояль. Открыл дверь в спальню.

В холодном лунном свете застеленная пледом широкая кровать казалась особенно пустой. Брошенный утром детектив так и валялся на тумбе поверх вчерашней рубашки, тускло отблескивала плазма на стене, дисплей ДВД подмигивал голу-

быми циферками: три ночи, ничего себе. Зевал приоткрытой дверцей шкаф-купе без единой женской вещи — их там отродясь не водилось. Я тоже зевнул, сел на кровать и...

Мне снилась музыка: я знал, что сплю. Рояль, симфонический оркестр, квартет солистов. Я играл, дирижировал и писал ноты одновременно, и, кажется, пел басовую партию "Dies irae". Реквием по мечте. В реальности это несколько листков с нотами и кляксами, вещь, которую я никогда не закончу. Потому что не умею писать музыку — стоит поставить на пюпитр нотную тетрадь или включить диктофон, мелодии убегают, гармонии рассыпаются, и я остаюсь с осколками фальшивых звуков. Только во сне звучит оркестр и летит над залом ольгино сопрано — люблю этот сон. Хоть тут мы вместе: я, она и музыка.

В си-бемоль минорную идиллию врезался львиный рык. Оркестр смолк, оставив меня посреди жаркой саванны на растерзание начальству.

— Слушаю, — проскрипел я в телефон, не открывая глаз.

— К трем у шефа. Разговор есть, — лаконично сообщил Димон и отключился.

Несколько секунд я соображал, что это было, где я сейчас и сколько времени? Продрав засыпанные песком глаза, глянул на телефон. Полдень. Горазд кое-кто дрыхнуть.

Пока умывался и готовил завтрак холостяка — глазунья, горячий бутерброд с сыром и ветчиной, кофе — пытался собрать мысли в кучку. Получалось плохо. Слишком мало информации, одни подозрения и страхи. Хотелось бы надеяться, что вчерашней пробежкой все закончилось, но не верю в случайные совпадения — знаю им цену. Этот Петр Петрович Мурена явно зашел в "Саксофон" не просто проиграть тысчонку-другую в рулетку, а рекламный проспект под дверью в запертом, как сейф, подъезде больше похож на вежливый намек на невежливые обстоятельства. Плюс странный звонок от Димона, словно он боялся сказать лишнего… Паранойя? Хорошо бы, но маловероятно. Только за каким чертом кому-то понадобился никому не известный музыкант? Ни капиталов, ни недвижимости, ни дядюшки-миллионера в Америке у меня нет.

Едва я успел откусить бутерброд, телефон снова ожил. Дебюсси, "Девушка с волосами цвета льна". Давясь, проглотил ветчину, буркнул:

— Угу.

— Ты дома, Кость? — хрупкий, словно стеклянный, голос Ольги.

— Угу. Что случилось, синичка?

— Я внизу, у аптеки. Как сможешь, выйди. Надо поговорить.

Полсекунды я пытался вдохнуть, потом выпалил:

— Зайдешь ко мне?

Ольга хмыкнула, ответила:

— Угу. — И отключилась.

Да… все же думать иногда надо. Головой. Зачем я её позвал? Что скажу? Поздравьте меня, соврамши? Черт, черт!

Я кинул чашку с недопитым кофе в мойку, понесся в ванную, по дороге глянул на джинсы, в которых спал, выругался, схватил расческу, провел ладонью по колючей щеке, снова выругался… все, хватит! Бросил расческу на столик в холле, сунул ноги в кроссовки и, как был, в одних мятых джинсах и небритый, побежал вниз. Я ж умный, не сказал номера квартиры. А она не спросила. Тоже умная.

Ольга уже стояла у подъезда, поеживаясь от ветерка в шелковой блузке. Пиджак она держала в руках, не догадавшись надеть. Миг я рассматривал её: тонкую, маленькую, в легкой длинной юбке, обрисовывающей ноги, с голыми, покрытыми пупырышками руками, без макияжа, с растрепанной прической. Кончик носа покраснел — недавно плакала, но улыбается. Железная моя леди.

Она тоже рассматривала меня — серьезно и удивленно, словно впервые видела. Ну да, не совсем бомж, но близко к тому. Небритый, полуголый, лохматый и помятый — настоящий рыцарь.

— Идем, синичка, замерзла.

Шагнув к ней, я протянул руку, она шагнула навстречу… и тут позади раздался тяжелый хлопок двери. Мы синхронно вздрогнули, обернулись: подъезд закрылся. Ключей можно было не искать, они остались на столе в холле.

Я перевел взгляд на Ольгу, пожал плечами — а она вдруг привстала на цыпочки и поцеловала меня в подбородок. Я инстинктивно обнял её, замер, не веря… Она вздрогнула, фыркнула и рассмеялась.

— Костик, ты… — Ольга отстранилась, оглядела мою ошарашенную физиономию, спустилась взглядом по груди и покачала головой. — А ты неплохо сохранился.

— Пойдем, что ли, — буркнул я и потянул ее к подъезду.

К счастью, соседка со второго этажа, оказалась дома. А дверь в квартиру я не захлопнул, хоть на это ума хватило.

Пока мы поднимались, Ольга молчала. Когда зашли, оглядела по-спартански обставленный холл — без следов женского присутствия — и также молча уставилась на меня. Я забрал у неё пиджак, повесил на плечики. Указал в сторону кухни. Прошел за ней вслед, по пути показав язык лохматому рыцарю в зеркале. Остановился на пороге, наблюдая за осваивающейся на новом месте кошкой-Ольгой.

Она села на мой любимый стул, закинула ногу на ногу и сказала:

— Ну?

— Сама видишь. — Я улыбнулся, развел руками и прошел к плите. — Кофе будешь?

— Буду. Зачем?

Я сыпал молотый мокко в турку, ставил на плиту и думал: а зачем? Зачем четыре года врал, что женат? И зачем сегодня сознался?

— А черт его знает, Оль. Наверное, боялся.

— Боялся… — повторила она. — Чего, Кость?

— Того, что как-нибудь ты окажешься здесь. А я не захочу тебя отпускать.

В молчании я налил кофе в две чашки, поставил на стол, сел напротив Ольги. Налил сливок из пакетика ей, затем себе. Размешал, отпил. Поставил на стол. Она все смотрела на меня, странно так — удивленно и грустно, словно понимала… да все она понимала. Тут только слепой не поймет.

— А меня сегодня уволили из «Смита и Смита», — ровно сказала она и наконец взялась за свой кофе. — Пришла, секретутка от меня нос воротит, а на столе заявление "по собственному", подписанное Дженкинсом, и разрешение не отрабатывать две недели. Хотела пойти поругаться, а потом подумала, что толку? Если хотят уволить, все равно уволят. Проверила карточку, там уже полный расчет плюс двухмесячный оклад. Вот и...

— Петр Петрович не появлялся?

— Нет. Маринует. — Ольга фыркнула.

— Вот будет забавно, если сегодня и мой рояль в фикусах кому-то понадобился. Шеф вызвал к трем на поговорить.

— Кость, что этому козлу от нас надо? Что это вообще за агент Смит такой?

— Понятия не имею.

Мы допили кофе, синхронно глянули на часы: без четверти час.

— Довезешь до "Саксофона", Оль?

Она кивнула, а я пошел приводить себя в порядок. Минутный холодный душ поставил мозги на место, и к тому моменту, как мы сели в машину, я вполне был способен думать не только о том, остался ли у неё на губах вкус кофе.

По дороге меня подмывало закрыть десяток-другой неприятных вероятностей.

Разговор с шефом на повышенных тонах — увольнение без расчета — поджидающий за дверью Мурена.

Первая антивизуализация вышла достаточно убедительной. Вторую, скандал с тем же Муреной на входе в кафе и уход с ним Ольги, я довел до середины, когда Ольга резко затормозила, вывернула в левый ряд и выругалась. Я проводил взглядом подрезавший нас бензовоз и внял предупреждению. Пусть все идет, как идет — не стоит напрягать вероятности свыше необходимого.

К "Золотому Саксофону" мы подъехали без четверти три. Ольга, ни слова не говоря, закрыла машину и отправилась со мной.

Против обыкновения, на парадной двери кафе висела табличка "закрыто по техническим причинам", а из-за неё доносились раздраженные голоса.

— Подождешь?.. — Я кивнул на соседний гриль-бар.

Она качнула головой и пошла за мной к служебному входу. Кабинет шефа был первым слева. Я не успел пройти и двух шагов, как из-за угла коридора вылетела Ленка — почему-то без официантского фартука — наткнулась на меня, сделала страшные глаза и пробормотала:

— Только тебя тут не хватало!

Оттолкнула и понеслась дальше, прочь из "Саксофона".

Мне остро захотелось оказаться подальше отсюда. Ольге, кажется, тоже — она вопросительно глянула на меня, потом на дверь. Но удрать мы не успели. Из кабинета шефа высунулся на удивление бледный Димон без сигары, смерил меня нехорошим взглядом и распахнул дверь, мол, заходи.

— А вы, дамочка, подождите. — Он преградил

дорогу Ольге. — У Константина Львовича приватный разговор.

Вытеснив её, Димон захлопнул дверь.

В кабинете шефа не было. Ни шефа, ни его любимого полуфренча на вешалке, ни знакомой всем обитателям "Саксофона" сумки-планшетки. Зато Димон, ухмыльнувшись, прошел к шефскому столу и плюхнулся в кресло. Показалось, он сейчас задерет ноги на стол в лучших традициях американских гангстерских фильмов, но он ограничился ритуальным раскуриванием сигары — не предлагая мне присесть, разумеется. Я обошелся без приглашения. Перевернул задом наперед ближний стул, оседлал его — не только Димон любит киноэффекты — и, когда Димон собрался затянуться, бросил:

— И к чему этот балаган?

Димон поперхнулся и побагровел, сунул в рот незажженную сигару с обрезанным кончиком, вынул, стукнул кулаком по столу и заорал.

Из потока фени пополам с матом я понял только, что вчера система пожаротушения залила зал и попортила интерьер на энную сумму, и виноватым в пожаре и ущербе Димон решил назначить меня — логично, не с себя же вычитать за несоблюдение техники безопасности.

— Ты, (нецензурно), попал на бабки (длинно нецензурно), в три дня (нецензурно), — орал Димон, размахивая сигарой.

По сценарию мне положено было бояться, да и стоило, наверное. К гадалке не ходи, управляющий устроил все так, что шеф не усомнится в его словах. А у шефа все конкретно и респектабельно: юристы, риэлторы, приставы, а для страховки гориллы в черных костюмах от Хьюго Босс. Но эта сигара в волосатом кулачище с печаткой меня доконала, и я засмеялся.

Димон осекся, вытаращил глаза и привстал, опершись на стол. Физиономия его приобрела цвет благородного овоща буряка, правая рука потянулась к поясу — видимо, рефлекторно нащупывая оружие. А я в темпе prestissimo agitato закрывал вероятности:

Пистолет нашелся, Димон стреляет, я падаю вместе со стулом;

Димон рычит, опрокидывает на меня стол и лезет добивать кулаками;

Вытягивает из-за пояса сзади дубинку, кидается на меня...

Я буквально видел, как Димон тыкается в двери-вероятности, растерянно мотает башкой и башкой же их таранит — а в моих руках ключи, бесконечная связка ключей. Мне было весело и здорово — наверное, это и есть эйфория, когда вдруг понимаешь, что тебе нечего терять, и именно поэтому ты выиграешь.

На второй минуте игры в гляделки открылась дверь.

— ...нехорошо заставлять даму ждать! — послышался знакомый вальяжный голос.

Я обернулся и обругал себя кретином: забыл, мастер джедай хренов! Двери закрыл, ворота оставил.

— Вы не будете против, Дмитрий Семенович, если мы с Ольгой Викторовной присоединимся к вашей беседе? — не обращая внимания на апоплексического Димона, осведомился Мурена и выдвинул для Ольги стул. — Присаживайтесь, Ольга Викторовна.

Глядя, как Димон глотает мат с феней и сдувается, я понимал все яснее: чудная идея с экспертизой ущерба, судебным иском и суммой с семью нулями принадлежит не управляющему. Черт знает, чего Мурена хочет от Ольги, и при чем тут я, но он в полной уверенности, что караси никуда не денутся. И он, похоже, прав. Эйфория всемогущества испарилась, я чувствовал себя выжатым.

Мурена тем временем продолжал сольную партию:

— ...не ошибаюсь, о вчерашнем досадном происшествии. Жаль, уважаемый Константин Львович, что вы так поспешно нас покинули. Я понимаю, вы заботились о даме, но все же так неудачно получилось. Думаю, нам стоит обсудить...

Ольга переводила потерянный взгляд с меня на Мурену, на Димона и снова на меня. Бедная синичка, её сожрут и не поморщатся.

— Вы не против, Дмитрий Сергеевич? — Мурена остановил взгляд на управляющем.

— Э... разумеется, э... — вспомнил свою роль поникший Димон.

С актерскими способностями у него всегда был напряг, но я показательно верил, даже принял озабоченный вид и подал реплику:

— Давайте обсудим.

Мурена изобразил улыбку, в прозрачных глазах мелькнуло удовлетворение.

— Приятно иметь дело с адекватными людьми, — тон Мурены потеплел на пару градусов. — Уверен, мы с вами сможем прийти к согласию по поводу.

Следующей стадией значилось соблазнение: хорошими адвокатами, частной договоренностью, которую может обеспечить Мурена, повторной экспертизой и снижением суммы на порядок, а то и два. С точки зрения НЛП работал он просто отлично. Подстройка, ведение, выявление и обострение потребности, обволакивающий и проникающий под любые щиты сомнений голос — если бы эта работа не касалась нас с Ольгой, я бы аплодировал профессионалу. Но...

Изображая позой и лицом постепенную сдачу с редкими всплесками протеста, я пытался понять — какой жар он хочет загрести нашими руками и как этого избежать? В том, что "сотрудничество", на которое начал намекать Мурена, не принесет нам с Ольгой ничего, кроме глобальных неприятностей, я не сомневался, как и в том, что если на нас потратили столько времени, то так просто не выпустят.

— ...вашего участия в проекте.

— Что за проект, Петр Петрович? — подыграла Ольга.

Видимо, это было контрольной меткой для следующей стадии: Димон вскинулся и снова заорал что-то нецензурное насчет лохов и дешевых куриц. Ольга побледнела и сжала губы, мое внутреннее спокойствие треснуло. Поддаться? Сломать игру? Без разницы — у Мурены предусмотрены все варианты.

Профи, черт тебя возьми. Ненавижу.

Я вскочил, выцедил:

— Мы не собираемся разговаривать в таком тоне.

Шагнул ко встающей Ольге...

Острое ощущение неправильности обожгло, время замерло раскиданным паззлом: я знал, что сейчас будет, но ничего не мог поделать. Сон вспомнился слишком поздно.

— Прошу прощения, Ольга Викторовна, Константин Львович, — журчит Мурена. — Такое больше не повторится.

Он в три шага достигает ничего не понимающего Димона, выхватывает из-за пазухи нож — тот самый, которым я вчера резал стейк, ручка обернута в пластик, чтобы не стереть отпечатков — и всаживает под ребро. Подтяжка лопается с громким треском, Димон дергается. Мурена вытаскивает нож. Вытаращив глаза, Димон зажимает руками рану, из-под волосатых пальцев по белой рубашке расплывается красное пятно. Димон застывает, заваливается вперед — Мурена толкает его назад, и мертвый управляющий откидывается на кресло.

Мурена оборачивается к нам с вежливой улыбкой:

— Мы предпочитаем надежные решения.

Я ловлю оседающую Ольгу, смотрю, как Мурена заворачивает окровавленный нож в целлофан...

И выныриваю в реальность — на словах "не повторится".

Удар, кровь, нож в целлофан. Обернулся:

— Мы предпочитаем...

Всплеск адреналина прояснил мозги. Эту игру я не имею права проиграть — ставкой моя Ольга!

В этот раз я четко знал, в какую дверь должен зайти Мурена, и быстро закрывал остальные. На самом деле это просто: антивизуализировать любое его возможное действие и любое постороннее обстоятельство.

Дверь первая: в кабинет входит/заглядывает официантка/шеф/уборщица/охрана бизнес-центра/незнакомый мужчина. Закрыто.

Дверь вторая: Мурена достает телефон, нажимает кнопки/телефон звонит, Мурена принимает звонок. Закрыто.

Пока Мурена демонстративно прятал улику за пазуху и толкал речь о том, что ему крайне нужны надежные, способные к нестандартным действиям сотрудники, мы с Ольгой таращились на него, как загипнотизированные овцы, и внимали. В основании черепа шевелилась боль — как всегда, за игру со случаем приходится платить.

Дверь третья: Мурена кладет на стол бумаги и требует подписать. Закрыто.

— Что вы от нас хотите? — жалобно спросила Ольга. — Зачем вам именно мы?

— Для нашего проекта подходят далеко не все, дорогая Ольга Викторовна. Когда вы приступите к своим обязанностям, я покажу вам результаты некоторых очень интересных тестов. Надеюсь, вы не очень расстроились из-за этого? — Мурена кивнул на труп. — Признайтесь, вы бы с удовольствием сделали это сами.

Я словно нехотя кивнул и чуть не вскрикнул от пронзившей виски боли.

Дверь четвертая: Мурена кивает на дверь, предлагает обсудить подробности у него в конторе, а пока этой досадной мелочью займутся специальные люди.

На лице Мурены мелькнуло замешательство, словно он забыл слова роли. Мы с Ольгой молчали, прижавшись друг к другу. В моем черепе билась о стенки бешеная зеленая обезьяна. Ольга мелко дрожала и сжимала мою руку.

Дверь пятая: звонит телефон, Ольга достает его, наживает на кнопку, телефон взрывается; Ольга хватается за грудь, оседает...

Дверь шестая: воет пожарная сигнализация, в коридоре топот;

Дверь седьмая: у меня темнеет в глазах, боль в груди, инфаркт/голову разрывает боль, инсульт; ветер разбивает окно и в меня летит осколок...

Дверь восьмая: в глазах Мурены понимание, он кидает тяжелой пепельницей со стола в меня/в Ольгу/в окно; бросается к Ольге, хватает ее за горло и требует прекратить /подпрыгивает на месте и начинает читать стихи...

Закрыто, закрыто, закрыто!

Головная боль чуть утихла, зато в животе под-

Photo xetobyte

нялась тошнота, резь — я ответил еще одной антивизуализацией. Только бы не упустить инициативу!

— Мы заботимся о наших сотрудниках, — продолжил Мурена. По его виску стекла капля пота, но тон доброго дядюшки он держал. — Вы же понимаете, нам нет смысла предпринимать столько усилий, чтобы получить одноразовый инструмент...

Картинки сменяют друг друга, реальность истончается, натягивается тетивой. Мурена мечется между захлопывающимися перед его носом дверьми, не может понять, что идет не так.

Дверь девятая: Мурена вдыхает, что-то произносит/кашляет/сглатывает...

Где-то на краю лопается струна си...

Шагнув к нам, Мурена споткнулся, протянул руку к столу, пытаясь удержать равновесие, наткнулся на лампу. Что-то затрещало, вспыхнуло, запахло паленым волосом и резиной. Не удержав равновесия, Мурена упал лицом вниз, неловко вывернув руку.

Длинную-длинную секунду я смотрел на тело, не веря, что получилось.

— Пойдем, Кость, — шепнула Ольга.

— Сейчас.

Я погладил её по плечу, поцеловал в макушку — как сладко пахнет моя несбыточная мечта! — и присел около Мурены. Не переворачивая, обшарил карманы. Вытащил телефон, записную книжку, ручку, магнитную карточку без опознавательных знаков… и все. Ни документов, ни ключей.

Из "Золотого Саксофона" мы уходили тихо и быстро. Меня трясло от адреналина: агрессия, страх, шерсть дыбом и нервы, как растяжка, тронь — взорвется. Вероятности я больше не беспокоил — знал, что еще одна антивизуализация, и на голову упадет кирпич. Эти кирпичи были повсюду, один неверный шаг, и нас обоих завалит.

"Не думай о зеленой обезьяне", — твердил я вместо того, чтобы думать о том, что ждет нас за дверьми лифта.

Выйдя на стоянку, я дернулся было в сторону своего джипа, но Ольга сжала мою руку — одновременно с ощущением, что это неверный шаг. Сели в её машину, выехали со стоянки… и меня стукнуло. Зеленая обезьяна! Отель и ресторан в Бангкоке, где наши, с соседнего курса, играют джаз — совсем же недавно Славка звонил Ладинскому, а тот рассказывал мне. У них как раз клавишник собирается уезжать домой.

Придурок ты, Костик. Беспамятный придурок.

— Оль, загранпаспорт с собой?

Она кивнула.

— Тогда в Шереметьево.

Она вздохнула и снова кивнула, а я содрогнулся: куда же я тебя втравил, моя синичка? И смогу ли вытащить?

— Помнишь Славку из группы Канторовича?

Ольга помнила. И про «Зеленую обезьяну» слышала еще в прошлом году. И даже собиралась когда-нибудь, в отпуск, туда поехать.

Определившись с путями отступления, я занялся добычей: записная книжка, телефон, ручка. Книжка не дала ничего: новенькая, на трех страничках разрозненные буквы и цифры. Здесь нужен шифровальщик, а не пианист. Ручка — паркер с золотым пером, без проводков, чипов и прочего, что положено находить в фильмах. На всякий случай я выкинул её в окно. И телефон, "Nokia" из самых дорогих. Штук двести номеров, все с инициалами, в одном формате. Можно, конечно, что-то выяснить, но нам не до этого. Органайзер — пуст. Записок — нет. Фотографий — нет. Увы, не выходит из меня крутого детектива, я до сих пор не понял, кто этот Мурена и какого черта ему было от нас надо.

Несколько секунд пялился вперед, на какой-то переулок, пока не сообразил, что мы свернули с забитого Садового чуть раньше Тверской, около музея Глинки. Улица Фадеева, кажется. Успеем ли… стоп. Не трогать вероятности! Лучше заняться телефоном.

На всякий случай нажал кнопку диктофона.

— …в работе кафе и казино "Золотой Саксофон", которое часто посещает омега, — послышался холодный голос Мурены. — По данным базы, коэффициент фатум "Золотого саксофона" шесть. Объект икс предположительно находится на пересечении омега и казино. — Шорох, пауза, меняется фон. — Объект икс найден. Тапер. Типичный узел. Проверка дала три из трех, предположительный коэффициент фатум двадцать. Беру в разработку вместе...

Раздался визг покрышек, меня швырнуло вперед, ремень безопасности врезался в плечо. Телефон вылетел из рук. В десятке метров впереди, из-за длинной сталинки, вырулила фура, пере-

городила дорогу и остановилась. Из кабины вылез мужик в кожанке, пнул колесо.

— Урод, — прошипела Ольга. — Придется разворачиваться.

А меня снова накрыло.

Мы едем по этой же улице, но назад. В полуквартале перед нами выруливает бензовоз, из его кабины выпрыгивают трое, машут руками. Сзади нагоняет фура. Мы останавливаемся, выходим. Трое из бензовоза ведут нас в фуру, заталкивают, куда-то везут.

— Оля, стой! — вырвавшись из воспоминания, крикнул я. — На, бери и беги. Уезжай.

Она остановила машину передними колесами на низком бордюре, от фуры закрывала припаркованная газель. Глянула на меня дикими глазами, поняла.

— Костя… но ты...

Я сунул ей в руки обе сумки, её и свою.

— Прошу. Быстрее, синичка!

Миг она смотрела на меня, потом быстро поцеловала в губы — и выскочила из машины. Пригнувшись, скользнула в арку, побежала в сторону Тверской. Я следил за ней краем глаза, перебираясь на водительское сиденье. Закончил разворот, тронулся — и дал оркестру ауфтакт бетховенской Пятой:

Нота первая: мотор глохнет, Ольга спотыкается, из фуры к ней бежит кожаный мужик.

Эту дверь закрыл.

Голову расколола боль. Я нажал на газ.

Нота вторая: фура выворачивает на улицу, из нее выпрыгивают двое, бегут за Ольгой, стреляют вслед. Она падает.

Закрыл.

Желудок подкатил к горлу, во рту стало горько. Газ — в пол.

Photo Elina Akselrud

Нота третья: Ольга бежит к Тверской, ей навстречу незнакомцы, ловят ее, запихивают в машину.

Закрыл.

Перед глазами двоится, в груди жжет, я выворачиваю руль вправо, навстречу бензовозу. Мотор ревет бесконечно длинную четвертую ноту:

Бомбила — засада. По дороге к Шереметьеву авария. Билетов на самолет нет. Пограничный контроль не выпускает. Самолет попадает в грозу и падает. Контора Мурены ищет Ольгу по всему миру...

Захлопываю двери, одну за другой, оставляя Ольге узкую дорожку к… свободе?

Огненный ком в груди растет, оркестр торжествующе гремит, бьют литавры. Темнота взрывается фейерверком разноцветных нот, я лечу: над пылающим бензовозом, намертво сцепившимся с красной "Шкодой", над гудящей Тверской, над Москвой в зеленой дымке проснувшихся деревьев.

Почему-то Москва пахнет сигарным дымом и жареным мясом, звучит знакомыми голосами:

— *… чего-нибудь душевного...*

— *Аэлита, не приставай...*

— *Любые три числа...*

… смутные образы, запах мартини, одеколона...

— *Не думай о зеленой обезьяне.*

Мгновенная дурнота отступает — я не успел сбиться с нот — ясно вспоминается недавний сон, а меня берет злость. Чертово дежавю, водит меня, как на веревочке! Хватит. Буду думать о зеленой обезьяне.

В мутном зеркале появляется гангстер, окутанный клубами сигарного дыма. Я завершаю пассаж и встаю. Внутри отчаянная и злая радость — я сам не знаю, что сейчас буду делать, и это прекрасно. Это свобода!

— Можешь засунуть свой шансон себе в зад, — шагая навстречу управляющему, говорю я. — Мой рабочий день окончен.

Для убедительности вынимаю сигару из его рта, тыкаю ей в табличку над самым роялем "ноу смокинг" и бросаю в кадку с фикусом. Пока Димон багровеет и скрипит мозгами, огибаю его, иду к выходу. Вслед мне несется:

— Ты, (нецензурно), здесь больше не работаешь!

Оборачиваюсь, подмигиваю Димону и показываю большой палец. Мимо меня проскальзывает Ленка с полным тарелок подносом, хихикает и бежит на кухню. А я иду дальше, к дверям, на свободу… и грохаюсь на пол. Позади звон тарелок, громкий "ах!", а я рассматриваю шкурку от помидора, на которой поскользнулся. И смеюсь: боже, какого черта я столько лет торчал в этой забегаловке?

Причина торчания в забегаловке входит в зал, смотрит на меня удивленными серыми глазами, склоняет голову на бок, как синичка, и смеется. Ольга изумительно смеется — на щеках получаются ямочки, которые так и хочется поцеловать. И схватить ее на руки, и не отпускать… боже, какого черта я ни разу за двенадцать лет не сказал ей, что люблю?

Вскакиваю на ноги, не обращая внимания на ноющий копчик, обнимаю Ольгу и вывожу прочь из забегаловки. Подхватываю на руки и говорю:

— Завтра мы едем в Бангкок. Там есть чудная гостиница "Зеленая Обезьяна".

Она смотрит удивленно, вдруг обнимает меня за шею и смеется:

— Костик, ты псих.

— Я люблю тебя.

— Я знаю, — шепчет она.

А я не знаю, что она скажет дальше. Не знаю, будет ли Бангкок, или она вернется к своему мистеру Судьба номер три, или прилетят инопланетяне и подарят нам коммунизм. Не знаю. И знать не хочу. Я свободен!

— *…объект омега покинул заведение вместе с предположительным объектом икс. Предположительный коэффициент фатум в пределах двух. Объект собирается переместиться в зону Тай, рекомендую продолжить наблюдение силами местных сотрудников.*

Богатырёва Татьяна (Тигра Тиа)
writercenter.ru/profile/tigra_tia/whois/

Photo Elina Akselrud
elinaakselrud.com/photo/

Photo xetobyte
xetobyte.deviantart.com

Парадокс Бернадского

Токио Спагетти

— В смысле — «музей прошлого»? — спросил Иван у человека-щита на Невском. — Какого конкретно прошлого?

Рекламоноситель — немолодой усач в кепи — молча сунул Ивану в руки визитку-флаер. Она, как и щит, была черно-бела и немногословна: «Загляни в Историю. Вторая подворотня, налево". Иван перевернул ее, на обороте было тиснуто: «Приключение в подарок». Усач махнул головой на подворотню у себя за спиной.

Звякнула эсэмэска в телефоне. Марина писала: «Задерживаюсь, погуляй пока без меня».

Иван шагнул в подворотню. Миновав двор, в грязном чреве второй подворотни он нашел железную дверь с вывеской «Музей Прошлого».

— Милости прошу, молодой человек! — на звон дверного колокольчика из-за занавески в сени (иначе эту плохо освещенную кладовку со стеллажами вдоль стен не назовешь) выскользнул старичок с бородкой клином, в очках-велосипедах, в атласном зеленом жилете и мятых розовых брюках. На стеллажах стояли фотографии в рамках — большие, маленькие, цветные, черно-белые. Полумрак скрадывал детали изображений. К торцам полок крепились хронологические указатели.

— Это весь музей? — Иван кивнул на стеллажи. — И в чем прикол?

Старичок дернул за шнурок на стене, и полки ярко осветились. Иван рассмотрел фотографии. Обычные туристы, позирующие перед камерой вместе с ряженными в исторические шмотки массовиками-затейниками.

— Это и есть ваше приключение? — Иван усмехнулся. — Фотосессия с ряженым Петром Первым?

Старичок поправил очки, осторожно снял с полки одну из фотографий и прижал ее к груди.

— Вы когда-нибудь хотели спасти мир, молодой человек?

Вопрос хоть и звучал риторически, но, похоже, старик ждал на него ответа.

— Как Брюс Уиллис? Или как Гринпис?

— Нет! По-настоящему! Предотвратить катастрофу или войну!

— В мечтах — кто ж этого не хочет?

— И я хотел. И мне казалось, что мог. И только после тридцати с лишним лет попыток я сдался.

— Попыток?

Он наконец протянул Ивану фотографию. Подтянутый мужчина с закрученными усами на оду-

тловатом лице, в белом кителе, стоял, опершись локтем о каминную полку. С другой стороны камина человек в штатском симметрично повторял позу военного. Очки-велосипед, бородка клином — он был похож на музейного старичка, только лет на двадцать моложе.

Иван пожал плечами.

— Июнь четырнадцатого года. Сараево. Эрцгерцог Франц Фердинанд и ваш покорный слуга. Прошу прощения, я не представился. Бернадский, Казимир Ильич.

— Ха-ха-ха! Так у вас тут машина времени припрятана? Круто! — Иван не знал, начинать ему бояться сумасшедшего старика в клоунском наряде или можно поприкалываться над безобидным существом. — Значит, приключение — это путешествие в прошлое? И все эти люди на фото — они там побывали? И это настоящий Петр Первый? И они, типа: ой, можно, Петр Алексеич, с вами сфоткаться? А он такой: почту за честь, пришелец из грядущего, давай еще и бояр позовем для пущего понту.

— Зря смеетесь, милейший… Как вы сказали, вас зовут?

— Не говорил, но пусть будет Иван.

— Так вот, Иван, раз уж вы здесь, вы же не

Photo Yyasna-chan

уйдете, не проверив мои слова?

— Ну, если ваш агрегат не расчленит меня на органы… Любопытно, как выглядит «настоящая», — Иван жестом закавычил слово, — машина времени.

— Очень хорошо, что у вас позитивный и ироничный настрой. Но прежде чем вы пройдете в исторический модуль — то, что вы называете машиной времени, — и выберете время, я хочу вас предупредить. Историю нельзя изменить. К сожалению, как я уже сказал, мой тридцатилетний опыт в этом бизнесе не дает мне опровергнуть этот тезис. И теперь я просто предоставляю вход в прошлое, но, как бы вы там ни старались, вы ничего не измените. Вы не сможете убить Гитлера или помешать убийству эрцгерцога, вы даже не сможете предотвратить появление этого пятна на вашей куртке. Это своего рода спонтанная регенерация тканей истории — каждый раз, когда я пытался что-то исправить, она, История, неуловимо меняла этот фрагмент так, что все снова вставало на свои места.

— Значит, спасать мир можно только в реальном времени?

— Совершенно верно! Но кто станет очередным французом-фердинандом, которого надо уберечь от пули, чтобы остановить Третью Мировую, мы можем узнать только постфактум. Предвижу ваш вопрос — нет, в будущее я вас отправить не могу. Вероятно, по той же причине. Ведь спасете вы мир или нет — итог ваших действий станет частью той истории, которую мы бессильны изменить. Спонтанность — единственный принцип создания истории. И никаких воздействий извне.

— Вы пытались спасти эрцгерцога? — Иван кивнул на фотографию. Дед заливал мастерски, и Иван почти увлекся его бреднями.

— Да! Вы представляете, Иван, какие амбиции я лелеял — отвести руку убийцы! Всего-навсего! Но какого убийцы! А потом — вернуться и посмотреть, что будет. Сколько раз с замиранием сердца я выходил из модуля назад в свой мир! И — ничего. Что бы я ни делал, но Гаврило Принцип, отбросив свой бутерброд, выбегал из кафе, доставал револьвер и палил в эрцгерцога и его несчастную Софи. В конце концов я даже, — тут он зашептал, — сам стрелял в эрцгерцога. Прямо на этом приеме у генерала Потиорека. — Он ткнул в фото.

— Я решил, если это сделают не сербы, а кто-то другой — ультиматума не будет, войны с Сербией не будет, Первой Мировой не будет. Черта с два! — В сердцах он размахнулся и чуть было не швырнул рамку с фотографией об пол, но вдруг остановился и с грустью продолжил: — Императорский сыск, не найдя виновного, то есть меня, ибо я сразу же вернул себя сюда, все равно свалил все на сербов. Вот к чему привели меня амбиции — я стрелял в эрцгерцога Франца Фердинанда… Ирония судьбы, не находите?

— Вы могли бы остаться там, чтобы вас взяли с поличным.

— Верно, мой мальчик. Но тогда я не думал о себе как о жертве. У меня была жена, дети. Считаете, что я жалок? Жена и дети — против миллионов жизней?

— Я не знаю. Я еще никогда не спасал мир.

— К тому же теперь я уверен, что жертва была бы напрасной. История регенерировала бы первоначальную ситуацию.

— Но в таком случае и вы бы остались живы и вернулись обратно — если исходить из неизменности истории, разве нет? Хоть катком по вам проедь — история вернет все косточки на место. А?

— Гипотетически — да. Но мне не приходило в голову исследовать вопрос с такой стороны… — Он задумался.

Что-то бормоча и пощипывая бородку, он изучающе смотрел на молодого человека.

Photo Inesa Kayuta

— А что, если мы попробуем еще разок? В конце концов, вы же пришли за приключением. Я даже не возьму с вас пятисот рублей за билет. За счет заведения, так сказать. Сам-то я уже староват для таких… экстримов. А вы самое то. Как вы на это смотрите, сударь?

Иван взглянул на телефон — новых эсэмэсок не было, значит, время похихикать над машиной полоумного старика у него еще было.

— Страховка-то у вас хоть есть?

— Страховка оплачивается дополнительно, по вашему желанию, триста рэ.

— Дороговато за спасение мира. Обойдусь без страховки. Показывайте вашу тайм-машину.

Старик нырнул за занавеску и поманил Ивана за собой пальцем. В соседнем помещении полумрак был еще гуще. Посреди комнаты стояла подсвеченная снизу синяя туалетная кабинка с электронной панелью на двери. Тут Иван уже не выдержал и рассмеялся.

— Ладно, я понял. Пятисот рублей, конечно, не стоит, но смешно. Если не нарветесь на фанатов Доктора Кто. А то они могут обидеться за такой Тардис.

Он хотел подойти к кабинке и рассмотреть панель поближе, но почувствовал укол в шею и потерял сознание.

Иван мягко осел на пол. Казимир Ильич схватил его за шкирку и потащил к незаметной двери справа в стене.

— Уж простите великодушно, Йован Данилович, — пыхтя и отдуваясь, бормотал Казимир Ильич Бернадский, — не успел вам дорассказать, как обмануть старушку Историю. Всего-то и нужно — убить потомка убийцы — и в родовом генетическом коде пойдёт обратная реакция. Эдакая хрономутация. Каюсь, я еще не до конца теоретизировал феномен, но практика это подтверждает. Вот ведь парадокс — чтобы изменить прошлое, нужно изменить будущее. Назову-ка я этот финт «Парадоксом Бернадского»… Ох, и сколько ж прыжков во времени пришлось сделать, чтобы подгадать ваше появление здесь.

Бросив тело за дверью, Казимир Ильич довольно потер руки, подошел к кабинке, набрал комбинацию кнопок и вошел внутрь.

Токио Спагетти
writercenter.ru/profile/pauldesign/whois/

Photo Yyasna-chan
yasny-chan.deviantart.com

Photo Inesa Kayuta
innakayuta.deviantart.com

Выбор жанра

Дмитрий Самохин

По земле струился густой смог, обволакивающий дома словно подарочной ватой.

Пахло гарью.

Гарри курил трубку, раскачиваясь в кресле-качалке на террасе ветшающего дома. Гарри купил этот дом двенадцать лет назад в рассрочку. В этом году он внес последнюю сумму выплат, а дом уже разваливался.

Гарри нравился запах костра, ставший доминирующим в букете августовских ароматов. Это был его сорок второй август, и он был окрашен в тона печали. Близилась осень. Вдыхая дым табака, Гарри качался и размышлял о своей жизни, которая длинным отрезком лежала за его плечами и затуманенным рельсом уходила в будущее. Что он успел сделать? Зачем жил? Для чего все это?

На кухне гремела сковородками его жена и что-то аппетитно шкворчало, испуская пряные ароматы. Гарри знал, что на ужин у них сегодня бифштекс с кровью по-мексикански и спагетти баланьезо под сырно-томатным соусом. Его жена любила готовить, чем отличалась от большинства американских женщин, предпочитающих полуфабрикаты из микроволновки.

От дыма защипало глаза, и Гарри раскашлялся, чувствуя, как квакает в легких будущий рак.

— Марта, пива! — прикрикнул он и расстроился, разобрав в своем голосе усталость.

Хлопнула дверца холодильника, и на веранде показалась женщина тридцати лет с седыми волосами и красивым лицом. Она поставила перед Гарри бутылку «Будвайзера» и, не сказав ни слова, удалилась, но ему показалось, что в ее взгляде просквозило осуждение и капелька жалости, будто песчинка на дне ведра, заполненного кристальной чистоты водой.

И Гарри подумал: «А зачем я женился на этой женщине? Зачем мне Марта? Разве Гарри не самодостаточен? К чему я породил таких никчемных людишек, как Брюс и Рем?»

Ответов на вопросы не было.

Гарри окинул взглядом подъездную дорожку, конец которой увяз в тумане, словно жадная оса в густом меде, и сквозь туман различил очертания двух елочек, различных по высоте. Правая была выше левой на два метра. На два года Брюс был старше Рема. Эти елочки Гарри посадил, когда у него родились сыновья, уже успевшие превратиться в продвинутых тинэйджеров, попросту в

Художник Zach Sharts

отвязанных бездельников, прохлаждающихся от марихуаны к пиву и от пива к марихуане.

Между елок на дорожке из тумана вылепилась фигура, широкоплечая и полная, которая при приближении оказалась старинным другом Гарри, Олдо Бланком.

— Привет, Гарри!

— Привет, Олдо! — вяло поздоровался Гарри, поднимая в знак приветствия бутылку с пивом. — Пиво будешь?

— Да, не отказался бы от бутылочки, — сказал Олдо, плюхнувшись в соседнее плетеное кресло и водрузив ноги, обутые в кожаные ботинки «Гриффитс», на перила веранды.

— Марта, пива! — крикнул Гарри, вскрывая свою бутылку о край стола. — Ты не знаешь, откуда туман?

— Так леса горят, — отозвался Олдо. — Около Джанкшен-Сити торфяники полыхают.

— То-то гарью тянет.

Из дома вынырнула Марта с бутылкой «Будвайзера» и хлопнула ее на стол, сверкая раздраженно глазами.

— Слушай, я видел сейчас на углу тридцать седьмой твоего Рема, — сообщил Олдо, вскрывая пиво и делая первый глоток. — Так он, по-моему, обшаренный в никакое, и рожа в крови, словно с бутылочным крошевом целовался…

— Опять ты мыло смотришь? Щелкни канал, — потребовал шипящий женский голос.

ЩЁЛК

Кафе «У Фонтана», выплеснувшее столики на улицу, находилось в тени четырех раскидистых каштанов, сбрасывающих свои рогатые плоды, похожие на гранаты, на посетителей и мирно выгуливающий воскресный летний день люд. У кафе журчал, разбрасывая вокруг капли, фонтан, выстроенный в виде цветочной кадки, из которой гейзером били струи, распадающиеся в метре от источника цветочными лепестками. На гранитном поребрике, ограждавшем фонтан, сидел высокий бородатый мужчина с мутными от алкоголя глазами, с растрескавшимися в белках капиллярами, грязными, до плеч, черными патлами волос, сдобренными перхотью, и потным лицом. Его звали Алексей, и был он одет в потертую джинсу. На плече висела черная в два отделения сумка со сломанными молниями. Алексей цедил из бокала пиво и слушал, как в голове бродит опьянение. Места за столиком ему не хватило, и он примытарился у фонтана, игнорируя взгляды, полные презрения, которыми одаривали его люди за столиками.

На площади перед фонтаном появился лысый мужчина пятидесяти лет в поношенной голубой форме дорожно-патрульной службы и, остановившись на пятачке между столиками, взревел:

— Мужики, чей «Мерс» всю проезжую часть перегородил?

— Ну, мой, — сказал мужик, не поднимаясь из-за столика и не поворачивая головы к ДПСнику.

Мужику на вид можно было дать лет двадцать пять. Он был выбрит налысо и сидел в компании трех девиц за вторым столиком от фонтана.

— Убери тачку. Не проехать же.

— Через полчаса уберу, — пообещала молодая лысина.

— Ты щас у меня уберешь, — приказала старая лысина.

— А не пошел бы ты.

У Алексея кончилось пиво, и он, покачиваясь при ходьбе, словно годовалый ребенок, отправился в путешествие за добавкой. Проходя мимо голубоформого, он качнулся и, чтобы не упасть, ухватился за него. Лысый ДПСник отбросил пьянчужку, и Алексей, потеряв землю, рухнул на асфальт, выпустив из рук пустой пивной бокал.

— Ты, сволочь, пожалеешь, что тачку не убрал!!! — бросила старая лысина и торопливо удалилась.

Алексей с трудом поднялся на ноги. И поплелся в кафе, слизывая с разбитой губы кровь. Требовалось залить обиду стопочкой водки. Никто не посмотрел в его сторону.

Умывшись в туалете и справив нужду, Алексей добрался до барной стойки, где пропустил стопарик водки и закушал ее бутербродом с красной икрой, которая, несмотря на цену, взвинченную до стоимости стограммовой банки в ближайшем супермаркете, была сухой и к тому же еще безвкусной, точно резина. Несмотря на непрезентабельный вид, деньги у Алексея водились. Оставив на блюдце недоеденный бутерброд с рассыпавшимися по стойке икринками, Алексей, вооружившись полулитровой пивной кружкой, отправился на воздух.

Он добрался до фонтана, тяжело опустился на гранит поребрика и успел сделать лишь один глоток. На площади перед фонтаном появился старый знакомец — лысый ДПСник. В руках он держал

помповое ружье, а глаза его высверкивали ярость, граничащую с безумием.

— Сука, я тебе говорил тачку убрать! — рявкнула старая лысина, выбрасывая изо рта хлопья пенящейся слюны.

Хлопнул выстрел. Молодую лысину снесло из-за столика. В его груди образовался зев смерти.

— Вы, суки, все заодно!!! — орал ДПСник, передергивая помпу.

Стучали выстрелы. Взлетали брызгами осколков бокалы и тарелки. Падали люди. Женщина сорока лет ринулась к асфальту, прикрывая пятилетнего шалопая грудью. Пуля клюнула ее в спину, и асфальт под утихшим навеки шалопаем расплылся в кровавой улыбке.

Парнишка с голубыми глазами, сидящий за дальним от старой лысины столиком, попытался укрыться за фонтаном, но не сумел перегнать пулю. Он перекувырнулся через ограду в фонтан, и вода стала цвета вина.

Алексей, испуганный и вмиг протрезвевший, с замершим в руке бокалом с ужасом взирал на пляску безумия, развернувшуюся перед ним, и боялся пошевелиться. Пули носились вокруг него, стучали в гранитный поребрик, высекая искры, но не задевали его. Лопнул в руке пивной бокал, разбитый пулей, и закапала с порезанной руки кровь.

Все закончилось. Старая лысина опустил ружьё. Площадь перед фонтаном была усыпана трупами.

«Восемнадцать человек из расчета по четыре за столиком», — подумал Алексей и задрожал, понимая, что он один выжил, и теперь его черед.

ДПСник поднял глаза на Алексея, криво ухмыльнулся волком и стал медленно поднимать ружье.

Алексей почувствовал, как намокло у него в штанах.

— Я же только просил тачку убрать!!! — прохрипела старая лысина.

Он сунул дуло ружья в рот и нажал курок. Голова его дернулась, выталкивая комету-пулю со шлейфом кровавых брызг.

— Час от часу не легче. Теперь какой-то дешевый триллер. Щелкни поприличнее!

ЩЁЛК

Пропела труба в чаще леса, и задрожала земля, срывая с деревьев желтые листья. Сквозь ночной полусумрак проступили пять десятков рыцарей верхом на лошадях, закованные в броню.

Где-то в вершине заухал филин и сорвался свечкой к земле, норовя ухватить почуянного подземного обитателя.

Рыцари галопировали сквозь лес, прорываясь, словно стадо диких зверей, срывая и ломая все на своем пути. На опушке леса их поджидала засада. Пролаяли трубы. И в небо вспорхнула стая стрел, опавшая на вылетевший из леса отряд. Стрелы отскакивали от брони, как горох, но две нашли свой приют. С пронзенным горлом пала лошадь, выбрасывая седока через голову. Рыцарь с роскошным хвостом на квадратной банке шлема дернулся из седла с пробитой грудью. Стрела вошла между пластин панциря.

by Peter Dennis

На холме над опушкой стояли двое пеших железных рыцаря. Головы их были обнажены. Шлемы они держали в руках, и по изящным роскошным перьям плюмажа и тщательно выписанным гербам на щитах, притороченных к сёдлам лошадей, которые паслись в отдалении под присмотром оруженосцев, можно было судить о высоком происхождении наблюдателей.

Одноглазый граф Рэдиссон заунывно зевнул и произнес, обращаясь к стоящему рядом рыцарю:

— Вы только представьте себе, благородный дон Ренато, вчера мой повар принес мне плохо прожаренное седло барашка.

— И что вы сделали с этим наглецом? Я не сомневаюсь, что по вашему приказу, граф, ему отрубили голову, — вяло поинтересовался молодой рыцарь с бульдожьей челюстью и шрамом через лицо.

— Ошибаетесь, благородный дон Ренато. Берите сильнее, — преисполненный гордостью отвечал одноглазый граф Рэдиссон.

— Неужели вы его повесили, а его жена грела вам ночью постель? — изобразил удивление благородный дон Ренато.

— Опять мимо, благородный дон Ренато. Мимо. Я думал, вы более меткий, — хохотнул от удовольствия одноглазый граф Рэдиссон.

У их ног кипело сражение. Верх брала то одна, то другая сторона, но тут же теряла преимущество. Гибли люди. Ревели в предсмертной агонии кони. К вершине холма взлетела стрела, пущенная снизу, и вонзилась в пенек у ног одноглазого графа Рэдиссона, который и не заметил ее появления.

— Так что же вы сделали с ним, граф? Не томите душу. Расскажите, — просил благородный дон Ренато.

— Я прочитал ему пять своих канцон, написанных за последнее время, — разгоготался одноглазый граф Рэдиссон.

— Вы шутите, граф? — не зная, смеяться ему или нет, осторожно спросил благородный дон Ренато.

— Да нет, почему же. Я абсолютно серьезно, — возразил одноглазый граф Рэдиссон и расхохотался. — Да шучу я, конечно, благородный дон. Шучу. Я заставил моего повара съесть целого сырого барашка. А затем посадил голым задом на острие меча.

— Достойное наказание для нерадивого повара, — одобрил благородный дон Ренато.

Вторая стрела взлетела к вершине холма и вонзилась в пенек, расщепив первую стрелу.

— Почему вы поддерживаете Ланкастеров, благородный дон Ренато?

— Потому что ненавижу Йорков, граф.

— А почему вы ненавидите Йорков, благородный дон?

— Потому что поддерживаю Ланкастеров, граф.

— Хорошо, что мы перехватили этот отряд йоркцев. Надо же, благородный дон Ренато, какие наглецы. Посмели шастать в наших лесах.

Бой на опушке у подножия холма затихал. Рыцари как с той, так и с другой стороны, опускали мечи и поднимали забрала шлемов, недоуменно тряся щитами.

— Да что у них там стряслось? Что они мешкают? — разнервничался одноглазый граф Рэдиссон.

Третья стрела ударила благородного дона Ренато в лоб. Он выдохнул шумно и железным ломом рухнул под ноги одноглазому графу Рэдиссону, который, не обратив внимания на потерю товарища, всматривался внимательно в рыцаря, взбиравшегося на холм.

— Почему остановлен бой? — гневно высверкивая глазами, спросил одноглазый граф Рэдиссон гонца, остановившего коня в метре от командира.

— Потому что мы сражаемся со своими, — не снимая шлема и не поднимая забрала, доложил рыцарь.

— Что значит — со своими?

— Это не йоркцы, а отряд ланкастерцев.

— Силы небесные, — взревел одноглазый граф Рэдиссон и водрузил свой шлем на голову. — Надо же, опять обознались!!!

— Я так люблю программы про средневековье. И, как всегда, не везет, попадаю на самый конец. Пощелкай, сынуля, что там по другим каналам?

ЩЁЛК… ЩЁЛК…

— Опять пульт заел, — шипящий детский голос. — Подожди, попробую другим щупальцем!

ЩЁЛК

Пространство вокруг дрожало от гула насекомых. Мбонга Иль Рауне сегодня впервые ощутил стыд перед девушкой. И прикрыл своего Младшего Брата листом хлебного дерева, заливаясь густой чернотой. Изумрудные джунгли остались да-

леко позади, а болото, дышащее туманом и насекомыми, простиралось до самого горизонта, и к восходу Бледного Брата Жаркого Желтого Лика Мбонге нужно было достигнуть деревни своей невесты, где ему предстояло прожить в ее семье месяц, в то время как она будет жить в его семье. Этот обряд, заведенный еще Лунати А-Кхана, первым человеком на земле, не нарушался ни разу. А спустя месяц две деревни — две семьи будут праздновать совместно свадьбу на болотах, даровавших людям жизнь, после чего девушка должна выбрать, где предстоит жить им — в деревне ее родителей или родителей мужа.

Мбонга Иль Рауне поправил на спине колчан со стрелами, оперёнными перьями птицы Джондже, и перепрыгнул с кочки на кочку, поднимая глаза к серым грязным тучам, расплодившимся над болотом, и желтому столбу дыма, клубящемуся от горизонта к Жаркому Желтому Лику. Мбонга Иль Рауне знал, что желтый дым принадлежит поселению белых людей, которые несчетное количество лун назад пришли по волнам Великого Ко и поселились на берегу, куда больше ни один потомок Лунати А-Кхана не ступил ногой. Мудрые говорили, что белые люди построили там страшные машины, которые тянутся к Жаркому Желтому Лику, чтобы навеки погасить его. А Лути Иль Мауни, товарищ по играм детства, которому только в будущем году предстояло пройти обряд посвящения в воины, утверждал, что многие потомки Лунати А-Кхана ушли к белым людям, но так никогда и не вернулись. Мбонга Иль Рауне не верил Лути Иль Мауни.

Из желтого дыма с низким гудением вынырнула стальная птица, служащая белым людям, и медленно проплыла над головой Мбонга Иль Рауне. Брюхо птицы раскрылось, и она выронила несколько своих яиц, которые с устрашающей скоростью понеслись к земле.

Пространство вокруг Мбонга Иль Рауне изменилось, ожило и расцвело огненными лепестками. Падая, Мбонга Иль Рауне подумал, что это от Жаркого Желтого Лика откололись кусочки и решили поселиться на земле. Лунати А-Кхана предупреждал народ Иль, что однажды случится подобное.

Лежа на мокром холодном мхе, Мбонга Иль

Рауне видел, как из кустов вынеслись железные жуки, которыми управляли белые люди, и понеслись по болоту. Вспомнилось, как Лути Иль Мауни говорил, что любимое развлечение белых людей — устраивать сафари. Сафари на языке Иль означало — поедать мертвых, и Мбонга Иль Рауне никак не мог взять в толк, как белые люди могут получать удовольствие от этого пускай и священного, но противного ритуала.

Два жука неслись чуть в отдалении от четырех оставшихся. Они явно убегали, а остальные догоняли их — догадался Мбонга Иль Рауне. Затрещал громкий нечеловеческий кашель, который, как рассказывал Лути Иль Мауни, нес страшную смерть. Лути Иль Мауни показывал Мбонга Иль Рауне маленькие железные квадратики с заостренными концами и рассказывал, что это пули, и они выплевываются белыми людьми из больших железных трубок и несут поймавшим их страшную смерть.

Мбонга Иль Рауне догадался, что громкий нечеловеческий кашель, которыми обменивались жуки убегающие и жуки преследующие, принадлежал большим железным трубкам, из которых белые люди посылали друг в друга пули.

Большая железная птица, очертив по небу круг, возвращалась. Проходя над убегавшими жуками, она выронила еще несколько яиц, которые настигли цель. Одно яйцо упало перед жуком и выбросило его в воздух со страшным грохотом. Жук стал кувыркаться, словно объелся дурман-травы кри-мри, которую воскуривает шаман племени Иль перед тем, как начать священный ритуал, посвященный богу плодородия Руильяни А-Марха. Второй убегающий жук плюнул огнем, и один из преследователей разлетелся на куски с визгом и грохотом.

Мбонга Иль Рауне в любопытстве приподнялся, чтобы получше разглядеть происходящее, и обнаружил, что прямо на него несется убегающий жук. Мбонга Иль Рауне завизжал в ужасе, словно девчонка, обнаружившая в своей плошке с похлебкой из злаков растения рутшу лягушку, и жук-беглец разорвался изнутри, обдав огнем и осколками обезумевшего Мбонга Иль Рауне.

Жуки-преследователи настигли горящего беглеца и остановились. Из жуков выбрались люди. Большинство из них было белыми, но присутствовали и чернокожие. Они забормотали о чем-то, обсуждая происшедшее.

Над уткнувшимся лицом в мох Мбонгой Иль Рауне нависла тень.

— Что ты делаешь здесь, во имя Лунати А-Кхана, Мбонга Иль Рауне?!

Мбонга Иль Рауне узнал голос. Он приподнялся и посмотрел. Над ним стоял Лути Иль Мауни, товарищ по детским играм, которому лишь в следующем году предстояло пройти обряд посвящения в воины.

— Я шел в деревню Луанди Иль Муанди, — ответил Мбонга Иль Рауне и отметил, что его товарищ Лути Иль Мауни сжимает в руках железную трубку для плевания пулями.

— Ты жених Луанди Иль Муанди?

— Да. Я жених Луанди Иль Муанди. А она моя невеста.

— А ты знаешь, что отец Луанди Иль Муанди — Рабпон Иль Муанди — обещал ее мне? — спросил Лути Иль Мауни с угрозой в голосе.

— Я не знал об этом, Лути Иль Мауни, — испуганно пробормотал Мбонга Иль Рауне.

— Мне жаль, Мбонга, — произнес Лути Иль Мауни, наводя на Мбонга Иль Рауне железную трубку для плевания пулями. — Когда ты увидишь Лунати А-Кхана, поклонись ему от меня.

Грянул выстрел, и Мбонга Иль Рауне увидел, как потемнело небо.

— Заколебали уже эти боевики. Найди что-нибудь почётче.

ЩЁЛК

— Не, маман, больше ничего приличного нет, — сын выпустил пульт из четвёртого правого щупальца, и коробочка с разноцветными огоньками поплыла. Достигнув зубцеобразной стены, она была всосана внутрь.

Экран погас.

Аквариумоподобная комната казалась абсолютно пустой. В ней не было ничего и никого, кроме двух омароподобных существ с ветвистыми щупальцами. Двенадцать щупалец у большого омара — особи женского пола, и восемь у малого — особи мужского пола. Омары раскачивались в метре от пола. И скучающим взглядом глаз, раскачивающихся на тонких стебельках, провожали экран аквовизора, впитываемого стеной.

— Расскажи, мама, о людях, — попросил омар мужская особь, и его глаза в просительном движении переплелись.

Уличный свет, бьющий сквозь прозрачные

стены комнаты, померк, и тут же вспыхнули неоновым мерцанием стены.

— Об этом тебе лучше папа-понедельник расскажет, — отказала женская особь и слила два противоположных щупальца в жест отказа.

— Но я хочу сейчас, — капризно упрятав за спину три щупальца, заканючила мужская особь.

— Подожди. Придет папа-втор…

— Я хочу сейчас.

— Хорошо, что тебя интересует? — смирилась женская особь и, подпрыгнув к потолку, прилепилась к нему двумя щупальцами.

— Когда были люди?

— Очень давно, сынок. Несколько миллионов лет назад, — забормотала омар-мать. — Они были первой разумной расой в галактике Белейного Желе. Нашими предтечами. И не только нашими, но и многих других рас, которые ныне населяют нашу галактику. Они научились строить межзвездные корабли. Помогали отстававшим от их развития расам. Учили их, как старшие братья, а потом внезапно исчезли, оставив для каждой разумной или предразумной расы время-спираль. Как ты знаешь, сынок, в этой спирали заключена вся жизнь человечества от первых до последних дней. Мы можем наблюдать за людьми и учиться у них.

Наша раса — галеоптусов — получила спираль самой последней, много позже всех остальных. Но спираль дожидалась нас на нашей планете. Люди знали, что когда-нибудь галеоптусы появятся.

Некоторые, как твой папа-пятница, считают, что люди оставили копии время-спиралей, встроив их в пучки ДНК всех живых существ на нашей планете. Но прошло много тысячелетий, прежде чем мы смогли подключиться к время-спирали. До этого мы использовали ее как святыню и поклонялись ей, как гротсжанки с Акхана. Ныне мы используем время-спираль для шоу и обучения.

— Мама, а куда делись люди? — замкнув щупальца в круг любопытства, спросил омар-сын.

— Этого не знает никто. Некоторые считают, как твой папа-воскресенье, что люди загрузили себя во время-спираль. Некоторые полагают, что люди достигли смысла жизни и погрузились в него, как в зефильную ванну. Я не знаю, сын.

Аквариумоподобная комната вылепила из стены пузырь, который лопнул, выпустив из себя восьмирукого омара мужскую особь.

— Мама, папа-четверг пришел, — обрадовался омар-сын.

— Я принес тебе подарок, — проквакал омар-отец.

Он выпустил из щупалец маленькую спиральку, которая переплыла к омару-сыну.

— Ой, папа-четверг, какое же ты чудо! Мне еще никто из пап не дарил каникулы во время-спирали.

— Выбери себе любую точку во время-спирали, подключи к себе эту спиральку доступа, и она загрузит тебя в любого человека, и ты проживешь всю его жизнь.

— Я о таком только слышала, но не знала, что это уже доступно, — проквакала мама-омар. — Всю человеческую жизнь? Как долго он будет отключён от нашего мира?

— Отцы сменятся два раза, и он вернётся, — обнадежил папа-омар. — Да, сын, учти: пока ты будешь загружен в людской разум, ты не будешь помнить, кто ты на самом деле. Ты будешь уверен, что ты человек. Ты будешь жить, как человек. Ты будешь чувствовать, как человек. И умрешь, как человек. После смерти своего персонажа ты вернёшься домой. Доброго пути, сын!

Омар-сын приложил спиральку к своей голове, и спиралька просочилась внутрь. Пошла загрузка. Он чувствовал, как биты его сознания уносятся во время-спираль.

ЩЁЛК

— А! — А! — А! — А! — А! — А! — А! — А! — заорало маленькое существо женского пола, когда организм матери исторгнул его наружу и по коже ударил холод, а по глазам яркий свет.

— Как мы назовем ее? — спросил нежный женский голос.

— Я думаю — Жанна, — ответил мужской голос, — Жанна д'Арк из Домреми.

— А! — А! — А! — А! — А! — А! — А! — А!

Художница Amandine van Ray

Дмитрий Самохин
drakon-trest.livejournal.com
samlib.ru/d/dmitrij_dalx/

Художница Amandine van Ray
www.photosight.ru/users/379345/

Художник Zach Sharts
xrompkidx.deviantart.com

Подружиться с домовым

Рожкова Елена

— А ты налей ему молока в мисочку! Печеньку положи… Ну все, пока, до завтра!

— До завтра…

Аня потерла висок.

Минуту спустя длинный список на холодильнике украсила новая надпись: «Подружиться с домовым».

Уже месяц у них в квартире пропадали вещи: Митькины носки, будильник, сигареты мужа, зубные щетки, фарфоровые фигурки и даже чашка кофе со стола. Ломалась новая техника, гасли лампочки одна за другой.

Чешир лениво ткнулся носом в наполненную миску и в замешательстве отдернул морду. Смерил хозяйку уничтожающим взглядом: «Это еще что?» С отвращением загреб лапой кухонный паркет и выразил неудовольствие коротким пронзительным воплем.

Аня вытряхнула баночку с паштетом в другую миску:

— На вот, не ори. А молоко и не тебе вовсе. Можно подумать, ты один тут живешь…

Всем видом показывая, что так он собственно и думает, Чешир принялся аккуратно лизать паштет, не роняя достоинства и не пачкая усы.

Выбрасывая банку, Аня зло посмотрела на полное ведро: просила же Андрея…

Легок на помине затренькал телефон.

— Забыл, Анютка, извини… Я задержусь сегодня…

— А что такое? — сладким голосом поинтересовалась Аня, вспоминая недавно найденные «сюси-пуси» в телефоне мужа. Сообщение красовалось под именем «Катер». Андрей занимался продажей транспорта и «катер» вполне логично вписывался в его телефонные контакты.

— Тут пробки такие, малыш, не представляешь… А мусор утром вынесу, руки не дошли… Может, даже машину придется оставить, поздно буду…

— А ты езжай на «Катере»! — рявкнула Аня и отключилась. «Руки у меня не дошли развестись с тобой».

Висок задергался нервным пульсом, обещая головную боль. Аня никогда ее не дожидалась, глуша симптомы растворимой таблеткой. Недомогание — роскошь в наше время, когда, как известно, нужно гнать что есть духу только для того, чтобы оставаться на плаву.

Нужно проверить уроки у Митьки, договориться о завтрашних встречах и ночью с чистой совестью дописывать презентацию. До выходных все распланировано: рабочие мероприятия, фитнес, йога, салон красоты, походы на выставки и в театр. Нельзя отставать от времени ни на шаг.

С мужем разбираться некогда, как-нибудь на выходных… А, нет, в субботу у него две сделки, потом поездка к родителям — не при них же скандалить.

Как он умудряется время на любовницу находить — вот что интересно…

Самой, что ли, завести кого… Когда?! Никого в

этот график уже не впихнешь.

Аня ринулась на штурм Митькиной комнаты, а Чешир задумчиво побрел на балкон сверлить взглядом пару ворон на березе.

***

Зима никак не отпускала город, потешаясь над цивилизацией, такой уязвимой перед лицом обильных снегопадов. Транспорт увязал в снегу, парализуя движение, а с ним — и все жизненно важные для города процессы. И если к полудню до места работы худо-бедно можно было добраться, то…

«Леший»: В школу завтра не идем!

«Митяй»: Очень кстати, я на третьем уровне в «Викингах», завтра добить хочу.

«Леший»: Тю… Там такая мура дальше, не советую…

«Митяй»: Че?

«Леший»: Да ну… Руны эти… Про них знать надо, а там читать — сто страниц! Мало мне в школе зубрежки…

«Митяй»: Да, зубрить не хочется… Может, Некро знает?

«Леший»: Может, и знает… Только он на кладбище пропадает, почти не выходит в вирт.

«Митяй»: Гы. Отец послал зомбей делать?

«Леший»: Не, отец его геометрический маг какой-то, они зомбей не делают… или не… не то слово… о, «герметический», точно…

«Митяй»: Слуш, Леший, магов же не существует в обычной жизни, как же у него отец — маг?

«Леший»: А кто его знает… Он в «Шоу экстрасенсов» выиграл в прошлом году.

«Митяй»: А…

«Леший»: Ага, а мать у него — медиум, ну, знаешь, с духами тусуется. А у Некро типа потомственные способности, ему отец сказал развивать. С упором в некромантию… Он теперь на кладбище в парке сидит, изучает энергии смерти.

«Митяй»: Бррр! Трупаки всякие… Оно ему надо?

«Леший»: Нуу… Трупаков он вроде не откапывает… а я думаю…

«Митяй»: Блин, мама наехала, уроки…

«Леший»: Так в школу не идем!

«Митяй»: Так репетиторы еще… лан, пока, до эфира.

«Леший»: Давай…

Митька секунду помедлил, всматриваясь в ответы, но мамин резкий окрик заставил его руку дрогнуть — окошко закрылось, пряча за собой так и не оформившуюся мысль. Митька вздохнул. Он, как и Леший, считал, что Некро неспроста согласился на некромантию.

Во всяком случае, на кладбище его никто не достает.

***

Андрей любил автомобильную езду и ненавидел пробки.

Динамика движений и плавных поворотов делала жизнь гармоничной, а Андрей знал и понимал свое место в этой жизни. В пробке же настроение терялось, накатывали злость и нетерпение, а самое противное — лезли мысли. О том, что жизнь несется гораздо резвей его Ауди. И даже пересядь он в самый мощный болид на планете, вряд ли удастся догнать хотя бы половину упущенных возможностей. Никто не может нестись в нескольких направлениях одновременно.

Снег валил и валил. Катя, как и жена, гневно бросила трубку и больше не отвечала на звонки. Просто сидеть — означало позволить мыслям доесть мозг окончательно. Вне себя хлопнув дверью, Андрей выпрыгнул наружу.

Шагая меж увязших автомобилей, мужчина всматривался в окна — не болеют ли другие теми же мыслями. Люди флудили в чатах, болтали по телефону, откинувшись в креслах, мечтательно взирали на снежные хлопья…

Но были и такие, в чьих лицах отражались те самые всепожирающие мысли. Фух, он, значит, не один такой.

Прошагав с километр от центра пробки, Андрей заметил резвого мужичка в синем плаще с капюшоном, азартно толкавшего машины. Даром, что все они застревали в следующем сугробе.

Но некоторые все же вырывались из снежного плена и убирались восвояси. Философски решив, что это занятие не самое бессмысленное из тех, что он видел, Андрей присоединился к синему капюшону.

***

«Леший»: Что с твоим квестом?

«Митяй»: Ничего… полночи с айподом под одеялом…на том же уровне.

«Леший»: А домовой что?

«Митяй»: Как всегда. Молока не тронул, носки пропали.

«Леший»: Ишь, какой принципиальный.

«Митяй»: Я тут все думаю… Помнишь, на физике было… ну, гипотеза. Что времени на самом деле не существует, и все события происходят одновременно. Вот тебе купили носки, вот ты протер в них дырку, вот ты их потерял или выбросил — и все это одновременно. Просто переживаем мы эти события по очереди. А может, у нас перепуталось все?

«Леший»: Сначала теряете носки, потом дырки делаете? С ума по одиночке сходят, а не все вместе! ©«Простоквашино». Я вот недавно телек смотрел, и два сникерса лежало. Фильм кончился — нету сникерсов! Не помню, как я их ел, ни вкуса, ни запаха. Только обертки лежат, и орехи в зубах. Если б не орехи, младший брат огреб бы… на орехи…

«Митяй»: У тебя хоть орехи остались, а тут ведь — никаких следов. Да и заметно было бы за другими. Это ж только за собой не видно.

«Леший»: А Чешир?

«Митяй»: Ага, когда нас нет, он ныкает носки…

«Леший»: А потом усаживается на балконе и пьет кофе с сигареткой!

«Митяй»: Точно он!!!

«Некро»: Главное, чтоб квартиру не спалил…

«Митяй»: Некро, привет! Давно тебя не было!

«Леший»: Как ты сидишь на том кладбище, снег валит, что ты там делаешь вообще?

«Некро»: Приветы! Я там… ну, потом расскажу… А насчет сникерсов… просто плотность времени снизилась. Да и носки тоже…

«Митяй»: Что за «плотность» такая?

«Некро»: Количество событий на единицу времени.

«Леший»: Да ладно — снизилась! Я тогда триллер смотрел, там знаешь, сколько событий — на единицу моего времени!

«Некро»: Сколько? Ну вот сколько?

«Леший»: Миллион! Эти… стреляли, бегали… и те… тоже стреляли. Давно смотрел, а так я помнил же все.

«Некро»: Оно и видно. Плотность — это не только количество событий, но и качество тоже. После недели каникул — сколько всего вспомнить можно! А если неделю проболел? То-то. Тут примерно так же: события, которые запоминаются, оставляют след — составляют наше внутреннее время, а те, что просто происходят — время внешнее. И если внутреннее не поспевает за внешним, плотность времени снижается.

«Митя»: Ну допустим… А носки тут при чем?

«Некро»: При чем и сникерсы. Большое дело — носки, чтобы запоминать, куда их деваешь. Особенно, когда квест стопорится.

«Митяй»: Обсуждали уже… Даже если я съел эти носки, должен быть промежуток времени, в который это происходило.

«Леший»: И немаленький. Представляю, сколько ты их жевал! Гы-гы!

«Некро»: Это же петли, все о них пишут. Вот идешь ты по дороге прямо, и часы отсчитывают секунды — 1, 2, 3… В какой-то точке свернул, сделал петлю и в ту же точку вернулся. А часы отсчитывают — 4, 5, 6… А то, что было на петле — вне времени.

«Митяй»: Но почему они так отсчитывают? Почему петля — вне времени?

«Некро»: Да потому, что события внутреннего времени, — это 1, 2, 3, 4, 5, 6, а внешнего — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8… И все, что не влезает — остается на той петле.

«Леший»: Кароч, носки не влезли. А откуда ты это знаешь, Некро?

«Некро»: На форуме у физиков читал кое-что. Ну и… мои выводы.

«Леший»: У физиков?! Откуда вдруг такая тяга к знаниям?

«Некро»: Ну… Это все бабуля.

«Леший»:????

«Митяй»: Кто?

«Некро»: Ну говорю же — бабушка.

***

Снег валил и весь следующий день. Транспорт стоял так плотно, что шагать в среднем темпе получалось быстрее, чем ехать.

Ветер дул навстречу, и крупные хлопья залепляли Ане глаза. Поглощенная мыслями о том, чего никак не сможет успеть из-за дурацкого транспорта, она прошла нужный поворот и вместо знакомого бульвара попала на пустую аллею с парковыми воротами. Ну вообще.

Со вздохом развернувшись на каблуках, зашагала назад. Ветер почему-то снова дул в лицо. Пройдя знакомые магазины, Аня повернула за угол и остановилась. Вместо недавно построенного здания налоговой перед ней разлеглась все та же безлюдная аллея с парком.

Мысли расползались в разные стороны, не желая объяснять необъяснимое. С трудом соображая, она вернулась за угол высотки. Здесь прохожие брели к своим домам, прячась в шарфы и капюшоны.

— Извините, — Аня остановила пожилую даму в шубе из белых хлопьев, — здесь где-то здание налоговой инспекции…

— Да-да, прямо за углом, — закивала женщина.

— А… можно я пройду с вами, покажете мне? — умоляюще попросила Аня.

— Конечно, дорогая! Вы приезжая?

Они зашагали рядом.

— Нет… но я нечасто здесь… бываю… — ей пришлось соврать, чтоб не вдаваться в подробности.

Не отставая от спутницы ни на шаг, она с замиранием сердца ждала поворота. Ветер бросил в лицо комок обжигающей ваты, и Аня в панике вцепилась в руку провожатой.

— Держитесь, дорогая, ох уж эти дороги… — голос сердобольной женщины потонул в ватной тишине…

За углом дома Аня стояла совершенно одна. Не было даже ветра. Перед ней простерлась аллея, вся в снегу, но без единого движения.

Громадные звезды заговорщицки перемигивались с желтым фонарем у ворот.

Аня быстро выглянула назад, и тотчас в лицо ей вцепилась метель. Прохожие гуськом, вихри снежной пыли… Минуты три простояв в прострации, она спряталась за углом, скорее инстинктивно спасаясь от холода на безветренной стороне.

Захотелось позвонить мужу, несмотря на обиду — ночевать он вчера так и не явился. Телефон не работал.

Аня была готова впасть в истерику. Мутный огонек фонаря подрагивал, создавая единственное движение в этом безмолвном царстве. Он подмигнул ей вполне явно, ровно настолько, чтобы дать понять — выбор у нее есть. Либо сойти с ума прямо тут, у парковой ограды, или хотя бы попытаться здраво обдумать положение, каким бы оно ни было.

Место казалось не слишком враждебным. Может быть, так нужно, и что-то здесь важное для нее…

Но дома Митя…

А что Митя? Мите уже двенадцать, суп он и сам себе разогреет, отсутствием родителей его не удивишь. Если он вообще это заметит.

Тяжело вздохнув, Аня поплелась к лавке у парковых ворот, фонарь гостеприимно замигал ей навстречу.

Последние месяцы были немного странными, все эти исчезающие на глазах вещи… Будто невидимый вор бродил по их квартире. Сейчас не верилось, что это домовой.

«Меня так издергали все эти странности», — чувствуя себя совершенно разбитой, пожаловалась она фонарю.

«Врешь, — подмигнул фонарь, — ой, врешь…»

Аня уткнула лицо в ладони и расплакалась от бессилия. В мутном от слез свете фонаря реальность принимала иные очертания.

Невидимый вор и вправду бродил рядом, и то, что он крал, было ее жизнью. А вещи… Вещи — лишь симптомы, как головная боль при гриппе или сыпь при ветрянке. Вся эта беготня, решение мелких и крупных проблем — вечное латание дырявой лодки, которая давно уже никуда не плывет, а лишь пропускает воду, как решето.

Раньше она любила Андрея, а сейчас он почти исчез из ее жизни. Когда-то любимая работа стала набором правил и обязанностей, не исполнить которые означало отстать от строя. И даже спортом она занималась не из удовольствия, а потому что так нужно — надо быть успешной и красивой. Быть в курсе новостей, посещать семинары, концерты и выставки, определять ребенка в престижную школу и нанимать хороших репетиторов.

И даже Митька… С ужасом Аня осознала, что в последнее время видела его только со спины. За уроками, за столом, за компьютером… Она прекрасно помнила его спину и затылок. И никак не

могла вспомнить выражение лица. Улыбку, грусть или злость, — хоть что-нибудь, позже семилетнего возраста.

Аня безутешно рыдала.

Фонарь понимающе мигал, но чем он мог здесь помочь?

***

Вот так детки. Поколение индиго…. Леший — это Лешка, нетрудно догадаться, а «Некро»? Ну да, Кирилл… У него отец на «Шоу экстрасенсов» что-то там выиграл. Своеобразная семья: отец в разъездах, мать вся в работе. Андрей, правда, не знал раньше, в какой именно. Кириллом всегда занималась бабушка, бедовая пожилая женщина. «Все, как у нас», — прогнусавил противный внутренний голос, — «только без бабушки».

Плотность внутреннего времени. Надо же… А в домовых не верят.

Мужчина закурил в окошко.

Временные петли… Воронки, втягивающие в себя ломти реальности. Пустые промежутки, с каждым днем все больше заполняющие жизнь, несмотря на калейдоскоп событий. Может, из-за них каждый день перестал отличаться от остальных…

Он и сам в такой петле, почти сутки колесит по городу безо всякой надежды попасть домой. А может, и вовсе нет у него дома, канул во временной промежуток вместе с куском города? И он в забытьи проезжает мимо, не видя знакомого поворота, а часы безбожно врут, что все идет по плану. Ему бы компас вместо часов… Тоска…

Телефон не работает. Зато есть выход и пароль в чат, которые Митька даже не удосужился удалить после того, как пользовался планшетом. Не было у отца ни времени, ни интереса контролировать его общение…

Но эти сообщения, последняя ниточка, связывавшая его с домом, тоже оборвалась, когда планшет разрядился.

Андрей откинулся в кресле.

Нет, не временные петли крадут у нас жизнь. Наше расточительство собственной жизни создает эти воронки. Сложно все это, но в конечном итоге мы теряем гораздо больше, чем носки…

***

«Леший»: Но ведь бабуля…

«Некро»: Умерла. Но… я могу с ней общаться. На кладбище. Отец заставил ритуал проводить — вызвать духа умершего. Кого хочешь, говорит, хоть Македонского, хоть Ломоносова… Ну на кой мне Македонский? А за бабулей я скучаю… Вызвал — а она пришла. И сразу ругаться — в школу не ходишь, уши не чистишь, уроки не сделаны. А я от радости все пообещал, и в школу ходить, и про уши. Сказала приходить каждый день, уроки проверяет. А как-то покурили в школьном туалете — а она засекла, что делала! — у меня ухо до сих пор горит… Она как-то там про все знает.

«Митяй»: Да-а, дела… Ну, бабуля твоя — молоток, ты ей привет передавай. Я рад, что она… ну, в общем, что она с тобой.

«Леший»: Ухх, суперская бабушка! И что — прям за ухо? Ну говорить — еще куда ни шло, но драться…

«Некро»: Сам не понимаю, как у нее выходит, а только рррaз — и ухо горит, как будто накрутил кто-то.

«Митяй»: Но как же получилось ее вызвать, магия, что ли?

«Некро»: Да не знаю я, магия — не-магия… Я много думал про нее, сначала только скучал, потом вспоминал, потом понял, что все равно люблю ее, сколько бы времени ни прошло. Время — ничто, как оказывается.

***

Как же трудно дается переход на новый уровень…

Все подходящие руны Митька в бою уже перепробовал: «уруз» давала силу, «турисаз» расчищала путь, «райдо» направляла к цели… Чтение не слишком понятных описаний, похоже, пропадало даром — свирепый викинг, одолевая всех врагов, все равно возвращался в исходную точку, и битва начиналось заново. Митька злился на себя за неспособность решить задачку.

От безысходности он принялся изучать совершенно бесполезные для войны руны красноречия, творчества, познания… Одна из таких называлась «гебо», считалась руной любви и вещала о партнерстве и каком-то там обмене энергий. Митька уже готов был перевернуть страницу, но дополнительное название руны заставило его остановиться. «Дар времени» — гордо гласили витые буквы, как будто это могло иметь какой-то смысл.

Время — ничто, в этом Митька не сомневался. Он раздраженно рассматривал крестообразную «гебо». Как можно дарить ничто, еще и называть это любовью? Тебе запрещают все на свете, кроме

уроков, и твердят, что все это из чистой любви и заботы. «Гебо» — крест, которым перечеркивают твои стремления и личную свободу. И они называют это любовью…

Чешир запрыгнул на стол, лениво сбросил карандаши лапой и, вывернув шею, стал тереться головой о Митькины руки.

Но с другой стороны… Времени нет, рассуждал Митька, но есть жизнь, которая идет себе день за днем. У них, детей, еще много дней впереди, у родителей — меньше, а у Кирюхиной бабули и вовсе…

Дни проходят незаметно, они всегда заняты чем-то — школой, работой, друзьями… А у родителей почти всегда — детьми. Даже если работой — все равно детьми, для того они и работают. Да, часто это выглядит как безразличие. Но кто не тупой, тот разглядит…

Отдавая кому-то свое время, человек отдает кусочки своей жизни. А это самый ценный дар на свете — «дар времени», любовь. И тот, кто не тупой… обязательно сделает равноценный дар.

Митька отложил мышку и почесал Чеширу пузо. Ошалев от неожиданной ласки, кот спрыгнул на пол и проехался на Митькином тапке по ламинату, скользя когтями, как лезвиями коньков.

Митька подумал еще минутку и активировал «гебо» в игре. Эффект «партнерства» превзошел все ожидания. Враги один за другим опускали оружие и становились в тыл его викингу. На четвертый уровень игры он переходил с дюжиной сильных воинов.

Проголодавшийся от восторга Митька натянул носки и торопливо пошлепал на кухню, то и дело обо что-то спотыкаясь. Недоумевая, он уставился на зубные щетки, будильник и другой мелкий хлам, невесть откуда взявшийся на полу его комнаты.

Это что же, время уплотнилось? Или домовой плюнул на принципы?

***

На редкость крупные снежинки парили в воздухе и опускались на лобовое стекло. Какая красота и геометрическая точность… Отчего-то на ум приходили древнегреческие скульпторы, одолжившие у самой природы ее принципы золотого сечения.

Похоже, в древности люди были мудрее. Взять тех же греков, вручивших свое время не одному, а сразу двум богам.

Мы служим только Хроносу, заполняя отведенное нам время делами и событиями, назначаем встречи к определенному часу, изо всех сил спешим за стрелкой, отмеряющей линейное время.

У греков же был еще и Кайрос — бог качества и ценности времени, определяющий для всего в мире подходящий момент и каждый миг жизни — как драгоценный дар. Слуги Кайроса никогда не гнались за временем, не коротали его и не убивали, они его проживали.

Снежинки успокаивали. Как мысли о древности и греках, как сама природа. В них отражалось совершенство мира, стройная система, в которой нет ничего случайного, и все на своих местах.

Стараясь концентрироваться на этом новом для него чувстве соотнесенности с миром, Андрей порулил вперед.

Проезжая мимо парка, он заметил странную тишину вокруг, да и снег неожиданно прекратился. Как будто повинуясь его мимолетному желанию задержаться в этой тишине, машина въехала в сугроб и встала как вкопанная. Протектор прокопал яму до самого льда, и выехать без посторонней помощи не представлялось возможным.

У парковых ворот улыбался подслеповатый фонарь. На лавке возле входа согнулась чья-то тоненькая фигурка. Она чуть заметно покачивалась из стороны в сторону, повинуясь еле уловимому ритму здешней тишины.

Снег под ногами поскрипывал. Звезды блестели удивительно ярко. Казалось совершенно естественным подойти и сесть рядом, даже не спрашивая, кто это и что случилось, будто все обязано проясниться само собой.

Фигурка отняла руки от заостренного личика. Звезды особенно густо собрались над ней, и оттенки их света, причудливо смешиваясь с сумеречными тенями, подчеркивали непередаваемое выражение этого лица. Может, поэтому он не сразу узнал.

Казалось, никогда прежде Андрей не испытывал такой радости. Она, оторвавшись наконец от своих мыслей, удивленно разглядывала его. Он тоже выглядел несколько иначе…

Подбежав к лавке, Андрей обнял жену. Слова застряли в горле, он мог только сжимать ее руки в своих, вглядываться в глаза и растерянную улыбку…

Пытаясь скрыть волнение, Аня комично развела руками вокруг — вот, мол, милости просим…

— Ничего, Анютка, вдвоем мы справимся… — пробормотал Андрей, случайно угадывая то, что и

нужно говорить женщинам в подобных случаях. Да что там, буквально во всех случаях.

Фонарь одобрительно мигал в такт его словам.

***

Кирилл шагал по снегу, потирая щемящее ухо. Ух, и тяжелая у бабушки рука, хмыкал он, прикладывая снег. Парк выглядел спящим и безлюдным. Почему-то снег всегда прекращался, когда он приходил сюда. Странно даже: парк и кладбище в глубине его всегда заснежены, хоть снег здесь не падает и не тает. Как будто время застыло, а с ним — и все вокруг. Ребятам он попозже об этом скажет, пусть думают, что здесь страшно, а он — жутко смелый. Домашку придется переписать, бабуля забраковала…

На лавке возле входа сидела парочка. Подойдя ближе, Кирилл остановился столбом.

— Тетя Аня?...

В мужчине тоже проглянуло что-то знакомое. Митькиного отца он давненько уже не видел.

Аня схватилась с лавки и затрясла Кирилла, как грушу:

— Кирюш, что там Митька, как он?!

Кирилл сглотнул, пытаясь собраться с мыслями.

— Нуу как… Хорошо… Уроки учит, — отрапортовал он, пытаясь сделать честными круглые от удивления глаза.

Мужчина тоже подскочил и схватил его за плечо:

— Ты видел его, с ним все в порядке?

— Нуу… не видел, но мы в чате общались минут сорок назад… А что?

Парочка как-то растерянно переглянулась.

Наконец Андрей промямлил:

— Застряли… никак не можем выбраться…

Машина и вправду стояла у самых ворот, но выглядела совсем не убедительно. «Дети, что ли, малые, за тросом сходить не могут…» Под недоверчивым взглядом мальчишки Андрей сдался.

— Понимаешь, Кирилл, похоже, мы заблудились… Не знаю, как это происходит, но… мы не можем попасть домой.

Он сбивчиво попытался объяснить странную ситуацию. К счастью, Кирилл был сообразительным мальчиком.

— Прямо как будильник и Митькины носки, — восторженно выдохнул он и торжествующе окончил: — вы попали в петлю времени!

Аня с Андреем переглянулись.

— Ну вроде как… носки… И позвонить Мите мы не можем и добраться до дома тоже.

Получается, что нас для него и нету вовсе. Да и ни для кого, наверное… — сумрачно окончил Андрей.

— Ты передай ему… — начала было Аня, но запнулась, ну что же передать-то ему…

У Кирилла вдруг засосало под ложечкой. Передалось ли тревожное настроение взрослых, но ситуация перестала казаться забавной. Все эти «передай» вдруг напомнили ему медиумические сеансы матери. Он внимательно всмотрелся в бледных, как будто осунувшихся взрослых.

И домой вернуться не могут, и под кладбищем сидят… И выглядят как-то… странно… Место, где время не движется и откуда выбраться невозможно, это… смерть?

Взрослых, похоже, настигали те же выводы.

— А… у тебя потомственные медиумические способности, да, Кирюш? — еле слышно прошептала Аня.

— Но я же вас вижу! — отчаянно выкрикнул Кирилл. — А носки не исчезают просто так! Просто теряются… и я могу вас проводить до вашего дома.

— Не получится, — печально покачала Аня головой, вспоминая свой эксперимент с доброй гражданкой, — ты уйдешь, а мы останемся…

— Да нет же, — Кирилл не хотел сдаваться, — сейчас я Митьке позвоню, и…

Андрей остановил его:

— Надо придумать, как сказать ему.

Как ему сказать? Ну уж точно не «твои родители умерли». Пропали без вести? Какое ж «без вести» — вот они! Отец Кирилла о собственной смерти выдал бы что-нибудь вроде «выхода энергии на уровень ментала». Кирилл поежился — даже думать об этом было жутко, как ни назови. К тому же Митька не поймет «ментала»…

— «Зависли» вне времени?

— Застряли в точке бифуркации, — попробовал пошутить Андрей, — пусть погуглит, что это такое… заодно и в голове прибавится.

— Нельзя застрять в точке бифуркации, она кратковременна, — мрачно поправил его Кирилл, — из нее система переходит либо к хаосу, либо на новый уровень. И нечего тут гулить.

Глаза у Андрея вылезли на лоб — поколение индиго!

Но Кирилл напряженно думал вслух…

— Система выберет один режим работы из нескольких возможных. И если в нем внутреннее

время синхронизировать с внешним, плотность повысится, и все, зависшее в петле вневременья, вынырнет наружу!

— Что там… система выберет? — шепотом спросила Аня Андрея.

— То, что для нас важнее всего… — он как раз думал над тем, что в данном случае будет системой — он сам или они с Аней, или все они вместе и мир вообще…

Кирилл смотрел на этих взрослых, которые, как дети, крепко сжимали друг друга за руки, стоя в центре неизвестности на самом краю жизни и смерти. Никогда он не видел Митькиных родителей такими. Да и своих не видел…

И глядя на сплетенные руки, он вдруг подумал, что система давно уже сделала свой выбор. Тьфу ты, вечно эти взрослые придумывают себе всякие страхи…

Ни секунды не колеблясь больше, он нажал на кнопку «Митяй» и быстро протараторив: «Привет, тут твои родители застряли… в сугробе. Мама хочет поговорить», сунул трубку Ане в ухо.

— Митя… — дрожащим голосом пролепетала она, уверенная, что сын ее не услышит. У Митьки ведь не было потомственных медиумических способностей…

— Привет, мам! — прокричал его веселый голос. — У Лешиного отца трос есть, я им позвоню сейчас, и мы приедем!

Кирилл удовлетворенно отключил телефон. Аня залилась и смехом, и слезами…

А потом, пока Андрей с Лешкиным отцом — резвым мужичком в синем капюшоне — вытаскивали машину, она никак не могла насмотреться на Митькин курносый нос и торчащие вихры. Просто восхитительно, с затылком — никакого сравнения!

— Да-да… время — это наше внимание… когда мы не уделяем его друг другу, мы просто перестаем друг для друга существовать… — говорила она фонарю.

А тот, соглашаясь, мигал ей на прощанье.

***

Рожкова Елена
writercenter.ru/profile/Helenora/whois/

Первым почувствовал перемены Чешир.

Его нос раньше всех поймал по-новому пахнущий ветерок из форточки. Чуткий слух первым уловил новые ноты в птичьих напевах, а острое зрение оценило совершенно иное яркое солнце и прозрачное небо.

Встретив весну одним из своих пронзительных воплей, он отправился с балкона на кухню и настороженно обнюхал шеренгу своих мисочек. Наконец-то убрали эту белую дрянь!

У холодильника Аня сосредоточенно вычеркивала из списка важные и такие ненужные дела. Возле строчки «Подружиться с домовым» ее рука замерла и… поставила галочку, помечая задачу, как решенную.

Подняв хвост трубой и помахивая самым кончиком, Чешир направился к Митьке. Тот, обложившись учебниками, учил физику вместе с отцом. Глядя на них, нельзя было точно сказать, кто увлечен больше.

Стираная Митькина одежда на кресле ожидала своей очереди перекочевать в шкаф. Чешир присмотрелся к этой груде и, выудив из нее некий компактный предмет в полоску, взял его в зубы и тихонько потрусил из комнаты. В последнее время переполох вокруг этих тряпочек вызывал его живейшее любопытство.

Однако прокрасться незаметно не удалось, и, подгоняемый Митькиными возгласами, он что было духу рванул под кровать. Там, отгородившись от внешнего мира, Чешир внимательно обнюхал добычу и попробовал пожевать ее с разных сторон… Затем выплюнул и презрительно фыркнул.

«И ничего особенного. Стоило столько шума поднимать…»

Граф

Рассказов Андрей

Закройте глаза и представьте, что вы — пёс. Красивый, упитанный английский бульдог, с отличной родословной и не в меру пафосным именем: Граф. Имя похоже на тот звук, которым собаки выражают недовольство, и, конечно же, отражает главную черту характера. Вы — агрессор, уверенный в своём превосходстве.

Поэтому, когда внезапный сквозняк доносит незнакомый запах — запах чужого человека, вы ощущаете, как закипает кровь. Вы подрываетесь с насиженного места, стремительно проноситесь по узким коридорам, шумно сбегаете вниз по лестнице и только у двери понимаете, что никого нет.

Перед вами свободный открытый проход в огромный светлый мир, пахнущий жарким, цветущим июльским полднем. Вы привыкли гулять с хозяином, но точно так же привыкли отвечать на вызовы судьбы решительно, с чувством собственного достоинства и превосходства. Оглянувшись по сторонам, вы убеждаетесь, что дом пуст, и шагаете навстречу свету.

— Куда вы пойдёте теперь?

Знакомый голос вырвал меня из состояния транса. Я очнулся на плотном кожаном диване в кабинете своего психоаналитика профессора Александра Сергеевича. Здесь всё было обшито деревом: стены, пол и потолок. И оттого довольно просторная комната казалась уютной и тёплой.

Здесь я проводил многие часы, пытаясь связать разорванные нити прошлого. Мои родители, да что там — всё моё детство — прожженное полотно, на котором невозможно угадать рисунок. Я столько раз погружался в воспоминания, столько раз возвращался в тот день, когда детство перестало быть счастливым, но тщетно.

— Ничего не получается, — осипшим голосом пробормотал я.

— Вы очнулись? — уточнил профессор.

— Да, — я кивнул. — Когда заканчивается вступление, теряется связь с Графом. Может быть, все эти образы лишь плод воображения?

— Возможно, Даниил, — согласился доктор. — Методика экспериментальная. Напоминаю, что вы первый, на ком я решился её опробовать. Но у нас больше не осталось вариантов, воспоминания Графа — единственная зацепка.

— Да, я понимаю.

— Давайте попробуем ещё раз, — предложил профессор. — Закройте глаза. Представьте, что вы — пёс.

***

Я просыпаюсь на пушистом синтетическом ковре цвета топлёного молока. Задние лапы обволакивает тёплое дыхание камина, из кухни тянется густой аромат жареных пирожков, и жизнь кажется прекрасной. Хозяйский сынишка треплет меня за ухо, лупит по спине деревянным молоточком и смешно коверкает имя, произнося «Гаф», вместо «Граф».

Хозяйка умиляется, глядя на то, как юное дарование играется с большой доброй собакой, и ни на секунду не сомневается, что от этой возни я получаю такое же удовольствие. Но на самом деле спина уже немного побаливает, а сильнее всего саднит то, что называется гордостью. Я не игрушка для детей, я собака.

Когда терпение заканчивается, поднимаюсь с любимого ковра и ухожу прочь из комнаты, чтобы ненароком не покусать малыша. Слишком уж он дорог тем, кого я должен любить и защищать.

В прихожей встречаю Хозяина, он курит трубку и пахнет табаком. Это совсем не то, что хочется ощущать спросонья, но Хозяин — человек святой и могущественный. Он протягивает мне огромную мозолистую ладонь, а я покорно облизываю пальцы. Он улыбается, вытирает их о брюки и уходит к супруге. Вспоминаю главную собачью мудрость: «не кусай руку, что тебя кормит» и многократно повторяю.

Прохожу по коридору, попутно заглядывая в каждую комнату. Вот детская, в которой спит Хозяйский сын. На полу разбросаны игрушки, на ковре пятно синей краски. Дневной свет почти не проникает сквозь плотные шторы. Деревянная кроватка стоит у стены, а у противоположной — коляска.

Над кроваткой развешаны фотографии бабушек, дедушек, братиков и всех остальных многочисленных родственников. Так Хозяин пытается привить малышу ценность семейных отношений. Каждый вечер они вдвоём садятся перед стеной и перечисляют всех поимённо. Тех, кто жив, и тех, кто умер.

Чуть дальше — спальня Хозяев. В ней всё привычнее — большой дубовый шкаф, аккуратно заправленная кровать, кружевные занавески. Зелёные полосатые обои и пластиковая люстра-шар. В углу стоит аккуратный трельяж, на котором рядами выстроены цветастые баночки с косметикой. На одном из боковых зеркал приклеена фотография Мерлин Монро. Хозяйка мечтает быть похожей на неё и даже называет себя под стать кумиру: «Мэри». Но до сих пор не приблизилась к идеалу.

Ещё на первом этаже есть кухня и санузел, куда мне заглядывать совсем не хочется. А на втором все комнаты закрыты, потому что ремонт там ещё не окончен. Хозяин ругает меня за то, что я постоянно приношу оттуда грязные кисти или единственный молоток, который потом нужно искать по всему дому.

А я лишь хочу, чтобы он поскорее закончил работу, потому что до тех пор, пока в комнатах наверху не живёт кто-то из нас, их занимает чужак, чьё дыхание я слышу даже сквозь запертые двери. Мне не страшно, а вот малыш ночами плохо спит.

Я слышу из гостиной голос Хозяина.

— Мэри, — говорит он супруге, — сегодня за обедом, пока ты мыла посуду, Данила вспоминал бабушку Розу.

Хозяйка молчит несколько секунд, а потом от-

вечает:

— Не может быть.

— Точно говорю, — продолжает Хозяин, — он описал даже дом, в котором она жила, как будто видел его совсем недавно.

Я помню бабушку Розу гораздо лучше, чем Хозяйский сын. Меня познакомили с ней ровно два года назад, когда она уже не могла ходить и только лежала на узкой железной кровати, застеленной старым пожелтевшим бельём. В комнате, где она спала, пахло лекарствами, старостью и смертью. Хозяйка тогда училась в театральной школе, но, забеременев случайно, к бабушке Розе пришла за советом: оставить малыша или нет.

Роза велела оставить и своим решением пустила под откос жизнь молодой актрисы.

Спустя восемь месяцев родился Данила, Роза успела лишь раз посмотреть на него и умерла на следующий день. Через полгода её дом снесли, а на его месте построили новый, в котором теперь живу я и мои Хозяева.

Малышу чуть больше двух лет, он радуется жизни и не знает, кому обязан всем, что было, есть и будет. Почти ничего не знает о бабушке Розе, не оставившей после себя фотографии, которую можно было бы прикрепить на семейную стену.

— Я ничего ему о ней не рассказывала.

Хозяйка раздражена. Она сидит в большом сером кресле, вяжет свитерок цветными нитками. Спицы движутся неравномерно, прерывисто, часто роняя петли, отчего Мэри злится ещё больше.

— Ты знаешь, — спокойно говорит Хозяин, — это и не важно. Бабушка Роза была замечательным человеком, повлиявшим на множество судеб, и Данила должен был когда-нибудь узнать о ней. И то, что ты рассказала ему…

Хозяйка резко встаёт с кресла, вязание летит в сторону и падает на пол возле камина. Данила не смотрит на неё, он увлечён игрой в солдатики. Пушистый ковёр в его воображении превращается в огромную снежную пустыню, а дюжина деревянных воинов — в великую армию.

Хозяйка выскакивает из комнаты и запирается на кухне. Из-за двери я слышу её голос:

— Ах, Роза, — поёт она, — спасибо тебе за внука! Гори в аду, старая ведьма.

Хозяин идёт вслед за супругой, оставив малыша одного в комнате. Он стучит в дверь и упрашивает Мэри не злиться, а из камина тем временем вылетает искра и падает на цветной свитерок.

Мэри носится по кухне, судорожно хватаясь за все дела сразу. Моет посуду, режет овощи к ужи-

Художник Doomstyche

ну, вытирает со стола пятно разлитого сыном чая и проклинает мальчика. Хозяин стоит под дверью и ждёт, когда ему откроют.

Хозяйка включает магнитофон на полную громкость, и нежный голос Мерлин Монро растекается по коридору, заполняет каждую комнату.

Пламя ползёт по шерстяным ниткам, тянется к синтетическому ковру, которому достаточно пары секунд, чтобы вспыхнуть полностью, поглотив в огне ребёнка и его деревянную армию. С порога гостиной я наблюдаю за своими хозяевами и понимаю, что простым лаем не смогу привлечь к себе внимание.

Тогда бегу к ребёнку, хватаю зубами край «снежной пустыни» и оттягиваю подальше. Малыш смеётся, представляя себя наездником или даже погонщиком собачей упряжки. А мне достаточно того, что он в безопасности. И стоит только мне в этом увериться, как вдруг пламя на свитере гаснет, оставив недоеденными цветные рукава.

***

Я с трудом открыл глаза и уставился в потолок. За окном кипел полдень, но сквозь пластиковые окна не проникал ни один звук. Александр Сергеевич что-то записывал в блокнот, и шуршание затупившегося карандаша до краёв наполняло комнату.

— Вы знаете, — я говорил еле слышно, — кое-что мне удалось вспомнить.

— Что же? — профессор отложил блокнот.

— В тот день родители поссорились. Поссорились из-за меня.

— Вы так считаете? — удивился профессор. — Воспоминания Графа рисуют несколько иную картину событий.

— Да, но Граф был собакой. Что он мог понимать?

— А что поняли вы?

Я посмотрел в окно. По синему небу лениво ползли кудрявые облака-исполины. Вглядываясь в абстрактные фигуры, я пытался найти знакомые очертания и, как в детстве, окунуться в океан фантазий. Но тяжёлые мысли не отпускали, прочно привязав меня к дивану.

— Мать не хотела ребёнка. И сожалела о том, что послушала Розу.

— Вы считаете, что были для неё обузой?

— Да, — выдохнул я, — и поэтому она ушла.

— Давайте повременим с выводами, сеанс ещё не окончен. Закройте глаза…

***

Время идёт, о бабушке Розе больше не разговаривают. Данила постоянно под присмотром кого-нибудь из взрослых. И лишь на короткие мгновения мы остаёмся с ним наедине.

Я всё ещё слышу чьи-то шаги на втором этаже и больше не ложусь спать у камина. Я сплю теперь только рядом с мальчиком и просыпаюсь каждый час, чтобы проверить — всё ли в порядке. Ночи становятся холодными и тревожными.

Сегодня за окном гроза, и даже в промежутках между раскатами грома я не могу расслышать ничего, кроме мелкой дроби дождевых капель, барабанящих по жестяной крыше. В плотном свете молний деревья отбрасывают чёткие, очерченные тени. Рисуют ими мистические узоры на тыльной стороне штор.

Данила спит. Со стены за ним наблюдают многочисленные родственники, живые и мёртвые. А ко мне из каждого угла тянутся чёрные нити холодного, сковывающего страха. Этой ночью я жду самого худшего, и оно непременно случится.

В комнате над нами тяжёлый предмет падает на пол и шумно катится к стене. Ударившись о преграду, он замедляется, огибает её и катится дальше. Останавливается он, только достигнув угла комнаты.

Я слышу, как скрипит, открываясь, дверь на втором этаже. Смотрю на кроватку, на стену с фотографиями и молю все высшие силы придать мне смелости. Но высшие силы с собаками не общаются. Хватаю зубами остатки своего достоинства и выскакиваю в коридор, навстречу опасности.

В коридоре стоит Хозяйка, взгромоздив топор на хрупкое белое плечо. Белая же сорочка спускается ниже колен и практически скрывает тело, отчего во мраке женщина похожа на привидение. Мэри что-то шепчет, разговаривая сама с собой, но, завидев меня, повышает голос.

— Я говорила старой карге, что не хочу детей. Но она заладила: роди для меня внука, я заберу, воспитаю сама. А потом сгинула!

Мэри делает несколько шагов ко мне.

— Нет, так не пойдёт, — говорит она, — обещала, пусть забирает.

Ещё шаг и я начинаю рычать, приняв угрожающую позу.

Разбуженный звуками из коридора, поднимается Хозяин. Он выходит к нам и непонимающе смотрит на супругу.

— Мэри, что случилось?

— Заткнись! — скалится Хозяйка. — Ты тоже хорош! Бабушка Роза, бабушка Роза! Я ненавидела эту старую дуру! Она всю молодость у меня отняла!

— Мэри, ты о чём?

Хозяин подходит к ней, протягивает руки, но вместо объятий получает обухом топора по голове. Обмякшее тело сползает по стене.

— Ничего не случилось! — кричит Мэри и поворачивается ко мне. — Пойми, бабушка Роза хочет забрать малыша к себе. Она обещала, пусть сдержит обещание.

Хозяйка улыбается, проходит мимо меня и сворачивает в детскую. Малыш крепко спит, не замечая ничего, что происходит в доме. Мэри подходит к кроватке, замахивается топором…

Я никогда не думал, что любить и защищать мне придётся не Хозяев, а маленького проказника, которого всегда считал довеском к семье. И никогда не предполагал, что вцеплюсь зубами в нежную кожу Хозяйки, а она без сожаления ударит меня топором, отчего нестерпимая боль растечётся по телу.

Не думал я, что из последних сил наброшусь на хрупкую Мэри, повалю её на пол и вопьюсь острыми зубами в горло. И взгляд её, полный боли и страха, потухнет. Навсегда.

***

— Это невероятно, — произнёс я, очнувшись.

Александр Сергеевич молчал, только карандаш царапал бумагу. Солнце клонилось к закату, облака рассеялись, и небо опустело. Оно наполнилось кровью, в которой утонуло моё детство.

— Столько лет прошло, а мне только сейчас открылась правда.

Я уставился в потолок, словно на огромный экран, и раз за разом просматривал повторяющийся момент: в свете внезапной молнии блестит лезвие топора, опускается и насыщается кровью. Белые клыки мелькают, рвут сорочку, рвут кожу. Я видел, как умирает мама, и видел Графа. Его душа осталась охранять меня.

— Это огромная трагедия, Даниил, — сказал профессор. — Мне очень жаль…

На мгновение он замолчал, обдумывая следующую фразу. Но мне не нужны были его слова, я хотел лишь одного и попросил об этом:

Художник Doomstyche

— Помогите отпустить Графа.

Профессор не ответил. Я повернулся и встретился с ним взглядом. Немолодое лицо, к которому я так привык за эти годы, застыло в выражении недоумения.

— Хотите, чтобы я связал вас ещё раз? — наконец спросил Александр Сергеевич.

— Нет, — я поднялся с дивана, подошёл к столу, — вы должны пойти со мной и открыть дверь.

— Почему я? — он смотрел на меня с интересом. — Вы можете сами.

— Нет. Вы пахнете иначе. Вас он будет преследовать, а от меня не отойдёт.

Профессор откинулся на спинку кресла.

— Что я должен делать?

— Закройте глаза…

***

Прошло много лет с тех пор — изменился я, изменился мир вокруг. Кажется, что стало холоднее, но может быть, даёт о себе знать оледеневшее сердце. Зато теперь мне открыты все двери, я хожу по дому, словно Хозяин, и каждую комнату могу считать своей.

Я — страж этого дома. Красивый, упитанный английский бульдог. С великолепной осанкой и превосходной родословной. Характер стал жёстче, взгляд — пронзительнее. Я агрессор по имени Граф. И стоит только сквозняку донести до меня посторонний запах — запах чужого человека, я тотчас срываюсь с места, несусь по узким коридорам и по лестнице — вниз, к входной двери.

Но там никого нет.

Дом пуст, а дверь распахнута настежь. Предо мной открытый проход в огромный светлый мир, пахнущий жарким, цветущим полднем. Я смотрю по сторонам и шагаю вперёд, навстречу свету. Туда, где мне давно пора быть.

Рассказов Андрей (Хрустальный Феникс)
writercenter.ru/profile/nazymov/whois/
Художник Doomstache
doomstache.deviantart.com

Время запаха

Мекшун Евгения

— Чего вы от меня хотите? — не поднимая глаз на собеседника, пожилой мужчина энергично водил ручкой по бумаге, шифруя чью-то жизнь в медицинские криптограммы.

— Хочу, чтобы вы выписали мне таблетки.

— Вы не больны.

— Я не могу дышать! По-вашему, это нормально?

Мужчина дописал, поставил острую точку, насадив на стержень сразу несколько листов тетради, и нехотя обратил на девушку усталый взгляд:

— Рене, я ведь уже говорил вам, что синестезия — не заболевание, а всего лишь специфическая особенность некоторых людей иначе воспринимать окружающий мир. От неё нет и не может быть лекарства.

— Всего лишь? — возмутилась девушка. — Я читала про синестезию. Это врожденное, а я до последнего времени ничем похожим не страдала, — упрямствовала она.

— У вас в мозге была опухоль, веское основание для проявления аномалий. Считайте это остаточным явлением после успешного излечения.

— Успешного?! — задохнулась от негодования бывшая пациентка. — Я вижу запахи…

— Да, а есть и такие, кто видит звуки и слышит цвет, — спокойно парировал врач. — Рене, я онколог и сделал то, что от меня требовалось, остальное — в руках Господа. Или психиатра, — добавил он и вновь уткнулся в бумагу, давая понять, что разговор окончен.

Уязвлённая, девушка подскочила с кресла и, перегнувшись через край стола, едко прошептала:

— Вы даже представить себе не можете, что они мне показывают!

Хлопнув дверью, она выскочила в залитый ярким светом коридор и, натянув на лицо шарф, напитанный знакомым запахом дома, поспешила к лифту: не дай бог ей вдохнуть что-нибудь резкое и пахучее без предварительной подготовки и концентрации на реальности.

С тех пор как у неё обнаружилась эта проклятая опухоль, органы чувств ей больше не принадлежали. Рене ничего не понимала в отсутствии дифференциации сигналов у себя в голове, о которой твердили доктора, но результат этого отсутствия она отлично прочувствовала на собственной шкуре. Сильнее других бунтовало обоняние, подстрекая к неповиновению и слух, и зрение, и даже память. Лишь стоило Рене почувствовать какой-то яркий аромат, как зловредный нюх тотчас находил в закоулках серого вещества связанное с ним воспоминание и возрождал его к жизни. Только это не были цитаты из книг или кадры из фильма. Нет, по какой-то неизвестной и совершенно невероятной причине запах отсылал её к эпизодам прошлого, заставляя переживать их до мельчайших исторических подробностей, о которых раньше она абсолютно точно ничего не знала.

Девушка уже побывала при дворе маркизы де ла Тремуйль Марии-Анне — принцессы Нероли, той самой, что обожала масло флёр д'оранжа и ввела на него моду в высших кругах Европы. Собственно, благодаря цитрусовому аромату Рене туда и попала, и это, наверное, был тот единственный раз, о котором она не жалела. Другие путешествия оказались куда менее приятными, в частности те, где она обнаруживала себя в телах мужчин, как правило, жирных похотливых толстосумов в окружении полуголых девиц и орущей со сцены кабака музыки. Попадались, правда, и тощие хиппи в пьяном опиумном угаре, но от этого легче не становилось.

Именно теперь Рене стала замечать, как мало вокруг по-настоящему «добрых» запахов, связанных с приятными воспоминаниями. Повсеместно её то накрывало густой табачной волной, то из подворотни или люка канализации сочился стойкий запах гнили, а уж про выхлопные газы автомобилей и говорить не приходилось. Впрочем, к ним она быстро приспособилась. Требовалось лишь заранее настроить себя на то, что ожидает тебя по другую сторону окна.

Поэтому, побывав в 1903-м на ткацкой фабрике японца Сакиши Тайода, где ей едва не оторвало палец «инновационной» автоматической моделью оборудования, и, покидав в 1972-м сено в прицеп

трактора Lamborghini, — а именно эти, некогда прочитанные факты из истории автомобилестроения, воскресили из памяти главные запахи улиц, — с данной тематикой девушка завязала.

Сейчас куда большую опасность для неё представляли люди, не в меру и не к месту надушенные, чей дешёвый парфюм, смешанный с запахами тел, рождал отвратительные ассоциации. Последствия таких встреч Рене, словно заключённая, отсчитывала по минутам. Она достаточно быстро вычислила формулу, согласно которой её воспалённый мозг решал, какое количество времени ей отводится на пребывание в том или ином «ароматном» эпизоде. Это всегда была разница между нынешним 2013 годом и тем, в котором её угораздило очутиться, исчисляемая в минутах, и эта разница всегда была положительной.

Рене ни разу не попадала в будущее, хотя читала немало футуристических заметок и прогнозов, и её память наверняка хранила достаточно информации, чтобы найти там ассоциативную связь хоть с каким-то запахом. И потому девушка всё чаще ловила себя на мысли, что, возможно, она действительно каким-то образом перемещается во времени, а в будущее не попадает из-за того, что то, о чём она читала, то каким его сейчас представляют — всего лишь фантастика, и на самом деле всё будет по-другому. А раз она не знает как «по-другому», то и перемещаться ей некуда.

Рене в одиночестве шагнула в глубокую стальную кабину лифта и быстро нажала кнопку «1», опасаясь, чтобы никто не успел нарушить её уединения. Однако не успела она проехать и пару этажей, как двери разошлись, впустив внутрь медсестру с капельницей-каталкой, на которой опасно раскачивался тёмно-алый пакет донорской крови. Рене прижала к лицу ладонь так, что шарф почти полностью перекрыл ей доступ кислорода и, зажав ноздри, стала аккуратно втягивать воздух ртом. В некоторых случаях это помогало избежать «узнавания» запаха, но не всегда и ненадолго. Она уже почти успокоилась, заново сосредоточившись на больничной атмосфере и свойственному ей ароматическому букету, как лифт вновь остановился. Послышались громкие голоса и звуки борьбы. Предчувствуя неладное, девушка вжалась в дальний угол и едва не перестала дышать совсем.

Из холла в кабину влетел щуплый мужчина, по синюшному цвету кожи и отсутствию на ней всякой растительности — прошедший курс интенсивной химиотерапии. Вероятно, бесполезной. Мужчина яростно жестикулировал и что-то кричал о смерти, а когда двое его провожатых — немолодых женщин — попытались угомонить подопечного, принялся отчаянно вырываться. Оттесняя человека вглубь лифта, они навалились на него грузными телами, но не рассчитали соотношение масс, и бунтарь, тщетно хватаясь руками за воздух, полетел на онемевшую от увиденного действа медсестру.

Рене, пытаясь сохранять хладнокровие, как заклинание повторяла про себя, что на запахи происшествие никоим образом повлиять не способно. Она сделала попытку проскользнуть к нервно подрагивающим на выходе створкам, но тут не сумевшая удержать равновесие медсестра шлёпнулась перед ней о стену, следом звонко брякнула металлическая штанга капельницы, и раздался хлопок. Девушка с ужасом оглядела одежду, забрызганную алыми каплями, часть которых оказалась у неё на лице. Обоняние жадно вцепилось в добычу, в которой ему так долго отказывали.

— Нет! Не хочу! — ринулась Рене из кабины, но двери лифта стремительно сошлись, оставляя её в мире, наполненном холодным, с привкусом ржавчины, ароматом крови.

***

Ощутив ледяное прикосновение металла к коже, девушка моментально открыла глаза. Тонкое запястье обхватывала сухая обветренная ладонь, а в другой руке старик держал устрашающего вида то ли иглу, то ли лезвие, которое, похоже, намеревался всадить ей прямо в вену.

— А-а-а… — завизжала Рене и, вывернув кисть, соскочила с противоположной стороны широченной кровати. Причём удалось ей это далеко не сразу, тело вязло в слоях мягчайших перин, а на самом краю девушка едва не свалилась на пол, запутавшись коленями в длинной ночной сорочке. — Не трогай меня, садист! — закричала она, наконец оказавшись за баррикадой. За спиной Рене кто-то коротко охнул.

— Видите, мосье, о чём я вам говорила? — от зашторенного тяжелыми пыльными полотнами окна отделилась куполообразная фигура. В первый момент Рене приняла её за предмет интерьера, однако задрапированный в складки различных фасонов и размеров гигантский абажур при ближайшем рассмотрении оказался женщиной сред-

них лет с наигранно скорбным выражением лица. — Элиза, девочка моя, — в приступе театральности заломила она себе пальцы, — совсем плоха в последнее время. Иной раз истинный ангелочек, а потом будто бесом одержима, — смахнула женщина со щеки несуществующую слезинку. — Единственная надежда на вас, мосье доктор. Дурную кровь надобно непременно выпустить.

— Что?! Вы в своём уме?! — страшно выпучила глаза Рене. И когда она уже успела начитаться о кровопускании? — Это же… это же варварство! — она стянула с плеча резиновый жгут, больно впившийся в кожу, и запустила им в доктора. Тот, подобрав вещь, бросил её в раскрытый на прикроватной тумбе чемодан с набором инструментов а-ля «серийный маньяк»: какие-то огромные свёрла, крюки, ролики с тонкими острыми дисками. И вся эта утварь грязная, местами почерневшая или покрытая каплями крови предыдущего больного. Рене шумно сглотнула. — Вы вообще их моете, стерилизуете? Там же настоящий рассадник заразы! Скольких людей вы уже угробили?!

— Слышите, мосье Колле, слышите?! — схватилась несостоявшаяся актриса за сердце. — Бесовские речи!

— Кровопускание есть самый надёжный способ избавления от недугов, — проскрипел мерзким голосом сморщенный старик, — а что до месье Миньяра, — устремил он на Рене бесцветный взгляд, — количества выпущенной кровяной субстанции оказалось недостаточно для излечения. Выпустить более не позволил Господь, коль скоро призвав месье в свою обитель.

— Бедный мосье Миньяр перед смертью помутился рассудком, — дрожащим фальцетом вставила мадам-абажур, — не допускал к себе доктора, велел дать ему спокойно умереть. Но как можно?! Ставить под сомнение репутацию лучшего специалиста в стране! — заискивающе улыбнулась она престарелому эскулапу. — Мы подобного не потерпим, — обернулась женщина к Рене. — Правда, дорогая? — недовольно поджала она тонкие бескровные губы.

— Послушайте… маман, — вспомнила девушка обращение, свойственное первой половине XIX века, в котором, по предварительному анализу обстановки и одеяния людей, она очутилась. — Мне уже гораздо лучше. Нельзя ли отложить процедуры? Или вообще отменить? — попыталась спасти она щуплую девицу, в чьё тело так неудачно попала.

Дама вопросительно и даже с некоторым удивлением глянула на врача. Судя по всему, прежде дочь редко пользовалась правом высказать своё мнение.

— Боюсь, это невозможно, — покачал головой старик, рьяно преданный медицине и особенно практической её части. — Дурные настроения чрезвычайно быстро распространяются во внутренностях тела. Если тотчас не пустить их наружу, они отравят мозговое вещество.

— Господь всемогущий! Чего же мы ждём?! — всплеснула руками дама. — Элиза, деточка, ради твоей же пользы, — начала она наступать на Рене. — Разве матушка тебя когда-нибудь обманывала?

— Да какая вы мать?! — заскочила девушка на кровать. — Отдаёте собственную дочь в лапы этому кровопийце!

— Ах ты бесстыдница! — женщина попыталась схватить Рене за ногу, но та увернулась. — Мосье Колле уважаемый врач, старейший член медицинского общества страны, опытнейший хирург…

— От его старейшего опыта хирургии ваша Элиза-деточка отправится прямиком за мосье Миньяром. А потом её откопают, и она станет пособием для изучения анатомии. Не так ли, доктор? — посмотрела Рене на старика, охранявшего противоположный край постели. Его безразличные водянистые глаза внезапно обрели признаки жизни. И эта жизнь ей определённо не понравилась.

— С меня достаточно, — процедил лекарь. — Прошу вас, мадам, вызовите кучера.

— Вот и славно, — пробубнила под нос Рене. — Отсижусь тут пару часиков и домой.

Мадам, взяв с секретера колокольчик, высунула руку за дверь комнаты и громко позвонила, подзывая прислугу.

— Мисси, будьте добры, приведите кучера мосье Колле.

— В спальню, мадам? — удивилась служанка.

— Мосье Колле необходимо помочь с вещами, — раздражённо ответила госпожа. — Делайте, что велено.

Рене занервничала, спешно оглядывая помещение. Никаких вещей, кроме чемодана, у старика она не заметила. А когда через несколько минут в комнату вошёл здоровенный детина, едва протиснув в дверной проём плечи, она поняла, что дело плохо. Кучер по совместительству, похоже, выполнял функции санитара. Он принёс с собой два ведра с неизвестным содержимым, а затем вновь скрылся за дверью. Мадам и доктор бездей-

Художница Лев Елена

ствовали, дожидаясь его возвращения. По спине Рене поползли противные холодные струйки пота. Она вытерла влажные ладони о простыни и ухватилась за тяжёлый литой подсвечник у изголовья кровати. В комнату внесли стул. На его подлокотниках, в основании ножек и на спинке болтались широкие ремни, не предвещавшие ничего хорошего.

— Только троньте меня! — взвилась Рене на ноги. — Получите по башке этим… этим… — угрожающе размахивала она медным канделябром, силясь вспомнить его название, — как же его? Чёрт!

— Ах! — вскрикнула женщина при упоминании дьявольского имени. — Разложение мозга! Оно началось! Прошу вас, мосье Колле, скорее! Скорее!

— Патрик, пожалуйста, — кивнул доктор великану. Тот без лишних расспросов развернулся в сторону Рене.

— Не подходи! — заорала она и замахнулась для удара. Но подсвечник, слишком увесистый для худой девичьей руки, потянул её назад, тело пошатнулось и плюхнулось на груду подушек. Воспользовавшись моментом, кучер подхватил Рене за талию и закинул себе на плечо. — Отпусти меня, верзила! — надрывалась она, колотя его по спине медной болванкой. — Переросток! Поставь меня обратно!

— Сейчас поставлю, — громыхнул парень и опустил её в жесткое кресло. — Сложный случай, месье, — посочувствовал он доктору. — Ишь, как надрывается, — затянул он на запястье пациентки грубый ремень. Другую конечность заботливо пригвоздила к стулу маман.

— Не больная я! — крутилась и выгибалась Рене. — Выпустите! Выпустите меня, идиоты!

— Месье, кажись, в зубах у неё черви, — прищурился исполин, заглядывая девушке в рот. — Прикажете вычистить? — деловито закатал рукава "добрый" Патрик и с благоговением взял из чемоданчика острый крюк. Наверное, он всегда мечтал стать врачом, но происхождение не позволяло.

Рене сделалось дурно. Она тотчас перестала кричать и крепко стиснула челюсти. Стоматология пугала её и в двадцать первом веке, а уж про девятнадцатый страшно было даже подумать.

— Какой сейчас год? — осипшим голосом выдавила она из себя вопрос. Где-то слева вновь запричитала дама, а главный изувер, ни капли не смутившись, ответил:

— 1843-й от Рождества Христова, дитя моё.

— Сто семьдесят минут, — обречённо прошептала Рене. Её голову резко откинули назад, в шею врезался смирительный ремешок.

— Сегодня вы исцелитесь, мадмуазель, — сверкнуло перед глазами опасное лезвие.

"Сегодня я умру", — поняла Рене и зажмурилась. Сопротивление бесполезно.

Под всхлипывания сердобольной маман девушку обрили наголо. По правде говоря, слушая, как на пол падают густые пряди, Рене и сама едва не прослезилась. Онкология научила её ценить приятный груз длинных волос. Затем, нырнув в одно из вёдер, Патрик извлёк оттуда горсть пиявок и стал подавать их мастеру, который аккуратно рассаживал противных существ на бритом черепе Рене. От омерзения девушка то и дело глотала подступавшие к горлу позывы рвоты, но если пиявки — это единственное, что ей придётся сегодня пережить, то она потерпит.

Однако кровососами лечение не ограничилось. Из второго ведра услужливый подмастерье достал какие-то мокрые тряпки, которыми облепили тело Рене, и она в буквальном смысле застучала зубами. "Полотенца", как называл их месье врач, оказались ледяными.

Творцы средневековой медицины подошли к апогею исцеления.

— Патрик, вращательную машину, будьте любезны.

— На шесть лезвий?

— На девять.

"Вращательная машина на девять лезвий?!" — запаниковала Рене и вновь заёрзала на стуле, стараясь ослабить хватку ремней.

— Что вы, что вы, дорогая, — заскрежетал старик, больно впиваясь пальцами ей в предплечье, — очищение почти завершено. Вам заметно лучше, не так ли?

— О мосье! — подлетела к дочери женщина. — И вправду, у неё просветление! Элиза, деточка моя! Глазки так и сияют!

— Сияют? — прохрипела Рене сквозь пережатые голосовые связки. — Да я сейчас окочурюсь от холода!

— Позвольте, мадам, я закончу процедуры. Духи сильны в её чреслах. Только обильное пускание крови избавит дитя от недуга.

— Обильное? — испуганно глянула маман на посиневшее чадо.

— Рекомендовано до обморока, — ответил эскулап и резко полоснул инструментом по коже. Рене вскрикнула, но скорее по инерции, так как почувствовала лишь лёгкое жжение. Боль приту-

пила тотальная заморозка организма. Но тут внезапно закричала мать:

— Кровь! Где кровь?! У неё нет крови! — и шлёпнулась без сознания. Ситуация выглядела настолько комично, что Рене не удержалась и прыснула со смеху. Она, конечно, знала, что некоторым людям делается плохо от вида крови, но от её отсутствия?..

Патрик, изумлённо хлопая глазами, отшатнулся:

— Ведьма. Месье Колле, она ведьма.

— Дурни! — истерически хохотала Рене, представляя себя со стороны: лысая девица с шевелящимися вместо волос червяками, у которой в придачу ещё и кровь не идёт. Зрелище не для слабонервных жителей позапрошлого столетия.

— Помогите подняться мадам, Патрик, — сохранял невозмутимость старик. — Вредоносные жидкости можно выпустить иначе, — с вызовом посмотрел он Рене в лицо, будто бы это она была виновата в том, что из её окоченевшей руки не идёт кровь. — Пятьдесят вёдер холодной воды на голову и доза слабительной соли.

— Пиявки отвалятся.

— Что?

— У меня на голове пиявки. Они отвалятся, — почти безразлично отнеслась к угрозе Рене. Честное слово, ей было уже всё равно.

— Что с моей девочкой? — пришла в чувство маман. — Она жива? — и, окинув Рене беглым взглядом, расплылась в блаженной улыбке. — Господь благослови вас, мосье Колле. Пустили таки.

Обескураженный доктор посмотрел на пациентку и, заметив на месте разрезов тонкие алеющие полосы, быстро напустил на себя важный вид, словно заранее знал, что так и случится. Подставив под стекающие на пол струи странной формы сосуд, он самодовольно заявил:

— Угодные Господу деяния всегда плодотворны.

Отрешённо уставившись в одну точку, Рене слушала мерный перестук капель чужой крови. Изнурённая борьбой, она закрыла глаза и вскоре почувствовала, как сознание уплывает, отделяясь от происходящего, будто пробуждаясь ото сна. Время запаха кончилось.

***

Девушка ощутила сильную тряску и не удивилась. Опять её везут в больницу, хотя нет, ведь она и была в больнице, значит, на каталке в палату. Только привкус на языке какой-то странный.

— Что? — уставилась Рене в бликующее за защитным стеклом лицо пожарного. — Что такое? — заметалась она, вглядываясь в таблички кабинетов, окутанные едким смогом.

— Всё в порядке, — ещё сильнее прижал её к себе мужчина, — очаг возгорания в здании больницы локализован, осталась сильная задымлённость.

— Ну почему? — заскулила Рене, вдыхая горький, щекочущий ноздри воздух. — За что?

Пожарный озадаченно скосил на девушку взгляд, но Рене его больше не видела. Вокруг неё полыхали дома, деревянные лавки, по-видимому, рыночные, потому как крики и плач разбавлял визг свиней и громкий птичий гогот. Люди, одетые в грязно-серые балахоны, в панике давили друг друга, а иные, забившись в узкий проулок, тихо дожидались своей участи.

— Что случилось? — пробившись к одному из таких "тихонь", спросила Рене.

— …поджёг город… по его приказу… — бессвязно бормотала молодая женщина.

— Кто? Кто поджёг? — настойчиво требовала ответа девушка, а сама боялась услышать единственный вертевшийся в голове ответ. — Какой город?

Женщина подняла на неё воспалённые от дыма глаза:

— Рим горит.

Император Нерон. 64 год н.э. 1949 минут…

Мекшун Евгения
writercenter.ru/profile/Mekshuny/whois/
Художник Лев Елена
writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Пешком по асимптоте

Джинн

По гостиной плыл горький маслянистый аромат молотых кофейных зёрен. Неотвратимый и великодушный, как время, он проникал в самые укромные уголки, находил другие запахи и растворял в себе. Томные парфюмерные букеты, грубый дух тяжёлой работы, приторные ноты мышиного помёта — всё суетное тонуло в размеренных волнах густого аромата. Обиды, скандалы, ревность и похоть усмиряли норов перед его властным обещанием — скоро будет полдник. Потом, после еды, они снова начнут бередить души, но сейчас это неважно. После чаепития начнётся другой день.

Задумавшись о причудливости местных календарных расчётов, Марина потеряла кофе. Ещё пару минут назад пестик с усилием давил зёрна, а теперь он гулко постукивает по дну пустой чашки.

«Чёртовы недоделки, — ругнулась под нос Марина. — Невозможно же привыкнуть!»

Марина кривила душой. За два проведённых здесь года она привыкла недоделывать. Недосаливать суп, недожаривать мясо, недотушивать овощи. Иначе бы они совсем остались без еды — по необъяснимой прихоти этого мира любой сделанный предмет растворялся в воздухе, как только становился готов, будь то рагу, свитер или платье. Приходилось выкручиваться: оставлять на свитере недовязанным узор, на платье — непришитую бусину, а в ступку с кофейным порошком вовремя подбрасывать целые зёрна.

На чертыхание, как будто на звук своего имени, над подлокотником большой кожаной кушетки появилась довольная мордашка. Большие синие глазищи лучились удовольствием, а пухлые губы, как ни старались, не могли сдержать нахально-белозубую улыбку.

— Это потому, что ты — слишком аккуратная! — победно заявила Лёля, продолжая старый, неразрешимый, да и толком не начатый спор.

— Это потому, что доделанные вещи не определены в пространстве Малой Яви, — невозмутимо ответила Марина и припечатала: — Так Бертран говорит.

— Много он понимает, твой Бертран, — поскучнела Лёля и снова нырнула в кожаный уют кушетки, откуда минуту спустя донеслось: — Истинная природа вещей доступна лишь поэтам и музыкантам.

— Проникновение в оную суть не помешает госпоже поэтессе накрыть на стол? — поинтересовалась Марина, пряча за иронией досаду. Иногда ей казалось, что Лёля права. Марина всегда и везде была слишком. Сначала слишком молода, затем — слишком холодна и слишком занята. Теперь вот слишком аккуратна. Скоро станет слишком стара, потом слишком дряхла. А потом уже наверное «в меру мёртвая».

— Я придумала тебе историю! — донеслось из — за спинки кушетки.

Кушетка у окна — любимое Лёлино место. Оно стратегически грамотное. С одной стороны, отсюда хорошо просматривается тропинка, ведущая от дома к пристани. С другой стороны — от двери — любому вошедшему отлично видны длинные и загорелые, небрежно переброшенные через подлокотник, оголенные лёлины ноги.

— Ты слышишь? Я разгадала твой секрет!

— Лучше бы ты мне с посудой помогла. До полдника всего ничего осталось.

Рядом с круглой веснушчатой коленкой на кушетке обычно лежал блокнот. Карандаш — а пишет поэтесса только грифелем — торчит в волосах

на манер японской заколки. В пылу вдохновения Лёля вытаскивает его из причёски, выпуская на волю золотистую гриву, и прикусывает древко ровными белыми зубами. В эти моменты поэтесса серьёзна и сосредоточена, и Марина старается даже не дышать — боится спугнуть миг, когда по листу зазмеятся рифмованные строчки.

Напрасно. Свои стихи Лёля никогда не записывает и никому не читает. Блокнот девственно чист.

— Когда-то давным давно… Я думаю, во времена Крестовых походов… ты была лучшей поварихой короля.

— Глупость!

— Какого-нибудь там Людвига-мужеложца.

— Гадость!

— Но однажды опоздала с обедом…

— Пф! Вот уж нет.

— …потому что провожала жениха в солдаты! — Лёля распахнула глазищи. — Нет! Ты с ним миловалась, забыв о работе, вас нашли, и король приказал выпороть его вместо тебя. Но жених был хил, он слёг в горячке и помер!

— Лёля, прекрати!

— А ты в горести приняла постриг и присягнула на верность чёткому распорядку дня. Ты поклялась сражаться за него до последней капли крови. Поэтому, когда за тобой пришла безносая — ты её вытолкала взашей, прочитав гневную отповедь. Дескать, как можно отвлекать повара глупостями, когда в духовке истомилась утка, а салат к ней ещё не готов! — Лёля рассмеялась: — За это тебя и выгнали с Большой Земли — за строптивость, а ещё нудность и упрямство.

Марина попыталась что-то сказать, но Лёля перебила её, рявкнув:

— А ну быстро колись, как звали жениха!

— Бертран! — закричала Марина.

Лёля опешила:

— Наш Бертран?

— Бертран идёт! А у нас ничего не готово!

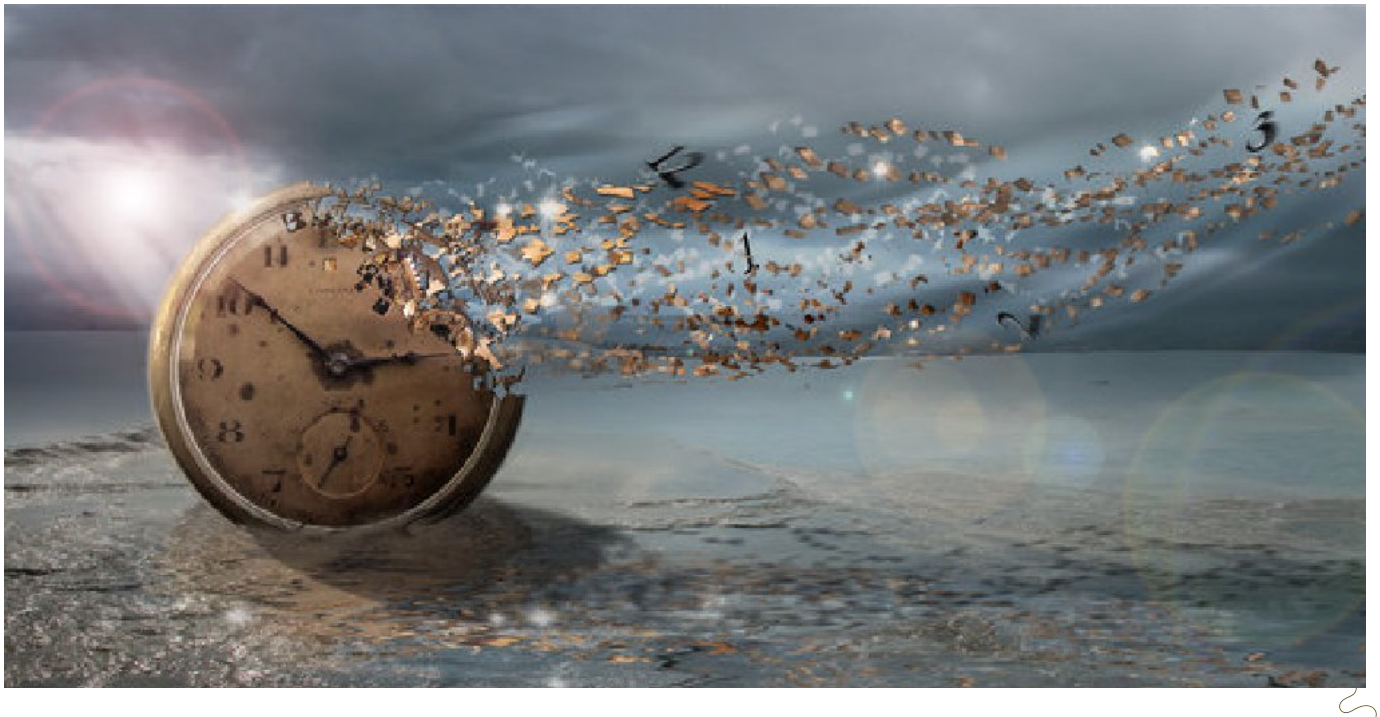
И верно: дверь открылась, и в гостиную вбежал Бертран. Марина привычно поразилась, до чего же он похож на шар для боулинга. Такой же круглый, тяжёлый и громкий. Не замедляя хода, он просеменил мимо ненакрытого стола, мимо кожаной кушетки и подбежал к большим — в человеческий рост — напольным часам.

— Чего шумим? — спросил он.

— Опаздываем с полдником! — отрапортовала Лёля.

— Молодцы, — рассеянно буркнул Бертран, шаря по карманам.

Вдруг его лицо просветлело, жестом фокусника он вытащил из воздуха бронзовый ключ и отпер дверцу. Стрелки показывали пять часов дня — лучшее время для полдника, но оно Бертрана не устроило. Ухватив минутную стрелку за ухо, он оттащил её на двадцать четыре деления назад, на семёрку. Получилось тридцать пять минут пятого. Бертран сам себе довольно кивнул, завёл пружину часов и снова запер дверцу. Аккуратно спрятал ключ в бессчётных карманах шерстяного костюма и только после этого повернулся к женщинам:



Художник Max Mitenkov

— Так чего шумим?

— Не успели накрыть на стол.

— А, это даже хорошо. Сегодня вам следует пить чай вдвоём.

— Какие-то срочные дела? — насторожилась Марина: отказ от чая нёс угрозу распорядку дня, и Бертран, как человек серьёзный, не стал бы пренебрегать традицией без весомой причины.

— Похоже, у нас новенький.

— Новенький? — Лёля подскочила на кушетке.

— Да, его заметил Ринат. Он сидит на насыпи на недоделанной дороге и ждёт, пока его кто-нибудь снимет. Мы уже спустили лодку на воду, я только на секунду забежал поправить часы и предупредить вас.

— А что мешает снять его после чая?

— Марина, ну какой чай?! — не выдержав, влезла Лёля. — Бертран, чего же вы ждёте? А вдруг он исчезнет? Какого чёрта вы не сняли его до сих пор?

— Вода уйдёт, — мягко возразил Бертран Марине. — Если мы не поторопимся — можем не успеть вернуться.

Бертран всегда возражал мягко. Это с Ринатом можно было ругаться или спорить, приводить аргументы. А Бертран мягко возражал и улетучивался, оставляя за собой последнее слово. Так он поступил и сейчас. Следом за Бертраном, с задумчивым видом оглядев себя в зеркало, испарилась Лёля, и Марина осталась в одиночестве. Похоже, у распорядка дня и впрямь больше не осталось верных адептов. Она со вздохом подбросила в ступку щепоть кофейных зёрен, добавила немного специй и принялась перетирать их пестиком.

***

Малая Явь — неизвестная картографам складка реальности. Временной карман на ровной глади мироздания — незаметный снаружи, вместительный изнутри. Никто точно не знает, как образовался этот мирок, но время от времени здесь появляются люди. Время от времени люди отсюда исчезают.

Малая Явь — это обломок тверди где-то между морем, небом и туманом. Субстанции нелегко различить, и когда прячется солнце, начинает казаться, что мирок прячется внутри застиранного холщового мешка. Кроме Яви, в мешке есть и совсем маленькие островки — с десяток шагов в поперечнике.

По форме остров похож на гриб-лисичку с холмистой шляпкой. На самом высоком месте красуется добротный каменный дом. От дома вниз, огибая яблони и перепрыгивая ручьи мостами, бежит тропка. Она спускается к самому краю и упирается в странную конструкцию, которую местные называют «пристанью».

Большую часть времени — с утра до вечера и с вечера до утра — пристань выглядит как строительные леса, прикреплённые к шляпке острова-гриба. В это время не каждый угадает назначение сложной системы подвесов и опор. Не каждый поймёт, зачем в них нужна лодка, если между ней и поверхностью моря — с десяток метров отвесной скалы. Но дважды в день вода поднимается и бережно снимает лодку с креплений. Та качается на волнах, удерживаемая только верёвкой, и не остаётся сомнений, что это — самая настоящая пристань. От неё можно отчалить, к ней можно пришвартоваться.

В море, окружающем Малую Явь, полно скал и островков. Больших и маленьких, гладких и сколотых, высоких и низких, лысых и таких, на макушках которых красуются чахлые деревца. На одном из таких островков есть насыпь. Обычная гора песка, каких полно на заброшенных стройках: то тут, то там пробиваются чахлые одуванчики. С одной стороны прямо в насыпь упирается дорога. Больше на острове ничего нет.

Местные так и называют этот остров Недостроенной дорогой.

На насыпи сидит человек. У его ног лежит дорога, по которой можно уйти, но она ему не интересна. Его взгляд прикован к острову. Вот он видит, что от дома к пристани бежит толстяк, смешно перепрыгивая кочки и рискуя переломать коротенькие ножки. Внизу, в лодке, толстяка ждёт напарник. Едва первый запрыгивает в лодку, второй начинает быстро-быстро грести. С удивлением человек понимает, что лодка плывёт к нему и начинает смеяться, указывая на неё пальцем. Человек, похоже, не в себе.

И уж тем более человек не может знать, что в своё время на Недостроенной дороге побывал каждый из местных.

Первым был Бертран. Он рассказывает, что однажды стрелял ворон в своём родовом поместье, заодно пытаясь решить, что лучше: продать родительский дом или пустить себе пулю в лоб,

чтобы покрыть страховкой карточный долг. Нежная супруга уже не первый час ждала мужа с охоты, а тот всё ходил и ходил кругами по лесу, надеясь собраться с духом и принять одно из двух решений. Но не мог. Тогда Бертран решил, что будет идти вперёд, пока не найдёт наилучший выход. Через час понял, что заблудился, но не повернул назад — выхода же ещё не было. Прошло ещё какое-то время — Бертран будто засыпал и просыпался на ходу: вроде бы наступила ночь, потом снова день — сознание отключалось, но тело упрямо продолжало двигаться вперёд. Бертран шёл, пока не увидел, что ноги привели его к краю обрыва. Тогда он разбежался и бросился вниз, в воду.

Бертран не разбился и не утонул. Беспокойное море помотало его и выбросило на небольшой остров-гриб, шляпку которого украшала заброшенная, но ещё крепкая постройка.

Так говорит Бертран.

Ещё он говорит, что на Большую Землю вернуться нельзя. Что за первые полгода исследовал каждый метр водного пространства, но не нашёл ничего, кроме скал и воды. Бертран хорошо помнил, с какого обрыва он бросился в воду, подплывал к нему поначалу чуть ли не каждый день и подолгу смотрел вверх. Помнил, что там, наверху, есть дорога, и надеялся, что по ней можно вернуться домой. Но забраться на отвесную скалу было невозможно, а оплыть её вокруг не получалось. Своенравные течения уводили лодку далеко в сторону, и как Бертран ни бился с ними, как ни держался первоначального курса — каждый раз, когда он абсолютно выбивался из сил, лодка либо возвращалась к острову, либо начинала дрейфовать между скал.

А через полгода, проплывая мимо обрыва с Недоделанной дорогой, Бертран увидел на насыпи женскую фигурку. Переволновавшись, он едва не уронил весло в воду. Дрожащими руками кое-как пристроил его внутри и влез на сиденье. Он хотел крикнуть девушке, что ему нужна помощь. Но не успел. Она сложила руки вместе и рыбкой вошла в воду. Пока Бертран неуклюже затаскивал её в лодку, пока материл всю дорогу к дому, пока пихал в спину, принуждая подниматься по тропинке — девушка молчала и бессмысленно таращила глаза. Только на пороге дома, когда Бертран окончательно выдохся и больше не мог ругаться, тихо спросила, где здесь кухня. Девушку звали Марина.

Художник Max Mitenkov

Спустя два месяца на пороге дома возникла Лёля; она сама добралась до острова вплавь. Последним появился Ринат. Он дня три сидел на краю обрыва, не желая уходить обратно и не решаясь прыгнуть. Пока не свалился случайно, споткнувшись на ровном месте.

И теперь на насыпи сидел ещё один, новенький. Высокий и тощий, как жердь; сутулый. Длинные волосы и длинный шарф в белую и красную полоску придавали его фигуре оттенок какой-то трогательной нелепости, хронической неуместности.

«Художник. Или музыкант. Опять бездельник», — подумал Бертран, а вслух крикнул: — Милейший, вам лучше вернуться домой!

— Эй, гарсон, домой вали! — подхватил Ринат.

Человек на утесе смотрел вниз, на лодку, и

блаженно улыбался.

— Эй! Марш домой!

— Иди, мадам твоя заждалась!

— До-мой! До-мой!

— До-мой! До-мой!

Человек подошёл к обрыву, повернулся спиной и стал медленно падать навзничь. В воздухе он несколько раз перевернулся и плашмя ударился о воду, только полосатый шарф растёкся по поверхности воды.

— Добро пожаловать в Малую Явь, — пробубнил себе под нос Бертран.

Ринат выругался и развернул лодку, держа курс на яркий красно-белый поплавок.

***

Если сутки начинаются в пять вечера, то что следует считать «утром»: бывший вечер или бывшее утро? Этот, казалось бы, ерундовый вопрос изрядно портил жизнь Ринату. На Большой земле он привык вставать на рассвете, с детства приученный к поговорке «кто рано встаёт, тому Бог подаёт». А здесь даже если проснуться затемно — всё равно формально половина дня уже потеряна. Ринат был уверен, что именно по этой причине здесь, в Малой Яви, нечего надеяться на божью благодать.

«Может, этому удастся что-нибудь изменить?», — подумал Ринат, увидев в окно мастерской полосатый шарф. Через несколько минут на пороге возник и давешний утопленник. «Тапёр», — само собой всплыло прозвище, которым новичка наградила глазастая поэтесса, рассмотрев, что пальцы на правой руке новичка искалечены: переломаны и криво срослись.

— Женщины кудахчут над вами, как перепуганные курицы. Удивлён, что они выпустили вас из дома.

— Признаться, я сбежал. Воспользовался тем, что они ещё сладко спят.

— Вы отчаянный человек, — Ринат вытер тряпкой правую руку и протянул её новенькому. — Ринат. Плотник, столяр, резчик. Словом, мастер по работе с деревом.

— Разве здесь достаточно работы, чтобы держать плотника? — ответил на рукопожатие Тапёр. Несмотря на старую травму, хватка у него была крепкой.

— Нет никакой, — Ринат развёл руками. — Кроме той, которую придумываю себе сам.

Словно не поверив, Тапёр оглянулся. Мастерская была почти пустой. Длинный узкий верстак и пол устилали завитки древесной стружки. То тут, то там в беспорядке валялись инструменты. Но нигде — ни на верстаке, ни на полу, ни в стружке — не было ни одной поделки. Кроме той, которую держал в руках сам плотник — фигурки обнажённой танцовщицы, изогнувшейся в изящном па. Маленькая острая грудь, капризный нос, гордо задранный подбородок.

— Она похожа на Лёлю, — улыбнулся Тапёр.

— Вы думаете? — удивился Ринат, глядя на фигурку так, словно видел её в первый раз. — А впрочем, вы правы. Знаете, тут не слишком-то много моделей.

— Она вам позирует?

— Ну что вы! Для человека моего склада эта барышня слишком… энергична. К тому же современная мода без просьб обнажает всё, что нужно скромному, но наблюдательному художнику.

— Это да, вы правы. А вторая? Марина? Она ничего?

— Ну… если у вас есть опыт соблазнения часовых механизмов, вы вполне можете закрутить с ней интрижку.

Новенький рассмеялся:

— У вас тут не слишком-то весело.

— Да, — серьёзно ответил Ринат, — не слишком. Именно поэтому я очень хочу отсюда сбежать.

Тапёр растерялся:

— Сбежать? А просто уехать нельзя?

— Уехать? — переспросил Ринат так, как будто эта мысль ни разу не приходила ему в голову.

Он покрутил в руках фигурку танцовщицы, разглядывая. Сделал два точных движения резцом и отставил на верстак, довольный работой. В косых солнечных лучах девушка словно ожила. Лёгкие руки будто потянулись навстречу солнечным пылинкам, спина чуть выгнулась — и статуэтка исчезла. Тапёр тихонько вскрикнул, посмотрел на плотника, но тот сделал вид, что ничего странного не произошло, сказал:

— Мне нужно забирать продукты. Поехали со мной, вам наверняка будет интересно.

— Хорошо, я только возьму куртку.

— Вам не следовало выходить без неё из дома. В Малой Яви всегда недодождь, — и уже тише, словно сам себе, добавил: — Здесь даже погода бывает только недоделанной.

К морскому транспорту Тапёр оказался привычен. Он охотно кивнул на предложение Рината взять вторые вёсла и, сделав несколько мощных гребков, подстроился под нужный ритм. Казалось, движимая силой двух мужчин лодка должна была ласточкой рвануть вперёд, но с ней творилось чёрт-те что. Она то тормозила на ровной глади, то бросалась в сторону, то вдруг ускорялась, словно наконец освободившись от невидимых пут.

— Течения, — объяснил Ринат. — Иногда они представляют большую проблему.

— Похоже, добраться до нужного места будет нелегко? — спросил Тапёр.

— Напротив, очень просто, — плотник улыбнулся. — Главное, оторваться от острова.

Тапёр решил, что ослышался, но переспросить не смог. Лодка уверенно пошла влево, пришлось налечь на весла с другой стороны. Течение было сильным, и на некоторое время стало совсем не до разговоров.

— Уф… — вымученно вздохнул Ринат, когда наконец удалось вернуться на нужный курс.

Он уложил вёсла вдоль борта и с видимым удовольствием откинулся на лавке:

— Теперь станет полегче.

И верно: словно почуяв вину, лодка притихла и легла в мягкий дрейф. Тапёр огляделся по сторонам. Всюду, куда ни глянь, бесцветное небо сливалось с бесцветным морем, как будто лодка находилась внутри капли воды. Стало жутко.

— Хотите, я расскажу вам, где мы берём продукты? — каким-то неуместно-светским тоном поинтересовался Ринат.

Тапёр неопределённо пожал плечами.

— Мы их покупаем.

— У богов? За невинную жертву?

Ринат долго рассматривал Тапёра, словно прикидывая, стоит ли говорить правду. Потом фыркнул:

— Что-то вроде того. Выменяваем у Большого Брата.

— Вы говорили, что лишены связи с внешним миром.

— Связь-то здесь есть, только она работает в одну сторону. Мы можем написать письмо, заклеить конверт, прицепить к нему марку. Когда в адресе будет дописана последняя цифра, письмо исчезнет из этого мира.

— И?

— И воплотится в другом месте. Я не очень понимаю взаимосвязи… О законах физики вам будет лучше поговорить с Бертраном. Но суть проста: письмо воплощается в ближайшем почтовом отделении. Жаль только, что обратно — никак.

Тапёр хотел спросить, какое отношение эта ерунда имеет к цели их путешествия. Но тут из тумана над плечом плотника показалась многометровая тёмная громадина. Тапёр понял: всё это время лодку несло течением. Ещё он понял, что Ринат знал, что они движутся, и знал, куда.

Художник Max Mitenkov

— Нет, — рассмеялся плотник в ответ на незаданный вопрос. — Я знаю только то, что все течения в этой луже несут либо к острову, либо к стене. Она-то нам и нужна.

Стена была длинной скалой, уходящей вверх чёрт знает на сколько — её край терялся где-то в тумане. Через равные промежутки на скале висели корзины. Немного, две или три. Ринат подплыл к первой, встал в лодке в полный рост, дотянулся до неё пальцами и достал хлеб, сыр, молоко. Через несколько метров мужчины нашли ещё одну корзину — с мясом.

— Смотрите, смотрите, — вдруг взволнованно зашептал Ринат, указывая пальцем на стену.

Она начала растворяться, словно потеряла свою материальность, и сквозь неё проступила неожиданная картина: берег моря, усеянный острыми скалами, а вдалеке между ними — маяк. Медленно, словно заржавевшая, линза маяка открылась, отправила световой сигнал в бесконечность и закрылась, не дождавшись ответа.

Тапёр тихо спросил:

— Что это?

— Это? — с горечью переспросил Ринат. — Это свобода, которую у нас с вами отобрали. Это Большая Земля.

Слова спугнули волшебство, и иллюзия растаяла. Перед Тапёром снова была стена, твёрдая и неприятно настоящая.

— Знаете, что происходит в это время в Малой Яви? В это время Бертран заводит напольные часы, — плотник неуклюже вытер пятернёй лицо, словно пытаясь стереть усталость, а вместе с ней — эту стену, эту чёртову лодку и эту опостылевшую, ноющую надежду, добавил: — Давайте выдвигаться, нам нужно успеть вернуться до отлива.

Дорога домой прошла в молчании. Ринат пыхтел трубкой, а Тапёр пытался осознать увиденное. Только один раз он оторвался от своих мыслей и спросил:

— А продукты как? Вы так и не сказали, как выменивaете продукты.

Ринат равнодушно пожал плечами:

— Бертран кого-то консультирует по истории и культуре средневековой Англии. Марина строчит рецепты; она прекрасная повариха. Лёля не делает ничего — она слишком бесполезна для любого занятия.

— А вы?

— А я…. Я знаю одно, что пока исчезают мои фигурки — по субботам в корзинах для меня лежит бутылка портвейна. Стоит мне перестать вырезать — вино пропадает, а наш рацион скудеет.

Больше за весь путь домой никто не проронил ни слова.

***

В реальности, которая состоит из одного острова и четырех человек, жизнь небогата событиями. Поэтому местные склонны к традициям и ритуалам. Из обеда они стараются устроить мероприятие. Марина застилает стол накрахмаленной скатертью, Бертран ловит свежую рыбу и готовит её сам — на мангале, Лёля радует глаз дивными туалетами, а Ринат надевает кирпичного цвета галстук, придающий ему сходство с учёным бобром. Первая часть обеда проходит в относительной тишине — слышен только стук приборов. Как только женщины уносят посуду — ритуал переходит во вторую фазу. Бертран достаёт сигары, а Марина — приносит поднос с графинчиком клюквенной настойки и рюмками.

«Чекушка, — смущенно улыбается она, словно ждёт протестов. — Полезно для пищеварения».

Обычно никто не возражает. Вот и сегодня Бертран взял рюмку первым и передвинул поднос сидящему по правую руку новенькому.

— Как ваш первый день на острове? — спросил он, разглядывая полосатый, не первой свежести шарф.

— Очень познавательно, — кивнул Тапёр. — Я ездил с Ринатом за продуктами. И признаться, получил лёгкий вывих представлений о мироздании.

Послышались смешки. Вниманием и подносом завладела Лёля.

— А вы забавный, — улыбнулась она, опустив ресницы. — На самом деле моё имя — Лиля. Вы понимаете, в честь кого?

Последнее слово она произнесла с придыханием, метнув на Тапёра глубокий, полный недосказанности взгляд.

— В честь Лили Брик, — бесцеремонно вмешалась в разговор Марина, забирая с подноса рюмку и подвигая его Ринату. — Только не вздумайте звать её Лилей. Это имя нагоняет на неё ипохондрию и мысли о самоубийстве.

— Это точно, — отхлебнул Ринат из рюмки и крякнул от удовольствия. — Только она даже для того, чтобы убиться, слишком бестолковая.

И добавил, обращаясь к Бертрану, но избегая встречаться с ним глазами:

— Да, я показывал Тапёру маяк. А что? Он имеет полное право знать, куда попал, тебе не кажется?

— Кажется, — кивнул тот. — И что же вам стало понятно после этой прогулки, милейший?

— Да почти ничего, откровенно говоря, — пожал плечами Тапёр. — Это какая-то аномалия?

— Так давайте я вам расскажу, — заявил Бертран с неожиданным азартом, и Тапёр понял: он гордится своим миром, как собственным ребёнком. В том, что это какой-то странный сумасшедший мир, новенький уже не сомневался. Понимание пришло легко и необратимо, как совращение. То, что ещё вчера казалось невозможным, сегодня представляется единственным разумным.

…Физика совсем проста, — тем временем продолжал воодушевившийся Бертран. — Когда я понял, я едва не прыгал от радости. Малая Явь отстоит от большой реальности в четвёртом измерении — времени. Очевидно, в результате какого-то катаклизма временной поток Малой Яви оторвался от временного потока Большой реальности, и теперь они движутся по схожим, но не одинаковым законам.

— Каким? — спросил Тапёр, с видимым облегчением придвигая к себе вторую рюмку.

— В нашем часе — пятьдесят девять минут! — заявила Лёля, напрочь забыв свои роковые манеры. — А в сутках — тысяча четыреста шестнадцать; на двадцать четыре меньше, чем в Большой реальности!

— Но при этом они не короче, — перебила Марина. — Они точно такого же размера, просто длятся меньше. Понимаете?

Тапёр неуверенно кивнул, беспомощно глядя на Рината. Тот добавил:

— Ну, раньше-то время здесь бежало, как ему заблагорассудится, с минутами — это Бертран придумал. Он большой мастер всё приводить в порядок, наш Бертран.

— Да, — польщённо кивнул тот. — Когда я сюда попал, со временем тут творилось чёрт знает что. Сутки могли длиться минуту, а могли не заканчиваться неделю. Как младенец не может держать головку, так и Малая Явь не могла держать постоянное время. Но она оказалась очень сообразительным миром. Я создал для неё часы, и она меня поняла!

— Вы хотите сказать, что, задавая время на часах, управляете временными координатами мира?

— Ну… — смутился Бертран. — Я только рассчитываю оптимальный поток. Но Малая Явь под него подстраивается. Наверное, понимает, что без моей помощи нежизнеспособна.

Он подошёл к часам и погладил их по дверце как-то нежно и очень интимно. Так, что Тапёру сразу подумалось о гладком женском бедре и почему-то о невольно задравшейся юбке.

— Что будет, если часы остановить?

— Реальность снова потеряется. Начнёт метаться по временной оси, пока не расшибётся в лепешку о Большого Брата.

— Непременно расшибётся?

— Боюсь, надежды на мягкую ассимиляцию нет.

— Но вы же не можете знать наверняка.

Бертран разозлился:

— Милейший, любая перестройка мироустройства затрагивает процессы, далёкие от нашего понимания. Когда я придумал часы, — он сделал акцент на слове «я», — я рисковал, но рисковал только своей жизнью. Вы же предлагаете более грубое вмешательство и ставите под угрозу жизнь ещё нескольких людей. Это как минимум безответственный шаг, на который не пойду никогда!

— Я просто хочу выбраться отсюда.

— Все хотят, — хмыкнула Лёля. — Надо придумать менее рискованный способ.

— Придумаю, — заявил Тапёр. — Пока думаю, может, перекинемся в карты? Как вы относитесь к покеру?

— Отлично, — обрадовался Ринат.

Лёля неуверенно кивнула.

А Марина подумала, что это предложение ей очень сильно не нравится.

***

Ночью дом спал. Под строгим надзором луны не скрипела ни одна половица, не гудели водопроводные трубы, не шелестели по комнатам сквозняки. Тишина — это единственное, что в Яви было абсолютным, готовым и доделанным. А может быть, она, повинуясь общему закону, тоже исчезала, и по ночам в старом каменном доме вместо тишины молчала пустота.

Бесшумно открылась дверь гостиной, и внутрь пробралась высокая худая тень. На цыпочках тень прокралась до середины комнаты и замерла. Стояла, не двигаясь, долго, пока из кресла у окна признанием поражения не донесся едва слышный

вздох.

— Что вы здесь делаете? — спросила тень.

— Жду вас, — прошелестел женский голос из кресла.

— Откуда вы знали, что я приду?

— Не знала, — женщина в кресле переменила положение, и на фоне луны возник точёный профиль: прямой нос, припухшие, будто искусанные, губы.

— Ладно. Вот вы меня дождались. Раздевайтесь.

— Но… я не за этим! Я думала… — судя по голосу, Марина была готова разреветься. — Я думала, у вас будут вопросы… Я только помочь…

— Забавно. В том мире, откуда я свалился, женщины не дежурят ночами, чтобы удовлетворить чьё-то любопытство. Выкладывайте, что вам от меня нужно, или проваливайте. У меня тут дело.

— Вам удалось раздобыть ключ?

Самодовольно улыбаясь, Тапёр запустил руку в карман и вытащил ключ. Тот самый, от механического сердца Малой Яви.

— И вы не музыкант.

И снова довольная улыбка в ответ. Тапёр поднял правую руку, демонстрируя искорёженные пальцы.

— Ошибки молодости. Однажды я самоуверенно решил, что ловкость пальцев — это всё, что нужно для того, чтобы разбогатеть. За самоуверенность поплатился. Предваряя ваше морализаторство: нет, не раскаялся. Только стал осторожнее.

— Понятно. А Бертран всегда был беззащитен перед азартными играми. Его святая вера в статистику и так не слишком разумна, а за одним столом с вами у него и вовсе не было шансов, — Марина вздохнула и продолжила: — Вы всё же собираетесь остановить часы? Вы же можете нас угробить.

— Послушайте, я вам не ваш неудачник Ринат. Я не собираюсь торчать тут вечность, пуская слюни на вид из окна. Если ковчег не делает остановок, то придётся менять курс — надо же как-то покинуть ваш гостеприимный дом.

— Нет, вы всё не так понимаете. Малая Явь — это не ковчег. И не тюрьма… это реанимационная палата. Сюда же добровольно приходят. Вот даже вы. Вы же там, на Большой земле, чего-то не могли решить, верно? Настолько не могли, что вам было проще убежать в иную реальность, чем перебороть свою натуру. Верно?

— Продолжайте, — процедил Тапёр сквозь зубы, и Марина радостно зачастила: — Явь — мир недоделанных. Как в предметах, так и в людях есть изъян. Сбой развития. Ринат — слишком нерешителен. Знаете, он второй год мечтает устроить смену власти, но ни разу не попробовал. А Бертран слишком… математичен, он всегда всё делает по правилам. А это не всегда верно. Иногда успешным оказывается, — Марина помялась, — творческое решение, заведомая ошибка.

— Так что, эти двое будут сидеть здесь, пока не выучат свой урок? Не доделаются, по-вашему?

— Да, и вы тоже. Раз оказались здесь, в Яви, значит чего-то хронически не умеете. Ищите, устраняйте — и катитесь на все четыре стороны. Никто задерживать не станет.

— А устранять как? — тихо спросил Тапёр. — Заявление, что ли, написать: осознал и обязуюсь?

Марина облегчённо выдохнула — поверил. Так же тихо ответила:

— У всех по-разному. Кому-то, чтобы измениться, хватает просто понять себя. Кому-то — надо долго набираться решимости, чтобы переступить какую-то черту. Люди взрослеют по-разному.

Художник Max Mitenkov

— А вы?

— А что «я»?

— Стойте, я понял, из-за чего здесь вы. Ваша Лёля корчит из себя портовую шлюху, а вы, значит, наоборот… не верите мужчинам. — Тапёр вцепился в юбку и подтащил Марину к себе. Зашептал в ухо, оглушая терпким запахом мужского тела: — Хотите, я вас доделаю? Это несложно… Даже приятно.

— Отпустите меня.

Вместо ответа Тапёр погладил девушку по груди. Ехидно улыбнулся, заметив, как напрягся под пальцами сосок, рука обласкала бедро и скользнула выше, под юбку.

— Почему? Это же справедливо. Я доделываю вас, взамен получаю гарантии, что вы не лжёте.

— Какие?

— Ну, скажем, если это всё сказка — завтра утром ваш драгоценный Бертран узнает, какой подарок мне обломился. Вы, как натура холодная, но ответственная, согласны поставить на кон репутацию?

— Нет, — дёрнулась Марина. — Так нельзя. Послушайте, вы же мерзавец, верно? Что вы там всю жизнь — продавали ближних, подставляли невиновных, кидали богатых, верно?

Тапёр ослабил хватку, ответил:

— Как со мной, так и я — ничего нового.

— Ну так вот он, ваш ответ. Вам нужно хоть раз позаботиться о других. Без гарантий и без корысти.

— Так предлагаю же: давайте о вас позабочусь. Вам понравится.

— Невелико доверие, — фыркнула Марина. — Вы ж ничем не рискуете. Нет, нужно сложное решение. Подумайте, мне тоже нелегко доверять вам судьбу острова. Вернее было бы — тяжёлым тупым предметом в висок и закопать. Но нет же, вожусь вот, жду, пока ситуацию осознаете. Поэтому давайте я пойду спать, а вы посидите немного, подумайте: верите мне на слово или не верите. Решите, что верите, оставьте ключ где-нибудь на видном месте, хорошо? Я проснусь, отдам Бертрану.

— А если не решу?

— Тогда мы расшибёмся о временную ось Большой реальности до того, как я проснусь.

— Экая самоотверженность.

— Да нет. Верю, что любому навозному жуку свойственно тянуться к свету, — и добавила уже с порога: — А за предложение ваше спасибо. Но согласиться я не могу. Только после того, как местные повзрослеют. Иначе кто же будет их кормить?

— Сами не справятся?

— Эти недоделанные? Уверена, что нет.

Одёрнула юбку и исчезла. Тапёр только хмыкнул вслед: «Тяжело с бабами».

***

По гостиной медленно тянулся горький масляный запах давленых зерен. Пестик размеренно царапал осколками по дну чашки. В углу на кушетке звонко щебетала Лёля:

— Марин, а почему мы чашки моем, а они не исчезают? Мы же их тщательно моем, верно? Качественно трём снаружи и внутри, чем переводим в ранг абсолютно вымытых чашек. А они всё равно не исчезают…

— Лёля, — Марина вдруг уселась рядом, положила ладошку на Лёлину руку и заглянула в глаза. — Иногда, чтобы переменить жизнь, не хватает простейшего поступка. Вот ты никогда полезной не была — так изменись, сделай правильный поступок — и удивишься, как быстро и резко изменится судьба.

Внизу хлопнула входная дверь, по лестнице раздались быстрые тяжёлые шаги, в комнату вбежал Бертран. Что-то буркнув под нос, он подбежал к часам и шумно выдохнул:

— Ключ! Господи, я думал, что потерял его! Уф, чуть не помер от перепугу.

— Бертран, а, Бертран?

— Что?

— Ты на Большую Землю хочешь?

— А зачем? Тут хорошо: часы, математика, порядок. А там… бардак и азартные игры.

— Вот видишь, — промурлыкала Лёля, насмешливо глядя Марине в глаза, — всё дело в том, что никто не хочет меняться.

Джинн
writercenter.ru/profile/Ginger-snap/whois/
Художник Max Mitenkov (vimark)
vimark.deviantart.com

Приключение для пенсионера

Богданов Борис

Пенсионер Дмитрий Васильевич приключений не любил. «Мне из приключений только и осталось — помереть, — говорил он иногда. — Однако торопиться не буду». Жил он один, расставшись с супругой давным-давно. Детей у них не случилось, но вовсе не это, и не чья-то особенная склочность характера были причиной разрыва. Страсть была виновата, с детства пронесённая тяга Дмитрия Васильевича к фотокамерам. И не то, что был он спец, но, как задело его когда-то таинство появления изображения на пустой до поры бумаге, так и сидело занозой всю жизнь. Некоторые, попробовав пару раз, забрасывают купленную камеру на дальнюю полку, доставая иногда, пощёлкать на день рождения или иной праздник. А Дмитрий Васильевич стал фанатиком.

Он млел от объективов. Его завораживал благородный пурпур просветлённой оптики, глубина и чистота больших, солидных линз. В них хотелось смотреть, заглядывая в черную бесконечность, любоваться движением лепестков диафрагмы. Держа в руках тяжёлый объектив, Дмитрий Васильевич чувствовал — вот вещь!

Жена, пока они еще были вместе, пыталась отвоевать у сохнущих плёнок и фотографий место для стираного белья, но устала. Начавшийся развал страны и сгорающие деньги, бытовая неустроенность, нехватка необходимого и внезапные покупки супругом ненужного вконец измучили её. Однажды Вера Николаевна собралась и исчезла из жизни Дмитрия Васильевича, оставив в нём обиду и недоумение. Когда он понял свои ошибки, исправлять их стало поздно.

Отстрадав и отметавшись, счастливо избежав утешения водкой, Дмитрий Васильевич отдался любимой страсти.

Ванная комната окончательно превратилась в лабораторию.

Квартиру заполнила всякая всячина, хоть чуть близкая фотоделу. Штативы и стойки, импульсные лампы, экраны и ширмы, фотоувеличители и фонари красного света. И, конечно же, множество камер и объективов, старых и не очень, бывших в работе или распакованных единственный раз, сразу после покупки.

Книжные полки, заменив обычную для пожилого и не слишком образованного человека советскую макулатуру, оккупировали фотографические справочники и пособия, некоторые весьма ценные. На антресолях пылились пачки фотобумаг и коробки с реактивами, побуревшие кюветы, колбы и точные химические весы. Любовно собранное богатство, ставшее лишним с наступлением цифровой эры.

Не будучи ретроградом, Дмитрий Васильевич с готовностью окунулся в новые технологии, откладывая из пенсии слесаря-универсала изрядную часть для приобретения компьютера. Здесь его ждала нечаянная радость: техника дешевела быстрее пенсии. Специалисты одной из фирм, впе-

чатлённые его въедливостью, собрали за смешные деньги машину из устаревших, но рабочих частей. Остатки денег ушли на покупку с рук простенькой цифровой зеркалки у капризного профи. После чего Дмитрий Васильевич перестал ругать проклятых капиталистов и демократов, погрузившись в зыбкий мир цветовых моделей, фильтров и слоёв.

Он не пропускал ни одной выставки или лекции. Стал завсегдатаем фотомагазинов. Заходил даже в салоны сотовой связи. Но местом его паломничества стал городской блошиный рынок. Там, среди битых молью шапок, валенок, помятых, позеленевших самоваров и прочего старого и нового барахла встречалось иногда такое!

Его Дмитрий Васильевич увидел издалека. Смолк в ушах шум толпы, сменившись уханьем пульса. Похолодело в животе, сам собой ускорился шаг.

Скромно прикрыв блендой огромный глаз, на несвежей тряпке лежал объектив. Матово-чёрный, странно пузатый, но невыносимо элегантный. Без фирменного знака, незнакомого силуэта, но — замечательный, влекущий, волшебный! Когда Дмитрий Васильевич остановился рядом, руки его дрожали. От названной цены оборвалось в груди, но Дмитрий Васильевич не нашёл сил уйти.

Дальше запомнилось клочками.

Он ловил такси, ехал домой, ни на секунду не отводя глаз от футляра в руках владельца. Потом, вцепившись клещом, таскал его по соседям, занимая денег. Не слыша слов, следил, как живущий в соседнем подъезде грузчик Эдуард яростно ругается с бомжеватым продавцом, сбивая цену, крича и размахивая руками. Подходил кто-то еще из знакомых, Дмитрий Васильевич их не слышал. Потом как отрезало.

Очнулся он дома, куда проводил его Эдуард:

— Слышишь, Васильич, — говорил тот, не в шутку озадаченный, — полгода, никак не больше, меня Виктория съест, если про такие деньги узнает!

— Не беспокойтесь, Эдуард Владимирович, — смог, наконец, сказать Дмитрий Васильевич. — Всё отдам, до последней копейки! И спасибо, вы меня так выручили! Пусть я выгляжу глупо, но это, это такое…

— Ладно, Васильич, — сказал Эдуард уже в дверях, — вижу, ты в порядке вроде. Бывай!

Дмитрий Васильевич остался один. Нет! На столе, в жёстком футляре его ждал будущий друг, собеседник и компаньон. Подумав, пенсионер решил оставить детальное знакомство на потом.

Фото Лобанов Алейксей

Сделав неотложные дела, он стоически отказался от обычного бутерброда с сыром на ужин. Пояс придётся затянуть потуже. Ничего, это только полгода! Засыпал Дмитрий Васильевич плохо, ворочался, включал и выключал ночник и забылся только под утро.

Оно началось казусом: объектив не встал в камеру. Рассудив, что снявши голову, нет смысла переживать, Дмитрий Васильевич занялся переходником. Тридцать лет у станка; и не такое мастерили!

Пошли дни, наполненные заботами и мелким рукоделием. Утро Дмитрий Васильевич проводил на рынке, сбывая то, с чем он мог расстаться без дрожи в руках. Домашняя студия — освещение и арматура — переселилась к одному из знакомых коллекционеров. Не пожелав ловить случай, тот дал верную цену, и Дмитрий Васильевич впервые поверил: унижаться не придётся.

После рынка и лёгкого перекуса Дмитрий Васильевич доставал верные инструменты и пилил, точил, резал и шлифовал. Иногда, отдыхая, он спрашивал себя: почему? Почему так запала ему в душу эта труба с линзами? Стоит ли обладание ею таких усилий и потерь? Да-да, потерь! Исчезавшие из пустеющей квартиры предметы были не просто безделушками, они составили большую часть жизни Дмитрия Васильевича. В конце концов, они вытеснили из его жизни Веру Николаевну, Верочку. Женщину, которую он любил. Которая, он знал, он был уверен, он категорически запретил себе сомневаться, искренне любила его раньше.

На исходе второй недели переходник был готов. Дмитрий Васильевич аккуратно вложил объектив в оправу байонета и медленно повернул. До щелчка. Затем включил камеру — и она ожила, задышала! Мигнули индикаторы, засветился зрачок видоискателя. Как будто сообщила: «Я готова, хозяин».

Наступило лето, непостоянный, черёмуховый май уступил место комариному и тополёвому июню. Каждую свободную минуту Дмитрий Васильевич проводил на пленэре. Наполненный памятниками центр города, столетний, деревянный частный сектор, конечные остановки автобуса — его можно было увидеть везде, куда помогал добраться льготный проездной. Деревья и дома, мостовые и парапеты, дробные струи фонтана и муравьиные тропы на потрескавшемся асфальте — всё заслуживало его внимания.

— Вы понимаете, Александр Викторович, — говорил он, вручая очередную тысячу соседу сверху Семёнову, — всё вроде то же самое, но… какой-то воздух чувствуется, глубина. Если в кадре небо — то это Небо, далёкое и бесконечное, или обожжёное и выцветшее от жары, или грозовое, полное ожиданием дождя… Если вода — то Вода, застывшая, но стремительная. Оно неподвижно, то, что в кадре, но оно живёт, готово сорваться с места, стоит лишь отвернуться. Мне трудно объяснить...

— И не объясняй, туда-сюда без разбега, — обычная присказка Семёнова звучала неуверенно, словно ему было неудобно от поэтических образов Дмитрия Васильевича. — Тебе нравится — и отлично! Будет выставка — пригласи!

Теперь, услышав про выставку, Дмитрий Васильевич уже не улыбался, как полгода назад, понимающе и чуть заискивающе, оценив немудрёную шутку. Сейчас не только знакомые и соратники по домино, но и он сам понимал, что да, его работы, не просто удачные или не очень кадры, а именно работы вполне достойны выставки. Пусть не персональной, пусть в составе — но всё равно. Это радовало и пугало. Есть ремесло, которому Дмитрий Васильевич научился давным-давно. Но: пунктуальное следование схемам не делает тучи — клубящимися, а воду — живой. Это уже искусство, талант, божья искра. Хотя, и это он тоже ясно осознавал, хороший инструмент — часто больше чем полдела. Но тонок этот баланс, и Дмитрий Васильевич оставил сомнения и просто радовался каждому удачному кадру. Исследуя заодно открывшиеся богатые возможности.

Однажды вечером, когда мужики самозабвенно стучали костяшками домино, Дмитрий Васильевич сидел рядом, на скамеечке, лаская кольца объектива. Неожиданно палец его сорвался, и рычажок, служащий, по мнению Дмитрия Васильевича, для красоты, переключился. Под рукой щёлкнуло, и одно из декоративных же колец слегка сдвинулось.

— Рыба! — ноль-ноль с размаху впился в стол, и Семёнов, приосанившись, потребовал: — Запечатлей-ка, Васильевич, туда-сюда без разбега, как я их!

Дмитрий Васильевич не заставил себя ждать, но, поглядев результат, огорченно скривился:

— Нехорошо получилось, Александр Викторович, что-то у меня тут… — и стал прощаться.

— Так всегда, смазал миг победы, — Семёнов сделал грозное выражение лица. — Когда теперь

такого дупеля дождешься… Эх! Мешай, Серёга!

Дома, запершись на ключ, Дмитрий Васильевич вывел на экранчик последний кадр. Нет, ему ничего не привиделось! На фотографии был Семёнов, но не за доминошным столом, а на диване, с незнакомой женщиной. Рукой он обнимал её за талию, в другой была рюмка. На собеседницу Александр смотрел жадно и решительно.

— Чёрт знает что, — сказал Дмитрий Васильевич, стирая снимок, и задумался. А подумать было о чём...

Для понимания потребовались пара дней и много, много снимков.

Модерновое здание одного из социальных фондов прошло на экране обратным ходом все стадии монтажа, образовался котлован, исчез и стал лопуховым, привычным пустырём.

Танк с крестом на броне жирно чадил, двое танкистов, пригибаясь, тащили третьего. Ноги его безвольно волочились по раскрошенной брусчатке.

Церковь, что за проспектом, недавно отреставрированная, потеряла кресты и позолоту. Дмитрий Васильевич помнил, там долго была детская спортивная школа, до этого — склад. Затем кресты появились вновь, но исчезли пятиэтажки вокруг. Теперь это были одноэтажные деревянные дома с палисадами. Пыльная улица несла конные экипажи, крестьянские подводы, спешили пешие разносчики. На одном из кадров эскадрон гусар не спеша уходил за край снимка, за гусарами бежали мальчишки. Ещё был пожар, а потом снова церковь, маленькая, деревянная, потемневшая и скособоченная. Чуть в стороне — кресты занесенных снегом могил.

Гигант пятилеток, знаменитый на весь Союз инструментальный завод, рассыпался деревней. Зато Окунёвка, заключённая ныне в зловонную трубу, побежала вольно между рощиц и полей. Рыбаки, по пояс в воде, тянули бредень. Срытый холм на излучине украсился господским домом. Между колонн портика стоял человек. Он был сердит, крестьяне перед ним мяли в руках шапки, глядя под ноги.

Жизнь проходила перед глазами Дмитрия Васильевича. Никем не записанная, давно позабытая. На минуту ему представилась афиша: «История края глазами фотохудожника». Большой светлый зал, стены и панно с избранными работами. Благосклонное внимание критиков. Стрекот камер и вспышки. Поклонники и почитатели. По-

Фото Ассонов Сергей

читательницы. И вопросы неприметных людей в штатском — откуда? — представились, и воображение нарисовало полутёмный кабинет, свет, бьющий в глаза, табурет, привинченный к полу, захватанный пальцами графин. И цветные, глянцевые фотографии, разложенные веером на столе. Бессильные, влажные от волнения ладони. Нет. Дмитрий Васильевич печально помотал головой. К чему эти страсти? Обычный кабинет, он будет сидеть в мягком кресле, но на самом краешке, стараясь держать спину прямо. Ароматный кофе в тонкой чашечке на столе, большой плоский экран, запущенный в режиме слайд-шоу. По-домашнему распахнутое окно, гудки машин — и вежливый голос человека напротив. Никакой разницы. Руки всё равно будут липкими, а веко дёргать тик…

Дмитрий Васильевич подошёл к зеркалу. Оттуда на него смотрел пожилой (ни в коем случае не старый!) мужчина. С редкими седоватыми волосами, даже не пытавшимися скрыть лысину. Углы рта загнуты книзу, как бы намекая… Да, Дима, дожил ты. Дима, Димочка — так называла его Вера. Верочка — так называл её он. Они были молоды, беззаботны и веселы. Стало очень страшно. Ужас последнего приключения, старательно забываемый, выполз наружу и противно тронул сердце. Помрёшь один, забытый всеми, врачи будут пробегать мимо палаты, молодая медсестра поставит бесполезный укол — и опять давить стон, комкая пальцами серую больничную простыню. А вот раньше…

Он взял камеру и перекинул временное кольцо сразу на двадцать лет назад, когда Вера была ещё рядом. Снимок. Еще пять лет долой. Снимок. И ещё, и ещё…

Вот они дома, Дмитрий Васильевич сидит за столом, уткнулся в какую-то механику. Вера тащит таз, обходя нагромождения. На лице её усталое равнодушие… Нет, такое не пойдет!

Возвращаются из леса, с грибами. С полными корзинами, оживлённо беседуют. Уже лучше…

Есть! Они были на море тогда, под Евпаторией. Деревенька на берегу, возле военного городка. И широченный пустынный пляж, белый с рыжими полосами мелких окаменевших ракушек. Вера на снимке смеётся, поливая его водой. Дмитрий Васильевич, Димочка, закрывается в нарочитом испуге. Как там было здорово! Днём они сидели на пляже или бродили в полосе прибоя, забыв обо всём. Вечерами, после ужина — салат да арбуз, откуда деньги на изыски? — бродили по обширному солончаку. Поддувал ветер, солнце сади-

лось в мелкое евпаторийское море, четыре минуты по часам. Дима пытался поймать шары перекати-поля, куда там! Однажды, когда штормило, дошли до соседнего посёлка с оригинальным именем Штормовой, ели шашлык. Дмитрий Васильевич и сейчас помнит его вкус. Вера скормила ему половину своей порции. «Я — худею!» — заявила непреклонно, пряча в глазах бесинку. На обратном пути они вымазались, как черти, в целебной грязи — и шли так до самого дома, а потом мылись во дворе, обливая друг друга из шланга. Дмитрию Васильевичу, он был первый, досталась тёплая вода, Вера поливала от души, не слушая уговоров. Самой пришлось окатываться холодными остатками. «Ничего, согреешь», — шептала она, и Дмитрий Васильевич отнёс её в дом на руках, влажную, в пупырышках гусиной кожи, жарко обхватившую его за шею.

Всё готово было за полночь. Стопка счастливых моментов совместной жизни лежала перед ним на столе. Выбрав самый радостный отпечаток, Дмитрий Васильевич навёл камеру на Верино лицо и пробежался по времени назад, к сегодняшнему дню. Жизнь Веры Николаевны после разрыва оказалась не слаще, кому нужна разведёнка после сорока? Подсмотрев на разных снимках адрес, так вышло: в кадр попали номера и дома, и квартиры, улица тоже оказалась знакома, Дмитрий Васильевич подготовил пухлый пакет.

Внутрь он вложил письмо из одной строчки: «Прости меня, если сможешь».

Потом выставил шкалу времени в ноль и намертво заклинил рычаг.

Богданов Борис
writercenter.ru/profile/bbg/whois/
Фото Ассонов Сергей
www.photosight.ru/users/221925/
Фото Лобанов Алексей
www.photosight.ru/users/37888/

Leshik Birich

JJJ

Так приятно рождаться снова…
в двадцать два с половиной года
и так странно...
так сладко, ново —
это радость иного рода…
так легко… улыбаюсь в небо,
в потолок, старой, пыльной люстре…
и так странно внутри,
так пусто —
только светлый комочек чувства —
никогда я так счастлив не был.
и все прошлое стерто —
к черту!
бьет ключом,
неземным фонтаном
из аорты,
из свежей раны
это чувство, другого сорта.
так приятно рождаться снова!
не жалеть ни о ком,
не видеть
и не помнить худого слова —
пусть уходят песком
сквозь пальцы,
словно золото отмываю,
в пять утра, с решетом старальца,
у порога земного рая.

Мелиса Мэл

***

Стук дождя в окошко
Манит,
Это тикают часы.
День рождения
И смерти
Скоро встанут на весы.
Бойся, друг мой,
И быстрее
Закрывай свое окно:
Нет у времени
законов,
Беспощадное оно!
Озорное, как
Ребенок:
Тут отнимет, там отдаст,
Но при этом всех
Честнее:
Не обманет, не предаст.
Бьют куранты, плачет
полночь,
Собирайся, в путь пора!
Вот и слились
Воедино
Завтра, нынче и вчера.

Анна Пан

***

Роняет время в пыль мои минуты.
Как много их уже, минут-монет.
Не все они блестят, иные гнуты,
Но ни одной фальшивой точно нет.

Я подбираю каждую монету:
Веселье, грусть, покой и суету…
Рассветы и приветы, и омлеты
В копилку-память бережно кладу.

Когда ж копилку доверху наполню,
Да так, чтоб ни поднять, ни повернуть,
Не глядя, брошу все в морские волны
И, может быть, вернусь когда-нибудь.

Leshik Birich
writercenter.ru/profile/leshik_birich/whois/

Мелиса Мэл
writercenter.ru/profile/Melisa/whois/

Анна Пан
writercenter.ru/profile/panann/whois/

Художница Sophia Michailidou
sophia-m.deviantart.com

Traum Shultz

Я ненавижу часы

Мне слышен шорох часов песочных и скрип заржавленных шестеренок: как время спешно бежит по кочкам, слепым потоком вплетаясь в стены. По тяжким водам бегут рябые — нелепой мелочной дрожью — волны.

Я ненавижу часы. Любые. Хочу покоя. Ищу безмолвье.

Часы — предвестники скорой скорби; их шорох — символ прямой утраты. Уносят близких/родное в торбу и в утешенье оставят даты. И в утешенье оставят ночи — пусть время раны, как пес, залижет.

А шестеренки стучат все четче. Песочный звон за спиною — ближе. Часы отчитываются звонко и по кускам отмеряют воздух, любовь да счастие — порционно: бери, используй… пока не поздно. Бери, беги эстафетой шумной по тропам жизни, не выбирая. Как сумасшедший, как слабоумный — и цепи нет ни конца ни края; лишь за спиною песок с насмешкой из горла узкого — водопадом.

Стекает время по стенам спешно, скрываясь за часовым фасадом.

Я ненавижу песок и стекла, шурупы, числа, резные стрелки.

Над головою, как меч Дамоклов,

часы-подделки.

by Renard

NeAmina

Игры богов

Утро. Дымка. Травы в росах.
Полусонное беззвучье.
Задавать свои вопросы
он давным-давно обучен:
пляска бешеная пальцев
в полудымке утра синей.
Результат манипуляций —
вставший город на равнине.

Только пальцев мановенье —
возникает город старый,
проживающий мгновенье
до подземного удара.
На минуту встав из праха,
жизнь как будто продолжая…
И на мир еще без страха
смотрят ясно горожане…

Он взирает равнодушно —
нет секретов, нет открытий, —
а история послушно
повторяет ход событий.

Истечет песком минута —
капля времени седая,
и возникший ниоткуда
город в землю оседает.
Вновь равнина, травы в росах,
пыль дороги под ногами…

… Кто мы — задавать вопросы
и беседовать с богами?

Армант, Илинар

Времени

Пусть течёт рекою время,
Пусть мольбам оно не внемлет:
«Не спеши…»
Благодарность, не молитвы
Шлю ему за то, что слиты
Две души.

Развести могло дороги.
Не сошлись они у многих —
Не судьба…
Но для нас на миг застыло —
Не прошли друг друга мимо
Мы тогда…

И за опыт, пусть без скидок,
И за каждый вдох и выдох
В унисон,
И за звёзды, и за небо,
И за сказки, пусть и небыль —
Мой поклон.

Мы лишь миг в тебе, как искра,
Но и ты несёшься быстро —
Кто быстрей?
И с тобою, как и каждый,
Попрощаемся однажды
У дверей…

Traum Shultz
writercenter.ru/profile/shiha_ivolnik/whois/
ficbook.net/authors/Traum+Shultz

NeAmina
writercenter.ru/profile/NeAmina/whois/

Армант, Илинар
writercenter.ru/profile/Armant/whois/

Художница Renard
frenchfox.deviantart.com

Ласточкин Ксандр

Мёртвая чайка

Море дары свои щедро выносит
На берег,
Усыпанный галькой и рыбьею костью.
Сегодня вода вымывает озябшую чайку:
Иль коршун, иль стрелы голодных рыбачек
Прибили холодную птицу морскую
К утесам,
Где жизнь провожает забытая Хельга.
И в пальцах промокшее тельце баюкать не станет старуха,
Уложит на вечные камни,
Чтоб ветер скорее рассыпал хрустящие кости…
Тревожные знаки.
Не раз и не два обернется старуха-знахарка.
Не вздрогнет.
Быть может, припомнит,
Как море сносило избушку, как плавником обещало удачу,
Как солнцем дарило нечастым и даже холодным…
Как билось о скалы когда-то столь юное сердце.
Галькой шурша под подолом изношенной юбки,
Хельга пройдет по искромсанной ткани прибоя,
Видит:
У дома уж ждет ее дева, волосы вьются, дитя на руках…
— Заболел он. Дашь ли, хозяйка, отвара чудного?
— Отчего же не дать, проходи, коли мглы не боишься.
Хельга скрывается в тени от низенькой крыши,
Шепчет над травами, машет увязанной костью
Зверя морского над чаном с шипящим отваром.
— Правда ли, бабушка, то, что ты вечная ведьма?
Правда ли,
Что ты огнями манишь
И туманом

Ты моряков наших храбрых
От горя уводишь?
— Правда ли? Даже не знаю. Я ведь всего лишь живу
возле берега моря.
Пусть твой мальш выпьет несколько капель.
Завтра еще,
Ну а после — как боги положат.
Задержится дева в дверях, глядя в страшные волны:
— Хельга, скажи, ты ведь тоже
Ждешь, что однажды твой конунг вернется?
Ты же однажды наряд подвенечный надела,
Да только никто не вернулся на ласковый берег…
— Мало ли что порасскажут на рынке рыбачки!
Верить ли — дело твое, но тебе расскажу я.
Он приходил и просил, а однажды умчался
Сквозь золотистые, в солнце зовущие волны.
Звали его чьи-то люди за берегом дальним,
Верили люди, что он может что-то исправить…
Рюрик мой гордым был, нервным и жадным —
Пообещал, что вернется, да видно…
— Прости меня, Хельга, что горе твое я не знала.
Идем ко мне в дом, будешь вечно любимою гостьей!
— Нет, я дождусь, ведь я здесь же его повстречала…
Дева уходит, уносит с собою ребенка и тяжкое сердце.

Море дары свои прячет в пучинах глубоких,
Небо тяжелым железом нависло — и некому рушить.
Конунг в далекой земле под землею и властью.
Хельга же любит в рассветной тиши
Видеть новые знаки
Да песни древние петь.

Ласточкин Ксандр
writercenter.ru/profile/lastochkin/whois/

Рассказ занял 1-е место на конкурсе "LevelUp-2013"

Фундаментальный закон

Samuel Haruspex Damey

Magna est veritas et praevalēbit*

Ведьма вошла в город ранним утром.

Она пришла с востока; солнце поднималось за ее спиной, и против света ведьма казалась светящимся ангелом с ореолом в рыжих волосах. Она была боса, одета по-деревенски просто и безыскусно: дешевая домотканая ткань свободной сорочки и нитка деревянных бус на шее. Ее назвали бы оборванкой, если бы с первого взгляда не было ясно, что она — ведьма. За ней шли запахи свежескошенной травы и луговых цветов, под ее ногами в грязи каменной мостовой поднимали головки цветы звездочника и стрелки пырея.

Тем временем город просыпался. Тяжелая жара июля только собиралась, копила силы, чтобы после утренней службы в костеле святой Эльжбеты ударить раскаленным кулаком по городу, спрятать все живое в дома и воцариться на площадях и в переулках. Колодцы высыхали, река, протекающая через город, обмелела, и рыбаки даром забрасывали удочки в ее мутные воды. Казалось, жара была на руку только крысам: их долгие вереницы по утрам и вечерам вышагивали по сухим водостокам, и отовсюду слышался противный писк. Епископ каждодневно призывал народ к покаянию, но толпы верующих в церквях не могли остудить жару, и синее небо с раскаленным шаром солнца словно насмехалось над городом.

Ведьма пришла в город из деревень, и все равно от нее не пахло выгоревшими лугами и сухой травой. Крошечные деревни вокруг города умирали — а она несла с собой ароматы росяных лугов и распустившихся цветов, словно насмехаясь над жалкими поселениями людей. Но город не обращал на нее внимания: он буднично готовился к началу нового дня. То тут, то там открывались

by Marcelo Vignali

окна, и хозяйки выливали помои в тесные переулки. Чуть дальше, в торговом квартале, первые лавочники открывали свои тесные конурки и вытаскивали на свет божий столы; другие же деловито тащили на маленьких тачках товар. И те, и другие спешили разложиться побыстрее, стараясь до конца службы в костеле продать побольше товара. Они удивленно поворачивали голову вслед ведьме, пришедшей с полей, но тут же, словно позабыв, что видели, продолжали заниматься своими делами.

Ведьма все шла, и вслед за ней поднималась дорожка луговых трав. Она свернула с торговых улиц в переулки университетского квартала, где в тесных лачугах ютились студиозусы; большинство из них всегда было босо и голодно, но с пучком перьев за ухом. В это ранее время они спали — до утренней оставался еще час. Ведьма дошла до университета и свернула в очередную тесную улочку. Тут, совсем близко от темной громады университета, жили профессора. Большинство из них занималось богоугодной теологией или философией, день за днем пытаясь вбить в пустые головы студиозусов уговорами или розгой хоть какие-то знания. Чуть дальше от университета жили учителя латинского и арифметики, а в квартале от них, у самой мутной реки — алхимики.

Среди их лачуг ведьма остановилась. Под ее ногами поднималась, расцветала и тут же вяла трава. Ведьма словно искала что-то, словно слепая, но с острым нюхом гончая брала едва заметный только ей след. Потом пошла дальше, но медленно, осматриваясь на каждом шагу.

Улица алхимиков была грязной и нищей; тесной, темной, с нависающими над дорогой серыми каменными домами с провалами окон. Вместо мостовой — засохшая грязь, вместо солнечного света — густая тень в закоулках и высохший плющ на стенах.

Перед одним домом она остановилась. Замерла, вслушиваясь в утреннюю тишину города. А потом ступила на порог. Под ее пальцами замок рассыпался ржавчиной, запор — истлел трухой. Ведьма толкнула дверь, которая тут же проросла веточкой дуба, и вошла в затхлую темноту дома. Ее не остановили знаки и письмена на внутренней стороне косяка, нарисованные кровью умершего ягненка; она не знала их, и бог этих людей не имел власти над ней. Под ее ногами пол давал почки, которые тут же трескались, выпуская нежную листву.

На кухне на нее зашипел кот; казалось, ему одному в этом городе есть дело до ведьмы, так бесцеремонно ворвавшейся в чужой дом. Черная шерсть поднялась дыбом, уши прижались к голове — но не более. Ведьма цыкнула на него, и кот послушно убрался с дороги, бросив напоследок полный презрения и весенней зелени взгляд. Она же поднялась по лестнице. Под ее пальцами перила обвивал плющ, а ступеньки боялись скрипеть, словно знали, кто по ним ступает.

Ведьма вошла в крошечную лабораторию. Пентаграмма, нарисованная над дверью, не причинила ей вреда. Четыре имени Бога пропустили ее внутрь. Изрисованный мелом пол не обжигал босые ноги. Она стояла на печати какого-то неведомого ей демона, и никакие силы Ада не показывались, как того следовало ожидать.

Алхимик, склонившийся над кальцинатором, поднял взгляд на гостью. Поднял — и тут же опустил назад, к блестящей лужице расплавленного металла. Жар от кальцинатора отбрасывал красные блики на его лицо, отсвечивал в голубых глазах адским пламенем, зажигал льняные волосы рыжим.

Ведьма подошла и обняла его. Ее глаза, полные зелени лугов, вбирали в себя алые отблески углей — и становились желтыми, как у кошки. Тонкие пальцы сплелись в замок, а волна рыжих волос окатила его плечи.

— Ты пришла, — сказал он. — Я же просил: не приходи больше. Город волнуется… Если меня обвинят в ереси, то герцог вряд ли спасет от преследования.

— Мне не нравится герцог, — прошептала ведьма. — Он ходит по утрам в церковь, а вечером — к любовнице. Ты ему веришь?

— Он дает мне деньги.

Потом они молчали. Жар от кальцинатора и жара города смешивались, проступали потом, прилепляя сорочку алхимика к телу. Ведьма пропускала золотые волосы алхимика меж пальцев и напевала что-то древнее, бессловесное, но страшное и могучее себе под нос, словно какую детскую песенку. Звуки ее голоса сплетались с треском углей, и металл в тигле менял свой цвет, покрываясь то радужной пленкой, то белой. Алхимик ворчал что-то себе под нос, но больше не говорил ни слова ведьме.

Когда часы на ратуше начали бить полдень, ведьма поднялась.

— Вчера вечером в город приехали люди, —

Художница Лев Елена

сказала она, и огонь вспыхивал в такт ее словам. — Пятеро Псов в белом и черном.

— Доминиканцы, — ответил алхимик.

— Ты знаешь, что это значит?

— Что лучше тебе не приходить сюда больше.

Ведьма засмеялась, и последний протяжный удар колокола в университетской часовне, вторящий часам на ратуше, разбил ее тело на тысячу полевых цветков. Они упали на пол, осыпались кучей и истлели до того, как алхимик оглянулся.

После обеда, несмотря на жару, несмотря на пылающее в зените солнце, городом расползлись слухи. До вечера, душной пеленой накрывшего город, все уже знали, что приехали доминиканцы. Их вызвал епископ, уставший от жары, утренних и вечерних служб, от слухов и домыслов доносчиков. И то, что псам Господним выделили отдельный дом «для содеяния службы их» четко указывало на то, что в город пришла Святая Инквизиция.

Самого главного из доминиканцев звали братом Жаном. Его сухое обветренное лицо с тонким длинным носом и колючими глазами выдавало в нем человека резкого. Его голос, надтреснутый и высокий, раздавался под сводами костела во время проповеди, относился эхом в боковые нефы и разбивался о колонны. Слова же его, сухие, как и он сам, падали в души стоящих людей, порождая едва ли не первобытный страх, потому что говорил он о том, что должно тревожить доброго христианина первым делом — о душе. Он рассказывал о Рае, Аде и населяющих его демонах и о проделках нечистой силы, четко, кратко выплевывая слова.

Люди слушали. Жара нарастала, раскаляла камни церкви, и легкий сквозняк больше не приносил прохлады. Когда брат Жан закончил говорить, когда закончилась служба, люди выходили из костела тихо, словно ветер выносил во двор пыль и пепел.

Через неделю запылал первый костер.

Алхимик видел первую ведьму: семнадцатилетнюю девчонку, тощую, изможденную, с безумным взглядом смотрящую в толпу, когда ее привязывали после проповеди на площади. Она все порывалась что-то сказать, что-то крикнуть — вот только было некому. Невольные палачи прятали от нее глаза — но делали свое дело под колючим взглядом брата Жана, а толпа — толпа ее не услышала бы. Ее и до того считали ведьмой, но только теперь твердо знали — жара и засуха пришли из-за нее.

Все туже сжималось кольцо зрителей вокруг костра, все сильнее пробирал интерес к редкому в этих краях зрелищу. Под палящим солнцем, в дрожащих потоках воздуха женщины слизывали пот с губ и вытягивали шеи, а мужчины жарко обсуждали предстоящее зрелище.

Брат Жан взобрался на охапки хвороста и о чем-то долго толковал с ведьмой, указывая то на распятье, то на библию — в тени дома, где сидел алхимик, почти ничего не было слышно. Он смотрел на странную пару у столба — и думал о чем-то своем, до боли в пальцах сжимая толстую книгу Бэкона. На камзоле проступали пятна пота — но алхимик не мог заставить себя пойти туда, в раскаленный ад солнцепека, чтобы вблизи насладиться зрелищем аутодафе, и только слушал тревожный гомон толпы.

Ведьма проросла зеленой травой и желтыми цветочками утиных лапок из мостовой, когда языки огня лизнули сухой хворост у ног девчонки. Облокотилась на алхимика, обдала запахами лугов. Стоящие рядом оглянулись и тут же отвернулись равнодушно — аутодафе было для них куда интересней.

Огонь быстро вцепился в сухой хворост, и толпа отпрянула от жара и искр. Брат Жан стоял неподалеку, всматриваясь в людей — словно высматривал еще одну ведьму, цепко, заглядывая прямо в душу.

Девчонка закричала почти сразу, с первым поцелуем пламени. Огонь лизнул ее пятки раз-второй — и ухватился за серую ткань платья. Толпа отступила еще на шаг, спасаясь от запаха горелого мяса. Алхимик чувствовал, как пальцы стоящей за спиной ведьмы впиваются в его плечо. Крик словно пробудил брата Жана от дикой грезы в раскаленный полдень — он оглянулся на привязанную девчонку, а потом махнул двум другим доминиканцам. В воздухе на секунду повисли две дуги воды — и ведьму у столба окутало клубами пара, заволакивая ее, глуша отчаянный крик.

— Тушат огонь? Они отменили приговор? — спросил алхимик.

— Нет… — голос ведьмы таял в воздухе, слова повисали между ней и алхимиком. — Костер горит слишком быстро. Нельзя позволить ей умереть так легко — иначе sermo generalis будет неполной…

Дым из серого стал черным, столбом поднима-

ясь в небо, вознося запахи горелого мяса и крики девчонки. Толпа волновалась, жара подхлестывала чувства, и почтенные горожанки падали в обмороки. Многие закрывали нос, и брат Жан неодобрительно хмурился. Он не кричал, стоял статуей и взирал на людей — и каждому казалось, что он смотрит именно на него.

— Она была ведьмой? — снова спросил алхимик. Ведьма засмеялась, тонко, звонко, переливисто — но никто не обернулся на озорной смех, который был так не к месту в напряжении толпы.

— Она просто не обращала внимания на то, что творилось вокруг. Любая вроде нее сбежала бы в леса, подальше от города и Псов — но она предпочитала, как и один золотой мальчишка, не замечать…

Алхимик молчал. Только сильнее сжал толстую книгу Бэкона, Удивительного доктора. Но ведьма, в чьих глазах плясало пламя костра, обвила его плечи, и пальцы, тонкие, изящные, сплелись у него на груди.

— Пошли со мной, мой золотой мальчишка… Пошли прочь отсюда. Солнце мое, свет земной… Тебе здесь опасно. Слушай время, следи за изменениями — увидь то, что вижу я.

— Меня защищает герцог.

Ведьма посмотрела на толстого герцога, восседающего в тени навеса на возвышении, недовольного, обрюзгшего и некрасивого. Он щурил глаза, когда слабый ветер относил дым в его сторону. Сидящий рядом с ним епископ дремал в кресле, свесив голову. Ему было скучно.

— Мой золотой мальчишка…

И растаяла, рассыпалась травой и водой, окатив алхимика ледяными брызгами. Там, где она стояла, на стене зазеленел плющ, и робкие одуванчики подняли желтые головки навстречу костру.

Когда в городе запылало еще два костра святой Инквизиции, герцог пришел к алхимику домой.

В то время в городе не осталось ни одной кошки, ни одной пособницы дьявола, будь она рыжей или черной — и крысы вышагивали в тени домов, пищали и множились, и всюду можно было заметить долгий тонкий хвост. Река обмелела, рыба всплывала кверху пузом, и по вечерам берега окутывались запахами гнили и разложения. Бедняки, живущие по обе стороны реки, умирали, и тела сбрасывали в долгие ямы на кладбище под заунывную отходную брата Антония.

Карета едва протиснулась в проулок над рекой и, тяжело качаясь, скрипя и громыхая на засохшей грязи, подкатила к дому алхимика. Лоснящиеся на жаре лошади и герцогская корона на дверцах — и улица замерла. Жара заставила голоса звучать тише, но грохот колес словно стер все звуки.

Герцог, тяжело отдуваясь и сипя, вылез из кареты. Красное лицо и пот, черная одежда и белый платок в руке, роскошь и страдания. Он поморщился, но молчал, словно боялся этих угрюмых домов, черных провалов теней и шелеста крысиных лап. И следом за герцогом — черное и белое, четки на поясе и гладко выбритая тонзура. Доминиканец, еще юноша, но уже с огнем истинной веры в глазах и пламенными речами на языке.

Тяжелые удары — как в крышку гроба.

— Уж не умер ли ваш алхимик? — спросил доминиканец

Но дверь заскрипела, и алхимик щурился на яркий для него после ночи тусклый свет раскаленного горнила над головой.

— Pax vobiscum*, — сказал доминиканец. — Я брат Курций.

Алхимик посмотрел на него, на тонзуру, ловящую отблеск солнечного луча, и на герцога, хмуро отирающего потное лицо — и угрюмо растаял в темноте дома. Из тени донеслось устало «Et cum spiritu tuo»*, словно ему безразличны гости, словно визит только досадил ему. И герцог с маленьким доминиканцем двинулись за ним в лабораторию, полную дорогих стеклянных сосудов и толстых книг, бутылочек с разными снадобьями и растворителями, и трав, и порошков, и запаха пыли и водки.

Герцог сел на стул и снова вытер красное потное лицо. В лаборатории было еще жарче, чем на дворе. Тут день и ночь пылала печь, и раскаленный тигель сейчас светился кроваво-красным, а жидкость в нем — ясно-желтым. Она вздрогнула от тяжелой поступи сиятельного гостя, переливаясь, колышась, словно вот-вот выпрыгнет, разливаясь по полу золотом.

— Золото? Что-то совсем не похоже.

Алхимик пожал плечами в ответ. Он устал от долгих объяснений, от жары и неудач, от назойливого внимания герцога и тихого пытливого взгляда маленького доминиканца.

— Цитринас*, — сказал тот. — Верно? Великие алхимики говорят об этой стадии…

— Мне без разницы, — герцог снова и снова

вытирал красное лицо платком, снова и снова сипел и хрипел, отдувался и закатывал глаза. — Уже прошло три месяца! Три месяца! Рудники на севере истощились вконец…

— Дайте я вам объясню, как обстоит дело, — и алхимик наклонился к герцогу, снова и снова толкуя о процессах и превращениях, о реагентах, луне и Сатурне, о солях и фазах лун. Он говорил долго, забыв о доминиканце, забыв обо всем, кроме герцога и его толстого кошелька. Философский камень — это только одна из возможностей, объяснял снова и снова он, но герцог уже давно перестал его слушать, в раскаленной духоте лаборатории мечтая о прохладе.

А маленький брат Курций тем временем рассматривал корешки книг, водил пальцем по дверному косяку, по буквам неизвестных ему письмен, рассматривал меловые дорожки на полу, нюхал жидкости и растирал травы пальцами. Алхимик изредка посылал в его сторону встревоженный взгляд, но наивная улыбка доминиканца стирала все страхи и сомнения, оставляя только страх остаться без денег герцога. И брат Курций листал записки и книги, ловил зрачками отблески пламени и снова и снова улыбался, словно извиняясь.

— Мне нужен результат! — кричал герцог, и алхимик снова забывал о доминиканце. — Мне нужно золото! Вот они, — и толстый палец тыкал в сторону брата Курция, — работают! У них нет свободных камер! Они ловят ведьму! А ты?

От его слов золотая жидкость покрывалась черным, словно пугалась, словно боялась злобы герцога и равнодушной усталости алхимика. И брат Курций качал головой и цокал языком, сокрушаясь о такой растрате.

Ведьма пришла на рассвете, и пол снова прорастал под ее ногами ветками клена и дуба, и снова алхимика окутывал запах свежескошенной травы. Пальцы сплетались, путались в волосах алхимика и рассыпались мелкими цветочками утиных лапок под ее тихий смех.

— Я же говорил, чтобы ты не приходила больше.

— Мой золотой мальчишка… Ты слишком жесток.

Алхимик пожимал плечами.

— Ты ведьма, — говорил он. — Вместо тебя доминиканцы жгут на площади совсем невинных девиц. Не проходит и недели без костра.

И ведьма смеялась и шептала ему жарко и таинственно, что нет, ей и самой тяжело, и не она виновата в засухе. И вновь и вновь повторяла:

— Пошли со мной, золотой мальчишка. Покинь тесные стены твоей конуры. Тебя не поймут. Эликсир не спасет их души: мелкие, жалкие, жадные, напуганные смертью, одурманенные горячим воздухом и иссушенные жарой. Пошли со мной — ведь я не могу забрать тебя.

Но он упрямо мотал головой, сбрасывал ее тонкие руки с плеч и смотрел в тигель.

— Если не ты — то я спасу город. Камень вот-вот перейдет из стадии цитринас в стадию рубедо… И тогда не только герцог получит прибыль — весь город будет спасен.

Ведьма смеялась над его наивностью, над твердым решением и пела песни, сплетенные из старых времен, знаков и символов, запутавшиеся в секретах и тайнах, и змеи сворачивались в глубинах их смыслов знаком уравнения. Она пела, но он не слушал, смотрел упрямо в тигель, в желтую жидкость, которая снова и снова чернела.

Псы пришли, когда над городом уже неделю каждый день вились черные столбы от костров на главной площади.

Люди словно сошли с ума: от жары и страха, от отчаяния и смерти, вместе с солнцем жарко дышащей на город. Трибунал работал день и ночь, из темных подвалов круглые сутки напролет слышались крики боли, и доносчики разносили по домам гроши и покой — их семью обойдет страх и порицание. Город тонул в нечистотах, кутался в ароматы разложения, шелестел крысиными лапками и замирал в обеденные часы в тревожном ожидании.

Деревья желтели, и желтели лица горожан. Каждый с тревогой смотрел на соседа — не черт ли? Не ведьма ли? Не слишком подозрительны они? И жара вытворяла странные вещи: в раскаленном Аду все чаще замечали в тени рожки черта, и у женщин через дорогу все чаще глаза сверкали желтым колдовским пламенем. Люди крестились и поминали имя Господне, но жара не уходила.

Епископ неистовствовал: город оказался полон колдовских тварей и ведьм, полон крыс и болезней. Доминиканцы все чаще отказывались склонять перед ним голову, и он подозревал, что брат Жан втайне считал, что он, епископ, слишком долго медлил, слишком долго оттягивал с письмом

и тем способствовал распространению нечисти в городе.

Они пришли, когда алхимик писал письма в далекие края, куда они часто доходили с опозданием на недели, а то и пропадали, терялись и оставались непрочитанными. Вязь почерка вилась бесконечной кривой, путалась в мыслях и словах, которые тяжело было прикрепить пером к пергаменту, пригвоздить и отправить. Тяжелая капля чернил то и дело срывалась с расщепленного кончика, расползалась на словах, усталостью и бессонными ночами в голове глуша остатки сознания.

Алхимик то и дело брался за ножик, то и дело замирал — и думал, над словами и идеями, которые не давали ему покоя. Он испробовал все, все, что знал, умел и смог выучить. Но все равно ничего не получалось, и желтое чернело, зеленело, белело, но упрямо отказывалось переходить в стадию рубедо. Ни пост, ни молитвы, ни фазы луны и положение звезд, ни демоны, которые упрямо отказывались приходить, ни кровь животных и людей — ничто не помогало.

Оставалось одно: написать старым знакомым по студенческой скамье и учителям, друзьям и таким же алхимикам. Но письма будут долго идти… Недели.

Они пришли, когда солнце поднялось в зенит, когда в небо взметнулись столбы дыма, когда жара пригнула город и воздух дрожал полуденным маревом, вытворяя чудеса. Они пришли и кричали страшные слова, они схватили алхимика и потащили его в дом, из подвалов которого каждый день доносились крики, где богател палач и где братья-доминиканцы задавали вопросы и слушали ответы.

За ними пришли другие люди, которые забрали письма и записки, дневники и черновики, которые нашли тело той женщины в подвале, чья кровь оказалась совсем негодной, и склад солей и ядов. Все это они забрали с собой и больше не возвращались.

И в самом конце, когда небо окрасилось алым и желтым, в лабораторию пришли перепуганные соседи. Они крестились и жгли все, что могли. В камине, в гнезде из разбитых склянок и горшков, тлели страницы дорогого издания Бэкона и листы книг Альбера Великого. Пламя окрашивалось адским зеленым и синим, и комната наполнялась запахом серы — и суеверные люди, которые пришли уничтожить гнездо волшебства, крестились и продолжали бросать в камин остатки колдовских принадлежностей. Туда же отправились записки и самого алхимика — и пламя с благодарностью приняло эту пищу, выкатившись из каменного ложа и лизнув тяжелые портьеры. Они вспыхнули в

Фото Дмитрий Агеев

мгновение — и огонь расцвел красными цветами на тяжелом бархате, потянулся к деревянному потолку, перепрыгнул на заляпанные растворителями полки веселыми языками.

Дом загорелся в считанные минуты — люди едва успевали выбегать из него. Пламя с интересом выглядывало в окна, нерешительно тянулось к домам напротив и тут же убиралось в раскаленный Ад внутри. А потом подоспели соседи с лопатами, ведрами, отчаянием и страхом огня в глазах — и принялись тушить. Пожар гудел, взмывал в небо длинными языками пламени, но до других домов не дотягивался. Мелкая речушка отдавала воду с неохотой, ведра скребли по дну, зачерпывая муть, и пар окутывал людей.

Когда все закончилось, от дома остались только черная скорлупа стен и труба, тянущаяся к небу вместе с пылающими на площади кострами.

Они не слушали ответов.

Очередь алхимика подошла после молочницы, дородной, толстой, лоснящейся здоровьем даже после месяца жары. Она упорствовала недолго: раскаяние и слезы, всхлипы и снова раскаяние, и палач был доволен — в эти дни у него было много работы.

У них было все, что надо: записки с признаниями, тома Лемегетона*, труп; этого было достаточно. Брат Антоний, усталый, потный и пыльный после чтения отходных на кладбище, приходил и задавал вопросы. Ответы скачущей готической вязью ложились на пергамент, и доминиканец от рвения прикусывал язык, время от времени отирая пот. Палач скучал в сторонке, и брат Жан недовольно качал головой, смотря на его праздность. Алхимик рассказывал правду — потому что врать перед лицом служителей было ни к чему. Они все видели, и оставалось только связать увиденное словами и правдой в крепкую ткань бытия.

К исходу ночи правда закончилась вместе с надеждой. Заскрипели вороты дыбы, зашипело раскаленное железо на коже, и брат Жан больше не качал головой, вместо этого жадно вслушиваясь в крики и признания. Когда алхимик потерял сознание, он только с сожалением цыкнул языком на палача — и ушел наверх, к герцогу, передавать дело в долгие, жадные и сильные руки светской власти* с десятком других приговоров.

Ведьма проросла из влажной земли в темноту подвала бледными цветками асфодели и сонным маком, маттиолой и вечерницей, и тысячей трав, мхом расползлась по стене и легким ароматом смешалась с его дыханием.

— Мой золотой мальчишка…

Алхимик открыл глаза.

— Не ушел, остался… На что же ты надеялся, мой золотой, солнечный мальчишка?

— На герцога.

Слова упали, разбились о каменный пол, растеклись в тишине горькой правдой и разбитой надеждой.

— Герцог покаялся, — сказала ведьма, — и отрекся от еретических помыслов… Угадай, какой ценой? Вчера на службе он преподнес собору бесценный дар: золотую чашу, в которой хранится фаланга пальца апостола Павла, а вместе с ней два серебряных подсвечника и сто локтей тончайшего сукна, и в его доме весь вечер гостили Псы. Ах, золотой мой мальчишка…

И тонкие пальцы путались в волосах, смешивалось дыхание, и слова, горькие, злые, сплетались в песню, старую, как и сам мир.

— Нельзя ничего получить из пустоты, из ничего, — шептала ведьма, и слезы с росой стекали и капали на пол, там, где бледные цветки прорастали и тут же вяли. — Для того, чтобы что-то получить, надо что-то отдать, и хорошо, если не больше, если обмен равноценный…

— Но они…

— Вранье! — смеялась в темноте ведьма. — Вранье и ложь, и тем они горше, что сотни дураков верят в это, не замечая правды, пытаясь уподобиться своему богу, бездонной бочке созидающей силы! И Эликсир — всего лишь выдумка, сказка, золотая погремушка в конце неверного пути. Ты должен был сам понять это…

— Молчи! — кричал алхимик в бреду, пока ведьма рассказывала ему о потоках жизни, о круговоротах превращений и изменений, о вечности и конечности существования. — Это ты должна была сгореть!

— Молчи! — умолял он, проваливаясь в сон, когда солнце золотило острые верхушки костела, и брат Курций, маленький доминиканец, с тревогой заглядывал в тесную комнатушку, где стоял запах свежей травы и ночных цветов, и крестился.

— Обещай, что позовешь меня, — шептала ведьма алхимику, — мой золотой мальчишка… Обещай, что если решишь…

Алхимик кричал, маленький доминиканец крестился, и ведьма все шептала и шептала страшные

тайны мироздания, пока не рассыпалась травой и росой, когда брат Жан вернулся.

Город ждал огня.

Перед тем брат Жан долго рассказывал о покаянии, долго что-то читал, бросал слова во вспаханное поле жадно внимающей толпы, и герцог кивал, соглашаясь. Он прятал глаза от алхимика, жадно улыбался епископу и маленькому доминиканцу, и толстые пальцы сжимали трость так, что пальцы белели.

Пот заливал глаза алхимика, стекал под тканью колпака, забирался за ворот робы, и глаза невыносимо слепило от желтого круга солнца. Веревки и столб, и охапки хвороста под ногами. Надрывный голос брата Жана резал уши, и на большее уже не хватало измученного допросами внимания, нанизанного на нитку резких вскриков доминиканца.

Толпа сжимала кольцо, подбиралась ближе — охочие до зрелищ женщины и мужчины. И ни одного друга или знакомого: они бежали, спасаясь от преследования, от инквизиции, от допросов и пыток. Уехал аптекарь, уехала травница, и даже старый библиотекарь — и тот покинул раскаленный город, измученный жарой и видениями.

Брат Жан взобрался на хворост и долго говорил с алхимиком, но тот только мотал головой в ответ, и герцог неодобрительно хмурился, и его трость выписывала тайные письмена на покрытом ковром дощатом настиле.

А потом — долгая служба и жадные взгляды толпы, и солнце, лишающее сил и сознания.

— Каешься?

Алхимик снова и снова мотал головой — потому что больше ничего у него не осталось: ни правды, ни раскаяния, ни жалости, — смотрел на солнце и ждал — неизвестно чего.

Как и в тот раз, костер вспыхнул сразу, и желтые языки огня принялись взбираться все выше и выше по тонким сучкам. Два доминиканца, два Пса, стояли с ведрами воды, чтобы по знаку брата Жана притушить огонь, укротить пламя, так некстати решившее отпустить душу колдуна без должного очищения. И когда пламя окружило алхимика со всех сторон, когда дым, тяжелый, едкий, окутал его с ног до головы, когда ласковое пламя лизнуло его ноги, он крикнул что-то в небо, захлебываясь жаром. И огонь затрещал сильнее, поднялся факелом в небо, воя и гудя, и Псы уже ничего не могли поделать с ним.

Ведьма горела, и рыжие волосы трещали, в глазах плясало пламя, и изо рта выглядывали робко язычки огня. Желтые и красные искры окружали ее ураганом, когда она смеялась, сгорая, превращаясь в пепел и вновь и вновь возрождаясь. Алхимик что-то закричал снова, когда из него начал прорастать огонь, и когда пальцы его сомкнулись на ее запястьях.

— Обмен! — кричала она в ответ и смеялась, и голос ее сливался с воем огня. — Да, да, обмен равноценный!

И город вспыхнул. Он загорелся, казалось, со всех концов одновременно, и столбы дыма не час и не два тянулись к безмятежному небу с тонкой окантовкой смыкающегося кольца туч. Высохший город был лакомой пищей для огня, и он жрал все, ворчал, трещал, гудел в тон костру на главной площади и оставлял за собой стены, как скорлупу от выеденного яйца. Он грыз торговые кварталы и лачуги у реки, дом сиятельного герцога и костел — и все с одинаковым аппетитом, прорастая из окон черным дымом и цветками пламени.

Когда, казалось, городу вот-вот придет конец, тучи, так долго собиравшиеся, так долго стягивавшие все свои силы, обрушились на землю проливным дождем, и улицы окутались паром.

От костра не осталось ничего: пламя сожрало все, что могло, и даже столб — и тот под дождем рассыпался пеплом, который потоки унесли в реку.

Вода смыла наваждение с города, унесла с собой горячечный бред разума, чертей в углах и ведьм, страх и испуг, оставив только заброшенное

в благодатную землю щедрой рукой брата Жана зерно — до лучших времен, когда оно взойдет и даст новый урожай из костров и обвинений, доносов и страха. Псы покинули город через неделю, зябко прячась от непрекращающегося ливня, гуськом, низко склонив голову. Их работа закончилась, и новый город ждал очищения.

Ведьма снова и снова прорастала из мостовой тонкими стрелками пырея и ромашкой, утиными лапками и горькой полынью, золотилась на полях рожью и рассыпалась бусинами оливок, копила силы и дремала до того момента, когда улицами города снова пройдет золотой мальчишка.

---

*Magna est veritas et praevalēbit — Велика истина, и она восторжествует. Библия, 3-я книга Ездры, 3.12.

*Sermo generalis — великая проповедь, лат.

*Pax vobiscum — мир вам, лат.

*Et cum spiritu tuo — и духу твоему, лат.

*Цитринас — одна из стадий получения философского камня. Характеризирует время, когда полученный отвар приобретает желтую окраску. После этого идет опасная взрывами стадия рубедо — покраснения, когда образовывается философский камень. До цитринас идет стадия альбедо (белизны) и нигредо (черноты).

*Лемегетон — Лемегетон или Малый Ключ Царя Соломона — магический гримуар, содержащий сведения о христианской демонологии и гоетии.

*Церковь не имела права казнить (и проводить в том числе аутодафе) — этим занималась светская власть.

Samuel Haruspex Damey
writercenter.ru/profile/garuspik/

Художник Лев Елена
writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Photo Агеев Дмитрий
ageevphoto.com

Миг без времени

Анна Пан

— Игорь Сергеевич! Господин капитан! Почему вы стали вдруг такой задумчивый? Вам скучно в нашем обществе?

Игорь Сергеевич Новиков, совсем еще молодой человек, всего неделю назад произведенный в чин капитана-лейтенента, обернулся. Его строгие серые глаза потеплели, и улыбка шевельнула аккуратно подстриженные пушистые усы.

Пухленькая и румяная, как сдобная булочка, семнадцатилетняя хохотушка не сводила глаз со своего соседа, которому так к лицу была новенькая, еще не обмятая форма с золотыми галунами.

Одновременно с чином Новиков получил также назначение командиром на боевой корабль. Правда, корабль этот представлял собой всего только канонерскую лодку, но в том возрасте, в котором пребывал Игорь Сергеевич, подобное продвижение по службе говорило о многом и открывало блестящую перспективу. И уж, конечно, не случайно граф Белосудцев пригласил новоиспеченного капитана к себе на новогодний ужин. И не случайно место его за столом оказалось рядом с местом мадемуазель Белосудцевой.

Прочие гости не обременяли молодых людей особым вниманием. Только графиня изредка бросала в их сторону осторожный взгляд: все ли прилично?

— Помилуйте, Анна Васильевна! — улыбаясь, сказал Новиков. — Как же можно скучать, когда рядом такая очаровательная барышня? Просто — вы уж извините меня! — я всегда немного нервничаю перед наступлением Нового года.

— Почему же вы нервничаете? — удивилась она. — Вы чего-нибудь боитесь? Чего, интересно, может бояться такой отважный морской волк?

— Вам, правда, интересно?

— Конечно! До Нового года осталось еще двадцать минут. Хватит вам времени, чтобы рассказать? Так рассказывайте скорее!

— Ну, если вы настаиваете… Я думаю вот о чем: скоро пробьет двенадцать, а перед тем, как прозвучит последний удар часов, сегодняшний день кончится, и наступит Миг, разделяющий год прошедший и год наступающий, но не принадлежащий ни тому, ни другому. Миг без времени.

Когда я был маленьким, няня говорила мне, что в этот миг может произойти все, что угодно. Самое невероятно. Приоткроются двери между временами и пространствами, потянет вселенским сквозняком… Окажешься рядом, так и затянет тебя куда-нибудь. Где окажешься? Кем обернешься? Что будет? Бог весть. Я не то чтобы боюсь, но каждый раз, когда приближается новогодняя полночь, невольно начинаю волноваться: произойдет что-то или нет?

— Да что же такое может произойти?

— Все, что угодно! Вдруг мы с вами поменяемся местами. Или весь мир перевернется вверх тормашками. Или вместо одного солнца взойдет три.

— Как же такое возможно? — глаза Анны Ва-

Фото Alex Seredenin

сильевны стали совсем круглыми, точь-в-точь зеленые ягоды крыжовника.

— А вдруг забросит нас в другую эпоху, — продолжал Новиков. — Например, в каменный век. Вообразите, окажемся мы не за этим чудесным столом, а вокруг костра в пещере и будем есть сырое мясо. Все лохматые, в звериных шкурах.

— Что такое вы говорите! Стыдно, господин капитан, пугать бедную девушку! — притворно сердито проговорила Анна Васильевна, но в ее глазах-крыжовинах скакали лукавые бесенята. — Как же это, на мне — вместо платья, — она обвела рукой свой пышный розовый наряд весь в лентах и рюшах, — вместо платья станет какая-то шкура? И на маман?

Она перевела взгляд на графиню — почтенного возраста и вида даму в синем платье несколько смешного покроя, в затейливом чепце и круглых очках. Потом, едва удерживаясь от смеха, девушка оглядела всех гостей, представляя их сидящими в пещере у костра. Когда же она взглянула на отца, человека очень полного и очень важного, который изо всех сил старался, чтобы каждый его жест выглядел солидно и значимо, то уже не смогла больше удерживать рвущееся наружу веселье. Вообразив папà в звериной шкуре, с каменным топором в руке и с обглоданной костью в зубах, — хотя это было очень, очень неприлично! — Анна Васильевна залилась безудержным смехом.

Все обернулись, даже слуги, разливающие в бокалы шампанское. Граф раздраженно шевельнул лохматыми бровями. Графиня погрозила дочери пальцем. Смущенная общим вниманием, девушка покраснела.

— Извините, — сказала она и прикусила губку, чтобы снова не засмеяться, глядя на удивленные лица, обращенные к ней. — Маман, можно мне на минуточку выйти?

— Позвольте проводить? — Новиков тут же поднялся со стула.

Графиня растерянно оглянулась на мужа: прилично ли это? Тот только пожал плечами. Чтобы скрыть неловкость, графиня строго посмотрела на дочь поверх очков.

Анна Пан
writercenter.ru/profile/panann/whois/

Фото Alex Seredenin
www.photosight.ru/users/18100/

— Коли надо, так иди. Да с тобой все ли в порядке, дорогая?

— Да-да, маман. Не волнуйтесь.

— И не задерживайтесь, — прозвучало вслед. — Ведь уже вот-вот…

Торопливо покинув обеденный зал, они прошли в маленькую гостиную. Здесь никого не было. Анна Васильевна упала на диван, обессилев от разбирающего ее смеха.

— Как забавно! — наконец смогла выговорить она. — Но все-таки я бы не хотела очутиться в каменном веке. Шкуры, пещеры, сырое мясо… Нет, уж если перемещаться в другую эпоху, то лучше в будущее, лет на сто вперед! Тогда уже не будет больше никаких несчастий — войн, болезней, пожаров, потопов… Люди станут прекрасными душой и телом, расцветут науки и искусства, и земля превратится в рай! Правда, я хорошо придумала?

Новиков присел рядом с Анной Васильевной и взял ее за руку.

И тут старинные часы на стене, прямо над их головами, издали странный звук, похожий на глубокий вздох, и раздался первый гулкий удар.

В зале зашумели, послышался звон сдвигаемых бокалов, треск взрываемых хлопушек. Город за окнами озарился разноцветными огнями фейерверков.

— Ну вот, — сказала девушка. — Новый год наступил, а ничего не произошло.

Новиков вздохнул то ли с сожалением, то ли с облегчением.

— Давай не пойдем больше к столу, — предложил он. — Пусть старики веселятся без нас. А мы поедем кататься. Вдвоем.

— Поедем! — обрадовалась она. — Ты покажешь мне, где стоит твой корабль? Торпедо-лов! — и вдруг сказала задумчиво: — А все-таки хорошо было бы оказаться в будущем, когда люди уже разучатся воевать… Может быть, на следующий Новый год?

— Может быть, — согласился Новиков, подавая ей шубку.

Они сбежали по лестнице, так как лифт в «свечке», конечно же, не работал. Не первой молодости «Тойота» цвета «зеленый металлик» прогрелась всего за десять минут и, привычно поскрипывая, покатила по ночному городу.

За твоим правым плечом

Рыжая Белка

— Время почти пришло. — Я чаша, наполненная чистой грустью.
— Я вновь забуду тебя. Разве нельзя иначе? — Ты смятён.
— Нет… — Позволяю своему свету коснуться тебя, растворить страхи и сомнения. Тепло моей любви заключает тебя в объятия.
— Не хочу расставаться с тобой.
— Этого никогда не случится. Я всегда рядом, за твоим правым плечом.
Мы оба чувствуем это. Как стремится в мир новая жизнь.
Легонько подталкиваю.
— Пора…
Ты соглашаешься без слов. И исчезаешь.
…чтобы через миг взглянуть на меня из глаз ребёнка.
Утомлённая женщина, улыбаясь, шепчет имя. Твоя мать шепчет твоё имя. Расправляю крылья…

Пока ты мал, ты ещё способен видеть меня — сияющий силуэт на грани грёз и реальности. Чем старше ты становишься, чем осмысленней твой взгляд, тем он бледней и тоньше. Последними пропадают едва мерцающие крылья.
Ты плачешь ночами. Тьму уже не освещает моё нездешнее сияние. Твои земные родители зажигают лампу. Они думают, что её свет сумеет отогнать твои кошмары.
Качаю твою колыбель бесплотными руками и пою песни без слов и музыки. Ты улыбаешься во сне. «Ангел пролетел», — говорит твоя бабушка. Незримая, согласно киваю. Я всегда рядом, за твоим правым плечом.
Ты уже совсем большой, ты не можешь видеть меня даже во снах. Меня печалит твоё одиночество, но что я могу поделать?
Однажды летом, бегая по заросшему мать-и-мачехой пустырю, ты проткнул ступню ржавым гвоздём. Тебе было больно, ты закусывал нижнюю губу, а от проглоченных слёз тяжело дышалось. По моим щекам беззвучно катились твои непролитые слёзы. Я знала, что эта боль — лишь предвестник той, что ещё предстоит тебе испытать. Волоча по земле бесполезные крылья, я брела за тобой, желая лишь об одном — коснуться острого мальчишеского плеча под тканью выцветшей рубашки.

Твоя душа похожа на радугу. Сколько в ней всего! Мечты, надежды, страхи, сомнения. Но она пришла, эта тоненькая девочка с большими сияющими глазами, и робко взяла тебя за руку. И тогда твоя душа вдруг обрела крылья.
Улыбаюсь, проносясь над вами невидимой птицей. Ты вздрагиваешь, почувствовав невесомое прикосновение к своему правому плечу.

Она стала твоим ангелом, эта тоненькая девушка с большими сияющими глазами. Но во мне нет ревности, я люблю её так же, как ты. В её глазах ты видишь небо…
Вы стоите в храме, счастливые и смущённые, среди сотен свечей. Вы держитесь за руки, внимая торжественному пению. Трижды пройдя вокруг аналоя, ты оборачиваешься через правое плечо.

Ты пьян и озлоблен, ты готов уничтожить весь мир, сто и тысячекратно сотворить смертный грех. Свет в тебе задушила тьма, он умер вместе с тоненькой женщиной с большими сияющими глазами. Твой ангел покинул тебя, в изувеченной бескрылой душе пляшут черти. Ты рыдаешь и сквернословишь перед забытыми иконами. Сейчас ты не сможешь увидеть меня. Дрожу за твоим плечом, протягивая бессильные руки. Им не отнять у тебя пистолета, это изобретение злого человеческого гения, не остановить короткий полёт крошечной свинцовой смерти. Мне остаётся только молиться и неслышно шептать: «Я всё ещё рядом...»

Застонав, ты отнимаешь от виска оружие.

Стоя на коленях, ты молишься в пустой и тёмной церкви. Отчаянно, без слов, одной лишь душою. Мои слёзы неслышно капают на твои опущенные плечи. Ты сумеешь, ты выстоишь, свет в тебе не окончательно погас… Старушка в чёрном платке молча зажигает свечи.

Ты уже не смотришь на меня из глаз седого мужчины. Твои близкие, те, что были с тобой в последнюю минуту, увидели, как изменился тогда твой взгляд, будто ты узнал кого-то, как дрогнули губы в приветственной улыбке.
Мои руки уже не бесплотны для тебя. Тепло моей любви заключает тебя в объятия. Мои крылья сильны, они выдержат нас двоих.
Прижимаю к себе твою доверчиво прильнувшую, обеспамятевшую и вновь обретшую память душу. Ты не знаешь, — да и я не расскажу, — что когда-то очень давно, в тёмные времена, я была твоей матерью. И, уйдя рано, так рано, что душа моя рвалась и рыдала, я взмолилась небесам: «Позвольте мне всегда быть рядом с моим покинутым ребёнком!»
Ты не знаешь об этом. Да и я не скажу… Но я всегда буду рядом.
За твоим правым плечом.

Рыжая Белка
writercenter.ru/profile/veksha/whois/

Человек из тридцать девятого

Бунингит

Про барак? Да что про него рассказывать — дело прошлое. Ну, если охота слушать…

В новую пятиэтажку мы переехали… дайте вспомнить… году в шестьдесят втором. Точно, мне тогда как раз десять стукнуло.

Дом наш был крайним. Последним в череде пятиэтажных новостроек. Сразу за домом начиналась и неизвестно где заканчивалась степь, на которую и выходили два окна нашей квартирки. Я любил смотреть на степь, хотя смотреть особо было не на что. Линия горизонта делила мир на две широких полосы: серую и белую зимой, голубую и желто-серую летом. Такой вот незатейливый пейзаж.

Чуть справа, почти у линии горизонта, виднелся прямоугольный силуэт. Независимо от времени года, он всегда оставался черным, как дырка в холсте.

Это и был тот самый барак, вернее, его обугленный остов.

Вспоминая о нем сейчас, понимаю, что это, пожалуй, одно из самых мрачных впечатлений моего детства.

Истории про «Черный барак» были куда страшнее классической «Черной руки», потому что Черную руку никто, ну или почти никто, не видал, а барак с его ужасной тайной — вот он, в четверти часа ходьбы туда и в трех минутах бега обратно.

Тем, кто рассказывал эти истории, как было не верить, все — свои, соседи, чего им врать?

Правда, истории были очень уж разные и до того нелепые, что связать их между собой и объяснить что-либо было невозможно.

Чтобы было понятно, начну издалека.

Когда-то давно на месте нашего, теперь уже большого, города была лишь степь, заросшая караганником. Совершенно непригодная для человеческого обитания. Минус сорок зимой и плюс столько же летом — каково? Жить здесь было невозможно, но выжить предстояло попробовать первой партии спецпереселенцев, ну, тех, кто был не согласен с идеей коллективного хозяйства. Знаете небось про двадцатые-тридцатые? Вот-вот, кулаки. Мои предки как раз из их числа.

После первой зимы со здешними лютыми морозами и буранами, от которых не спасали наспех слепленные саманки, выживших осталась ровно половина, зато кости остальных прочно укрепили насыпь новой железной дороги. В сорокаградусный мороз хоронить, как положено, было просто невозможно, да и некому было: умирали целыми семьями. Вот и зарывали в насыпь как есть, без гробов. Такие вот дела.

Летом не лучше: нестерпимый зной, засуха.

В тридцать втором вместе со слабой надеждой на лучшее пришли голод и тиф, уменьшившие оставшееся население еще вдвое. Правда, пополнение новыми ссыльными было таким обильным, что даже в условиях этого, не совсем естественного, отбора население быстро росло, и гиблое место вскоре получило статус поселка.

Оказалось, что места эти богаты углем, тут уж началась стройка полным ходом. В тридцать втором вырыли первую шахту, а дальше пошло — не остановишь.

Рабочих рук не хватало, и, помимо бывших крестьян, в эти края стали ссылать со всей страны «врагов народа», а перед войной и большинство русских немцев. Рядом с саманками, как грибы, повырастали деревянные бараки.

Барак, о котором пошла дурная слава, всегда стоял особняком, примерно в километре от поселка. Почему — никто не помнил. Возможно, контингент там обитал не простой, особо лютые «враги», разве теперь узнаешь? Ходили слухи, что незадолго до войны сгорели там заживо все обитатели, но подробности остались неизвестными. Сам барак, сколоченный из толстых бревен, не сгорел дотла, может, дождь потушил или другая какая сила, сносить его никто, похоже, не собирался, так вот и стоял он, как памятник пережитому ужасу.

Это всё я знаю со слов бабки моей, царство ей небесное, хорошая бабка была.

Для нас, детей, не знавших своей истории, барак был страшен не прошлым своим, а тем, что был он и по сей день «обитаем». Многие встречали неподалеку от проклятого места странного вида незнакомцев, так называемых «бредунов». Откуда они брались и куда потом исчезали, оставалось загадкой.

Помню, соседка снизу как-то прибежала к нам сама не своя, глаза выпучены, и шепчет, что, мол, только что своими глазами видела чужого мужика с темным лицом, медленно шедшего в сторону барака. «Думала сперва, мало ли кто пошел подальше в степь по нужде, а как обернулся и глянул неживыми зенками, сразу все поняла и со всех ног — домой…»

Кто верил, кто не верил этим байкам, но нам, детям, ходить к бараку не разрешалось. Мы и сами боялись. Знали, что все, кто отважился подойти к нему ближе, чем на сто шагов, пропадали бесследно, а если кто и возвращался, то уже не тем, кем ушел.

И все-таки, когда любопытство пересиливало страх, мы собирались в большую группу из шести-семи смельчаков и, крепко держась за руки, крались сквозь заросли караганника. Чем ближе мы подходили, тем меньше оставалось храбрости. В ста шагах от страшного дома, когда на фоне темных стен уже были видны еще более черные оконные проемы, нас всех, как по команде, захлестывала волна ужаса. Мы разворачивались и, не оглядываясь, мчались назад, подгоняемые хлесткими ударами травы.

И все же мне пришлось как-то раз побывать там, внутри.

Случилось это уже после окончания десятилетки. К тому времени «зловещая тайна» потеряла свою остроту, среди бурных переживаний юности не было места глупым страхам и суевериям.

Помню, в тот день жара была такой, что казалось, стоит выскочить на улицу — сгоришь заживо! Но разве это помеха для юных душ, жаждущих острых ощущений!

Отмечали проводы в армию одноклассника нашего, Сашки Демченко. Ну, выпили, конечно, стали вспоминать детство. Серега Скворцов заговорил про барак, как улепетывали от него, сломя голову. Поговорили, посмеялись, ну и, ясное дело, потянуло на подвиги. Сашка громче всех кричит: «Давай, пока не стемнело!»

Желающих прогуляться по знойной степи набралось пятеро: я, Серега, Сашка и две девчонки: Наташка и Люся, Сашкина невеста. Наташка — девка храбрая, спортсменка, а Люся трусила ужасно, но, конечно, от Сашки ни на шаг. Глотнули еще разок для храбрости и пошли.

Солнце уже опускалось к горизонту, но жара все не спадала. Градусов сильно за сорок в тот день перевалило. Воздух сухой, аж звенит. Мы, пацанами, бывало, в такие деньки яйца куриные, что помельче, пекли прямо в песке, без огня.

Короче, когда добрались до барака, уже было не до страха. Войти внутрь было настоящим облегчением, тень всё же.

«Ну, и что, где обещанные привидения?» — с порога заорал Сашка.

«Да погоди ты орать, — Серега ему, — а то сейчас и правда повылазят!»

Девчонки тут же тоненько запричитали, Люся прижалась к Сашке, вцепившись в него мертвой хваткой.

«Люсь, ты чего? Не боись, морякам никакие привидения не страшны!»

«Ага, моряк, с печки бряк. Ты море-то хоть раз видел?»

«А как же, в кино! Увижу скоро, недолго осталось».

«Тихо, слышите? Тут кто-то есть!» — вдруг шепчет Наташка.

Я ей, чтобы успокоить: «Конечно есть, крысы!»

«Дурак, какие крысы? Тут же никто не живет, чем им питаться? Может, тушканчик?»

Все замерли, только головами завертели, прислушиваясь.

Шорох не шорох, а странный какой-то звук был слышен, чужой, не природный… Будто кто-то тихонько детскую погремушку встряхивает: цт-цт-цт-цт… Вроде ничего особенного, а жутковато стало, честно скажу. Затем к этому «циканью» что-то еще стало примешиваться: то ли голоса, то ли вздохи. Еле-еле слышные, не разобрать. Будто бы в соседней комнате кто-то спит и во сне тихонько бормочет, всхрапывает. Потом вроде всё стихло.

Вдруг прямо мне под ноги выкатился мяч, маленький такой, с кулак, резиновый. Старый, почти сдутый, резина потрескалась… Остановился на секунду… и дальше покатился. Движется он, медленно так, а я уставился на него и ничего сказать не могу. Остальные тоже оцепенели. У Люськи только губы шевелятся. Так и стояли, пока мяч не скрылся за перегородкой. Ну, или простенок какой там раньше был, да обвалился...

Серега, помню, шепотом длинно так выругался, хотя при девчонках никогда раньше не матерился.

«Сань, пошли отсюда!» — зашипела Люся. Она от страха аж позеленела, бедная.

Только она это сказала, как из-за перегородки, куда мяч-то укатился, показался человек. Именно показался, а не вышел. Откуда там выходить? Не стоял же он там всё это время! Или стоял?

Вроде не старый, лет тридцати с небольшим на вид, но седой. Одет странно, как в фильмах довоенных: рубаха полосатая, залатанные штаны заправлены в кирзачи. На голове фуражка, за спиной мешок вроде небольшой на лямках.

Как сейчас его вижу, врезался в память намертво.

Посмотрел на нас так, что мурашки побежали. Как бы вам описать этот взгляд? Так, наверно, смотрят из окна поезда те, кто уезжает навсегда. Или те, кто вернулся издалека, из такого далека, что лучше бы оттуда и не возвращаться. На привидение не похож, но и не простой человек, как-то это сразу стало ясно. «Бредун!» — вспомнилось нелепое слово.

Нас всех будто парализовало, а он сделал два шага по направлению к нам, чуть протянул руку в сторону Наташи и тут же опустил. «Таня… нет… не она…» — не сказал, а скорее «прошелестел». Потом опустился на пыльные доски пола, снял фуражку, закрыл голову руками и затих, будто и дела ему до нас нет. Сидит себе и молчит.

Наташа тихонечко так позвала его: «Эй… вы кто?»

Он будто и не услышал, но спустя несколько секунд поднял голову и едва слышно произнес: «Самарский. Василий Демьянович. Второго года рождения. Статья пятьдесят восемь, пункт семь. Четыре года с конфискацией». Медленно, монотонно, как во сне.

Еще немного помолчал, потом добавил уже как-то более осмысленно: «Уходите отсюда, плохое это место. И не приходите сюда никогда… в такую жару». Голос хриплый, глухой, будто до этого сто лет молчал.

Странный мужик, конечно, но никакой угрозы с его стороны вроде не ощущалось, и напряжение немного спало.

Серега спрашивает: «А вы… зачем здесь? Откуда? Что, вообще, здесь происходит? Про год рождения врете… на семьдесят лет вы не тянете…» А этот, «Демьяныч», чуть искоса глянул на

него и непонятно кому сказал: «Комсомольцы…»

После небольшой паузы вдруг спрашивает: «Какой у вас тут год?»

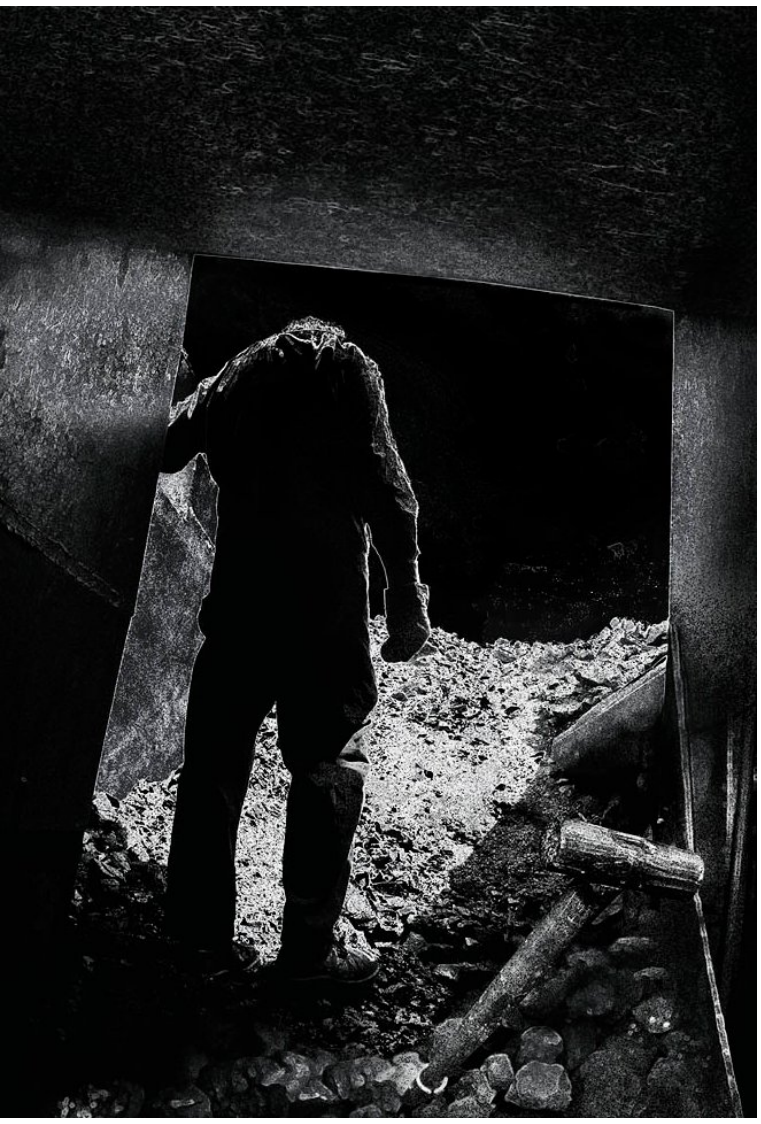
«Тысяча девятьсот семидесятый, а у вас?» — это Наташка ему, с иронией.

«У меня тридцать девятый, всегда тридцать девятый. Второе августа. Полдень. Сорок восемь градусов по Цельсию… Таня…»

Мы молчим, конечно, переглядываемся. Да и что тут скажешь, одни загадки. При чем тут жара? Таня какая-то. Сумасшедший, скорее всего, но как он тут оказался?

Наташа осторожно так предлагает: «Может, вас куда проводить? Где вы живете? Вы ищете какую-то Таню?» А он: «Не надо. Говорю же, уходите! Я тут останусь. До завтра… если снова до сорока пяти поднимется. Ближе к полудню должно… тогда уйду. Мне семидесятый ни к чему, мне в тридцать девятый… там Таня… жена моя…»

Фотохудожник Борис Саламатин



Снова молчим.

«Она, Таня эта… умерла, наверно… Что случилось в тридцать девятом? Тот самый пожар? Говорят, тут тридцать человек сгорели заживо!» — шепнула Люся Сашке. В тишине шепот ее, конечно, все услышали, включая нашего собеседника. Он продолжал сидеть спиной к нам, обхватив колени руками. Метрах в пяти от порога. А мы — у самого порога, как вошли, так и стоим.

Услышав Люсю, он лишь слегка поежился и, не оборачиваясь, снова заговорил. Опять медленно, отрывистыми фразами, будто вспоминал, как это делается.

«Барак сожгли позже. Чтобы не доводить дело до серьезного расследования. А жильцы не сгорели… исчезли. Все до единого. В тридцать восьмом это случилось. Лето выдалось особенно жарким. В конце июля накалилось до пятидесяти, даже за ночь воздух не успевал остывать. Вот ночью с двадцать восьмого на двадцать девятое они все и ушли. Утром дверь отперли, а там — никого».

«Как ушли? Куда?» — спрашиваю его.

«Куда? Они и сами не знают. Кто куда…» — кажется, он усмехнулся. «В эту дверь если войдешь, никогда не знаешь, где выйдешь… В этом и проблема… Так что держитесь от этого места подальше, — он кивнул в сторону перегородки. — Жара открывает этот проход. Если выше сорока пяти, что-то будто плавится… Куда ведет проход? Никуда…» И так это «никуда» страшно прозвучало, меня в тот момент аж передернуло. Уж больно всё было непонятно.

Мужик развязал мешок, достал из него флягу, отхлебнул и продолжил рассказывать. Голос его постепенно будто оттаивал, оживал, рассказ становился всё более связным.

«Когда обнаружили массовый побег, власти, конечно, погоню организовали. Тут ведь самые, так сказать, опасные для общества элементы обитали. Хотя где могут спрятаться тридцать два человека в голой степи? Измученные, полуголодные, далеко ли уйдут по такому пеклу? Кроме того, засовы, ограда, охрана… всё ж целехонько осталось. Охранники ничего не слыхали, собаки даже не проснулись, хотя натасканные, чуткие. Потом, спустя пару дней, стали слышать голоса, доносившиеся из пустого барака. Сторожа отказывались нести службу, да и кого сторожить? Пока дело не получило огласку, сожгли барак, ограду снесли, будто и не было тут лагеря. Слух пустили, что сгорели все…»

Мы ему, мол, что ж сам барак не снесли, а он: «Начали было, да двое рабочих пропали прямо средь бела дня. Испугались видно, подожгли и бросили, как есть».

«А что жена ваша? Тоже… ушла?» — Наташка спрашивает. А он: «Таня в поселке жила. Переехала в эти края вслед за братом. Михаил, брат её, жил в этом бараке… Враг народа, понимаешь. Шпион. В двадцать-то лет! У Тани, кроме него, никого не осталось, родителей еще в двадцатые расстреляли. С трудом вымолила разрешение видеться с ним иногда. Он-то и рассказал ей про место это. Что, мол, странные вещи случаются в сильную жару. Дыра, мол, в углу за простенком открывается, оттуда то выпрыгнет что-то, то звякнет, то эхо раздастся. Мужики побаиваются дыры, но властям говорить не хотят. Всё одно не поверят, еще в заговоре обвинят. И Тане велел никому не говорить. Может, сказал, уйти удастся. Хоть в ад к чертям, всё лучше, чем здесь, мол. Она, конечно, не выдержала, мне рассказала. Страшно ей было, боялась за брата. Он ведь ей и братом и сыном был. Когда родителей не стало, она с ним, пятилетним, осталась. А ей самой тогда было всего тринадцать. У тетки прятались, выжили как-то. Только на ноги встали, а тут такое… Кому паренек помешал?»

Достал папиросы, закурил. «Сколько ни курю, — хмыкнул, — а в пачке всё три папироски. И вода не кончается…»

«А что дальше было?» — это уже Люся спросила, даже у нее любопытство страх пересилило.

«Когда узнала Таня про пожар, расспрашивать стала. Знакомый у нее был из охраны, сочувствовал им с Михаилом очень, вот и выдал ей секрет про исчезновение. Она, конечно, связала это с Мишиными рассказами и догадалась, что к чему. Очень уж ей хотелось верить, что Миша жив. Всё ждала весточки от него, ходила к бараку, хотела найти хоть какой-то след. Переживала, плакала по ночам. Осень наступила, потом зима… Ничего, никаких вестей. Тут вспомнила Таня про жару, воспряла духом, стала следующего лета ждать… Не велел я ей без меня ходить, да вот не послушала. Второго августа, ничего мне не сказав, отправилась сюда… и больше не вернулась. Я сразу понял, в чем дело, и за ней. У меня ведь, кроме нее, тоже никого. Танюшу я встретил как раз, когда мой срок закончился. Сразу и поженились. Она, конечно, уезжать не захотела, вот я и остался. Жить везде можно, человеку, кроме свободы и любви, ничего не нужно. Хорошо мы жили… пока это всё не случилось. С тех пор ищем друг друга. Найдем ли… Кто знает…»

Вздохнул тяжко, и жаль его стало — ужас как. Девчонки, помню, аж слезу пустили. Хоть и трудно было поверить в его историю, а поверили. От этого снова жутко сделалось.

Это он что ж, получается, бродит туда-сюда во времени наугад?..

Когда осознаешь такое, впору рассудка лишиться. А тут еще смотрим, темнеть начинает… Переглянулись, мол, уходить пора.

Люся позвала было пришельца с собой, сердобольная, да, спохватившись, осеклась. Куда такого с собой-то?

«Идите, идите, мне с вами не по пути…» — только и сказал напоследок. Голос его снова стал хриплым и неожиданно низким, как на грампластинке с замедленными оборотами.

Ребята выскочили на улицу, а я сделал было шаг и остановился. Не надо было спрашивать, но не сдержался я, задал вопрос, который мучил меня всё это время: «А что там, с другой стороны?»

Тут он медленно так обернулся и посмотрел на меня… Ох, не забыть мне этого взгляда! Лицо его как-то еще больше осунулось и потемнело, что ли. Глаза — словно дырки насквозь, а за ними пустота… Что-то с ним в эту минуту происходило неясное, вроде как облик человеческий начал размываться, уступая место чему-то иному…

***

Как добежали до дома, не помню, а только историю эту мы никогда не обсуждали. Позже ребята разъехались, кто куда. Серега, говорят, спился, бедолага. Люся с Сашей поженились, всё у них вроде хорошо сложилось. Наташа до столицы добралась, учиться уехала. Там след ее и затерялся. Ну, про меня вы всё знаете.

А барак всё же снесли, еще в начале девяностых, однако место до недавних пор пустовало. Года четыре назад отстроили там новый микрорайон. Хороший, благоустроенный, по зарубежному проекту. Красота кругом, нашего старого поселка с землянками и не узнать! Летит время...

Что говоришь? Не повезло новым жильцам? Кто знает, дай бог им никогда не прикоснуться к этой тайне. Климат здешний мягчает. Лето хоть и жаркое, но выше сорока уж много лет не поднималось. Авось, обойдется.

Да зачем всем знать-то об этом? Вас, молодых, хлебом не корми, дай всё разведать, до сути докопаться, причинно-следственную связь, понимаешь, установить! А по мне, так не в каждую тайну человек должен свой нос совать.

Я думаю так: много плохого совершилось на земле этой, с большим перебором. Природа зла человеческого не любит, вот и выворачивается наизнанку. А может, учит, предупреждает. Зло, оно ведь хуже выстрелов дырявит и души человеческие, и землю. А через дыры эти лезет всякое, чему объяснения нет и быть не может.

Ничего. Земля добра, глядишь, всё выровняется, рассосется.

Бунингит
writercenter.ru/profile/Buningit/whois/

Фотохудожник Борис Саламатин
www.facebook.com/boris.solomatin

Найко Елена

Девочка-воспоминание

Капли с неба способны вернуть в голопузое детство,
где по лужам фрегаты из листьев с сестрой мы пускаем,
беззаботно-босые под тёплыми струями мая.
Так желает душа, от неё никуда мне не деться.

Капли-слёзы на кипенно-белых букетах черёмух,
на налитых зелёных плодах несозревших черешен
в палисадниках скромных, где запах цветения смешан
с предвкушеньем восторгов грядущих, дорог незнакомых…

Открываю окно в городские потухшие краски:
тоже пахнет дождём вперемешку с уныньем и смогом.
Я шепчу себе той, с верой ждущей от жизни восторгов:
«Здравствуй, девочка-воспоминание, милая, здравствуй».

by Max Mitenkov

Шевцова Анастасия

***

Я просто ветер, веющий над миром,
Мне ближе шапки остроклювых гор
И шепот трав, и бурных рек разливы,
Степей бескрайних золотой простор…
Я просто ветер, я сама свобода!
Мои минуты — вечности пути,
Мои часы порой длиннее года,
А сотни лет проходят, словно дни.
Я мчусь вперед неистово и страстно —
не оглянусь, не вспомню, не вернусь.
Прошедшее над будущим не властно,
Настанет срок — я просто не проснусь.

Сорвавшись в пропасть с ледяной
вершины,
Задев мохнатых елей купола,
Без сожаленья этот мир покину,
Как будто в нем с рожденья не жила.
Среди созвездий поброжу немножко,
И в свете солнц согреюсь от потерь —
Отбрасывая лунную дорожку,
Мне светлый ангел приоткроет дверь:
И будут горы выше и прозрачней,
и будет море синим, как лазурь…
И время перестанет что-то значить —
Пройдет эпоха горестей и бурь.

Я просто ветер, и еще немного
Мне остается мчаться над землей:
Уже манит заветная дорога,
уже душа так просится домой!

HopeWell

***

Двадцать одна неделя…
Врач объявил твой срок.
Время стучит капелью.
Пульсом дробит висок.

Время взбивает краски,
делая их плотней.
Жизнь из волшебной сказки
стала чуть-чуть сложней.

Дети попросят правды:
слезы не скрыть из глаз.
"Все расскажу, но завтра",
— молвишь. В который раз.

Красные сохнут губы.
Щеки теряют цвет.
Церковь сменила клубы
— вера сошла на "нет".

Муж молчалив и бледен.
Мать не находит слов.
Плачут ночами дети.
Время стучит в висок.

Тянешь в улыбке лица.
Всем говоришь "окей".
Из молодой девицы
стала чуть-чуть старей.

Десять недель… как таймер.
Точит топор палач...
Только на небе ангел знает:
Ошибся врач..

Найко Елена
writercenter.ru/profile/Eniko/whois/

Шевцова Анастасия
writercenter.ru/profile/Tasula/whois/

HopeWell Надежда
writercenter.ru/profile/HopeWell/whois/

Художник Max Mitenkov
vimark.deviantart.com

Хронь

kxmep

Ну, хронь. Воронка времени. Всё просто.

Говорят, американцы подорвали хронофугас. Тактический такой, с разделяющимися перфектами. Вот оно и...

Хотя вряд ли. Бомба — штука тупая и бескомпромиссная. Однозначная, в общем. Трах, бах — и что? И дырка. А дырка во времени категорически отличается от таковой же воронки!

Во-первых, она сквозная, дырка эта. То есть ее видно безоружным глазом, ее можно обойти, ее можно обнести колючей проволокой и вывесить устрашающие арлеты. В нее даже можно плюнуть, выразив таким образом свое презрение к мировой константе. Весьма, кстати, способствует поднятию тонуса. И повышению статуса в глазах близлежащих женщин.

Во-вторых, она понятная. Её не страшно. Упасть — это не провалиться, очень важный нюанс! Шел, упал, очнулся — где? Да где-нибудь конкретно, в отличие от вышеупомянутой воронки, которая ЗАСАСЫВАЕТ, причем неизвестно куда. Хорошо если в дожитие, а если закрутит и размотает по векам?

Так что сомнительная эта теория, насчет фугаса. Тем более и американцы — вполне адекватные люди. Не в пример диким евросамураям, которые нас убили в Читауне, посекли катанами в лапшу, да так, что потом до самого Икрутонга мы себя по кусочкам собирали. По ногтю, по косточке, по члену. Не надеясь на теплый прием у таких же, в общем-то, куцеглазых кореяк.

Не любят нас люди. Потому что они — люди, а мы — какая-то гиль. Нищедухи и скорбноглавы. Смотреть на нас противно, жить с нами невозможно. И убить нельзя. В смысле, насовсем. За это нас не любят еще сильнее.

Еще рассказывают… Кто? Да много их, сказителей. Баюнов с баянами. В любой урле — каждый третий. Любимое занятие: врать. Любимая тема: кто виноват. Врут и верят, и спорят истово, страстно, наотмашь спорят — до пены изо рта и дыма из ушей. А уж как пересекутся две урлы на одном витке… сама хронь вибрирует от врак стенка на стенку, бессмысленных, беспощадных и бескорыстных: не истины ради, но спору для.

А с другой стороны, именно из этих врак и складывается наше бытие, вечных псяр, слепых к прошлому, глухих к грамоте, быдла без памяти, скрученного в спираль и размазанного по стенам неизбывной хрони. Что нам еще остается? Только пить, врать и искать мифическую «эту страну».

Генетический амнезин — еще одна популярная врака. Эзотерические забобоны про пархатый доширак. Дескать, средства МАССовой инфорМАЦии. И глаза при этом навыкате, и зловещая хрипотца в гландах: сами видите, КТО и ЧЕМ! Слов «масоны» и «маца» никто не произносит вслух, но подразумевает. Подразумевает, совершенно не зная об этих пресловутых ни черта, не видя, не слыша, не встречаясь лично, даже не ведая смысла (что не удивительно для среднестатистических быдляка или быдлячки). Но тем не менее сии слова мистическим образом торкают и тревожат, а сам обряд криптологического горлобесия — неизменно провоцирует вибрацию душевных фибр.

Томится душа-то, вот и трепещет. Жаждет чего-то. И не только водки.

Ходим сквозь, смотрим мимо. Ищем «эту страну». Почему она «эта», а не «та», никто не знает, даже сколько-нибудь складных врак на эту тему нет. Бредем по кругу, всасывает из варяг и выпле-

вывает сразу в немцы: майн либер Питер, маркграф Новой Неметчины, правящий по ярлыку Великого Монгола Всея Дальнего и Белыя и Черныя Востока, литовщина промеж ржачи посполитой — странные страны, смутные. И явно не «эти».

Бывает, встреваем в события, хронь заносит в междоусобицу. Вот под Куртцком было дело: брань германцев с некими дикарями, насилующими невинных немок и массово дезертирующими с поля вышеозначенной брани. Обросшие железным волосом, эти обезьяны, конечно, проиграли. Не помогли даже спецдружины убийц, блюдущие тыл. И главарь ихний — людоед и маньяк — от злобы пообгрыз усы и утопился в Мозгва-реке. С тех пор о них ни слуху, ни духу, сгинули, как и не существовали вовсе, а цивилизованный германец окончательно утвердился в Евразии.

Люди живут в красивых городах, едят вкусную пищу и спят друг с другом в чистых постелях. А мы живем в межвременной слякоти, жрем из случайных помоек и не спим вообще. Не говоря уже о «друге с другом», этот апогей человечности и кульминацию цивилизации нам просто не уразуметь. Не по духу откровение.

Мы ползаем по хронотопи, а люди летают к звездам! Ну, летали раньше. Ну, не к звездам, а на Луну. Потом передумали, и не нам с поганым рылом иметь мнение на сей счет. Неисповедимы высшие помыслы людей. Надо полагать, богатей-

by Amandine van Ray

шая духовность позволяет им, не отрывая мягкий зад от пуфика, воспарять в горние выси — куда там межзвездные перелеты!

Кстати, отсюда имеет быть очередная врака. Смурная, однако забавная.

Время не вовне, но внутри. В любой вменяемой голове есть орган времени. Посредник между раньше и сейчас, соизмеряющий прошлое с настоящим. Мозг тут ни при чем, он лишь переводит метаформу и сверхидею — во внятные низкоуровневые единицы отсчета: секунды, минуты, чудные мгновенья, часы расплаты, критические дни и прочие эвфемизмы.

Но если голова невменяемая, то и орган в ней начинает сбоить. И тогда его нужно либо лечить, либо (что эффективней) ампутировать, не дожидаясь.

Когда люди еще летали к звездам на Луну, они летали не все. Зачем всем? А кто тогда будет маркетинг маркетить или петь шлягеры, тряся силиконовым бюстом? Летали специальные летуны. Их всяко тренировали, иногда — с особым цинизмом. Например, блокировка восприятия: затыкали уши, нос, рот и погружали в большую банку с соляным раствором, чтобы висел там до полного бесчувствия. Глаза, наверное, выкалывали. Могли и завязать, но так эффективней.

Человек через час сходил с ума. Через три — необратимо умирал.

Но умирал не потому, что ему там скучно бы-

by Amandine van Ray

ло, в банке этой, а потому, что у него отказывал внутренний таймер, тот самый орган времени. И вот, когда половину подопытных летунов сгоряча закопали в землю и приступили к научному анализу и медицинским диагнозам, потребовалось взять кой-какие анализы с тел, допустим, мазок силизистой или мочи чуток, кинулись выкапывать, а там — тю-тю — пусто в гробах.

Нет органа — нет времени. И если применить это в массовых масштабах на отдельно взятой недужной нации, то результаты будут поистине фантастическими! Не просто перекрыть кислород и сенсоры, но засверлить душу и память, как больной зуб, целенаправленно вычищая лишнее. Отменить прошлое, переписать историю. Не надо ни хронобомб, ни жидомасонов. Достаточно лишь замкнуть вход на выход, закольцевать горькое настоящее безумного народа, не имеющего спасительной панацеи Future In The Past.

Как можно найти мнимую страну?

Как можно найти то, чего нет и никогда не было? Никак.

И быдло уходит в хронь безвозвратно.

Всё просто.

***

Есть еще одна врака, последняя. С ней не спорят, слушают молча, но пьют сверх обычного раза в два.

Ноль времени, его смерть — хроноль. Тут следует понимать разницу между абсолютным нулем и нулем ОКОНЧАТЕЛЬНЫМ. Даже не понимать — предвкушать, чуять своим локальным органом.

Архетип окончательного нуля реализован во множестве образов и метафор: пятиногий черный пес с нецензурным погонялом, схлопывание универсума в битый пиксел, разномастные кони с соответствующими всадниками, а также «Срок активации вселенной истек. Возможно, вы стали жертвой подделки бытия…». Это понятно. Непонятно, где, как и когда.

Там, в гипнотической глубине, ниже низа, на дне бездны, в точке схождения хрони время прекращает течение своё. Прерывается связь, обнуляется мир. И мы — быдло — идем туда. Это наша миссия и наше проклятие, что, в общем-то, одно и то же.

Вечность конечна, и кто-то должен ее закончить. Взять на себя и закрыть тему

Но, хотя внизу окончательный ноль и ничего нет — там все-равно что-то есть…

Порою, в серые ночи, лишенные дыхания, когда ветшает семантика мироздания и смыслы обрушиваются внутрь самих себя — из пучин хрони слышен странный звук. То ли стон, то ли плач, то ли пение.

Он резонирует, расширяется, обретает хрустальную завершенность и, пронзив временную хлябь, — взлетает.

И встает над хронью сокровенный град, непостижимый, неизъяснимый и несуразный: с белокаменными стенами, златоверхими церквами, с честными монастырями, с княженецкими узорчатыми теремами, с боярскими каменными палатами, с рубленными из кондового, негниющего леса домами. Двенадцать врат — как двенадцать жемчужин, в сравнении с которыми любой бриллиант — лишь жалкий страз китайского разлива. Брусчатка мостовых из благородного металла, подобного прозрачному стеклу. А стены внешние украшены камнями, у каждой — камень свой: сапфир, смарагд, топаз, вирилл и япис, и хризолит, и хризопрас и гиацинт, и сердолик и сардоникс, и халкидон. Кресты из золота и звезды из рубина. И птицы слов, что суть стихи и песни, вздымающие сердце на дыбы. И руны огненных реклам про спи спокойно, заплатив налоги. И боль, и стёб, и сон, и явь. Рыдает на забрале проститутка и ратники лежат на амбразурах. И храма нет, в нем пляшут феминистки, свободные от совести. Но агнец — небесный, не земной — взывает к людям: придите, верные!

Мираж плывет над миром облаками колокольного звона. И людям становится неуютно в их чистых постелях. Смущаются умы, души покрываются рябью.

А потом видение опадает и все возвращается на круги.

В том числе и мы.

kxmep
writercenter.ru/profile/kxmep/whois/

Художница Amandine van Ray
www.photosight.ru/users/379345/

Рунгерд Яна

Мельница

Мелется, мелется.
Разруха-мельница,
Старуха-сплетница
Ткёт полотно.
Что будет, что сбудется,
Кто запомнится, кто забудется,
Давно всё соткано —
В ткань вплетено.
Вертится, вертится
Время-веретено,
Что будет, что сбудется —
Предрешено.
Жена-молодуха
Старухе выпрядет нить —
Жизнь-пророчество
Сохранить.
Тянется-тянется
Нитка-судьба,
Течёт, изменяется
Жизни волшба.
Дочка весенняя
Вышьет цветы —
Люди сомнений, люди мечты.
Яркие нити
Изменят ткань,
Много событий
Уйдет за грань.
Люди сомнений
Изменят судьбу,
Прервут на мгновенье
Старухи волшбу.

Художница Лев Елена

Рунгерд Яна
writercenter.ru/profile/iojeg/whois/

Художник Лев Елена
writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

by Feimo

NeAmina

Провидец

Всегда я думал, что буду воин — кольчуга, палица или меч — отца и деда имён достоин: хранить, заботиться и беречь, оберегать от чужих и пришлых, держать порядок, блюсти закон.
Но, к сожалению, так не вышло: однажды ночью явился сон.

Мне снилась битва; людская масса — один безликий сплошной поток, шепча молитвы, я ужасался, но изменить ничего не мог. Хрипели люди и ржали кони. Часов сбивался привычный ход: и я, проснувшись, внезапно понял, что всё случится уже вот-вот.
Я побежал во дворец тархана, по переулкам скользя, как тень. Но не пускала меня охрана: вали, сынок, неприёмный день. Я умолял: пропустите к князю, поход не нужен, грозит беда. Меня швырнули к стене с наказом — не появляться здесь никогда.
Я мог помочь… Но назвали лживым. И лишь ленивый сумел не пнуть.

Через неделю ушла дружина. Как оказалось, в последний путь.

А сны остались. Мелькали лица, кипели строки запретных слов — во мне открылся талант провидца, бесценный дар из глубин веков. Во снах читал я о том, что будет. Но это ночью. А в свете дня со всей округи тянулись люди, чтоб о грядущем спросить меня.

Так и живу, окружен почётом, дворец из золота и стекла. И даже князь, приходя по чётным, интересуется, как дела. Но безразличны шелка и стены, и князя милость не так важна. Со мною время — мой личный демон, живущий в темных глубинах сна.

NeAmina
writercenter.ru/profile/NeAmina/whois/
Художница Feimo
feimo.deviantart.com

Алиса

Карев Дмитрий

Она родилась в Питере. Точнее, в Ленинграде… Хотя он всегда был скорее Питером, чем Ленинградом. Впрочем, какая разница! Я пробыл там ровно месяц, когда мне было двенадцать лет — счастливая дюжина. По крайней мере, я так думал в то время, что дюжины бывают счастливыми. Тогда я не был с ней знаком. Ленинград запомнился маленькими птичками колибри в зоологическом музее и обилием желудей вперемешку с осенней листвой.

А над этим всем небо,
только облако тронь.
Край душистого хлеба,
крупной соли ладонь...

Влюбился я в нее позже, когда мне было семнадцать. Дивный возраст: окончание школы, первые заработанные деньги, поступление в институт, иллюзия свободы…

Незапертый дом,
начало пути,
но егеря уже открыли сезон,
и нам не пройти...

Ей же было, соответственно, десять. До Ромео и Джульетты мы, естественно, не дотягивали. Я вообще, кроме песен Виктора Цоя, ничего и никого не любил тогда. А она… Не знаю, что на меня нашло, но уверен, что эта любовь с тех пор навсегда. Наше знакомство ассоциируется с запахом пожелтевшей листвы, которую так вкусно жгут ранней осенью; и еще почему-то со вкусом темного немецкого шоколада, цена на который в то постперестроечное время менялась каждую неделю. А еще… А еще на ум приходят события октября 93-го…

Смутные дни — время кропить масть!
Смутные дни — время кривить рты!
Смутные дни — время делить власть!
Смутные дни — время решать, с кем ты!

Руцкой, Хасбулатов, Макашов… Внеочередной (и последний) Съезд народных депутатов… Танки в Москве — уже без генерала Лебедя (его звездный час еще не наступил, как, впрочем, и трагическая смерть...)

А я влюбился! Меня безудержно и жадно потянуло к ней. Каждое ее слово я запоминал почти наизусть. Я начал подражать кривизне ее губ, что со стороны выглядело, возможно, странно. Увы! Подражать ее великолепному голосу у меня не хватало способностей. Свое восемнадцатилетие я встречал совсем один, но в мыслях был с ней рядом. С ней и с Витей Цоем. Как потом оказалось, она его тоже очень любила. Когда мне становилось тяжело на душе, я думал о ней, и мне обязательно становилось легче.

Фото Агеев Дмитрий

Я вырос на пепелище.
Я ли в том виноват?..

Она помогала мне выжить, вызволяя из глубокой депрессии.

И так хочется прыгнуть в открытый проем,
но уже утро зевает из окон,
утро встает,
спи, малыш!

Она жила где-то между Петербургом и Москвой. Каждый раз в кратковременные приезды в несеверную столицу я надеялся на случайную встречу с ней. Вдруг она тоже окажется в этот день в Москве! Я не мистик и уверен, что если захотеть, то всегда можно напридумывать предчувствие чего угодно. Поэтому не верил в разные там знаки. Но в этот раз я все же встретился с ней! Был конец октября.

Как печален-печален мир,
словно осень — моя тоска...

Москва поразила количеством снега. Зима удивляла не столько своей неожиданностью (в прошлом году — в Софрино — свежий сентябрьский снег лежал на ярко-зеленых листьях рябины), сколько уверенностью в своих правах. На Павелецкой площади вовсю уже пахло Новым годом. На вокзале не хватало разве что елки с гирляндами. И именно в этот день она отмечала свое двадцатилетие! Она тоже была в Москве! Я узнал об этом совершенно случайно, хотя минутой раньше мог зайти в станцию метро, и длинный эскалатор увез бы меня от нашей с ней встречи. Меня никто не приглашал, ну и что с того?

Лужнецкая набережная. Начало через полчаса. Черт, а я и не знаю, где это! Тридцать минут едва хватает, чтобы оказаться на нужной станции метро. Дальше иду наугад, но точно знаю, что не ошибусь… Я вошел в зал, не снимая куртку. Почти все собрались. Было шумно и весело. Ждали ее. Народу было много, но я затрудняюсь сказать, сколько именно: тысячи, десятки тысяч?

Мое поколение смотрит вниз.
Мое поколение боится дня.
Мое поколение пестует ночь,
а по утрам ест себя!

Она вошла почти сразу, словно дожидалась меня (хотя говорю же, что я не мистик). Алиса изменилась (я тоже). Словно из резкого и угловатого ребенка получился удивительно яркий подросток, который вырос и стал зрелой и красивой девушкой. Алиса… Я никогда не встречал девушек с таким именем.

Мы уже почти умеем смеяться,
мы уже почти говорим о своем,
мы уже почти не отводим глаз,
мы уже почти поем...

Я не пил на этом вечере. Два часа я неотрывно смотрел на нее…

Всем тем, кто отдал свою душу ветру,
кто знает, что такое любовь,
но умеет и ненавидеть,
Алиса дарит свой огонь!
Грейтесь, пока мы в силе!

24 октября 2003 года. Дворец спорта "Лужники". Сектор 10. Ряд 2. Место 19.

Карев Дмитрий
writercenter.ru/profile/minus/whois/
Фото Агеев Дмитрий
ageevphoto.com

Юханан Магрибский

Наследник

Да, не первый и не последний, и не лучший среди других,
он, огромной родни наследник, промотает всё, что при них
собиралось и клалось скупо по крупицам в большой сундук.
Он, не глядя, товары скупит, разоденет надутых слуг
в жемчуга, в серебро и в бархат, в золотую парчу до пят,
чтобы после единым махом, ни на что уже не смотря,
снарядить, распродав именья, десять парусных кораблей,
и куда-нибудь к дальним землям, за туманную зыбь морей
уплывёт, чтоб вернуться вскоре — через год или десять лет,
и, смеясь, рассказать, что море надоело ему, и нет
в дальних землях ни ярких красок, ни причудливых дивных птиц,
колдунов нет в звериных масках, нету бронзово-красных лиц,
водопадов ревущих, чаек, оскорбленья кричащих вслед,
и обмолвится он случайно, что земель тех и вовсе нет,
лишь солёная бездна моря, только ветер и пена волн,
и я, право, не стал бы спорить — я не видел того, что он.
После женится он, наверно, и, приданое получив,
как отец и как дед степенно (в его крови дух предков жив),
станет складывать по крупинкам, запирая в сундук большой,
за полушечкой четвертинку — только в летний жестокий зной,
когда воздух дрожит и преет, надурманенный духом трав,
он, как водится, разомлеет, усмирит свой тяжёлый нрав
и расскажет, как плавал в дали, исходил берега земель,
где не знали и не видали белопарусных кораблей,
как красивые пели птицы, принимая зерно из рук,
он припомнит, как ветер злился, накреняя корабль, чтоб вдруг
успокоиться и утихнуть, и прилежно задуть опять,
парусам не давая сникнуть, не давая им обвисать.
Его внук капитаном станет, под уздцы теплоход водя,
как торгуют порой цыгане необъезженного коня —
Вот и я, как и он, наследник многомудрых седых веков,
не из первых, не из последних, бестолков, как он, бестолков!

by Ben Wootten

Юханан Магрибский
writercenter.ru/profile/Johanan/whois/
by Ben Wootten
writercenter.ru/profile/Johanan/whois/

Белка Елена

Остров Одиночество

А на острове Одиночество
Очень тихо и полумрак,
Только Время, Его Высочество,
Лишь стучится в виски: тик-так.

Небо плотно закрыто шторами
Беспросветных свинцовых туч.
Дверь моя за пятью запорами
Запечатана на сургуч.

Не уйти, не покинуть берега,
Не открыть закрытую дверь.
Только камни, небо и дерево-
Хочешь верь, а хочешь не верь…

Я молил богов о спасении
И дары приносил богам,
Только есть у меня сомнения,
Что всё это в корзине «Спам».

А когда проплывал здесь парусник,
«Забери меня!» — я кричал.
Я кричал ему, и казалось мне,
Что я просто ему молчал.

И стихи я писал, как кажется,
Обо всём, что не мог сказать.
Только понял я, что не вяжется
То, что просто нельзя связать…

И вчера, и сегодня с берега
Я их снова дарю волнам.
И никак не могу поверить я,
Что себя не пускаю сам…

Рокси

Сам себе ценный груз, сам себе инкассатор

Много лет назад, в тени чужих мостовых
Я увидел тебя и подумал:
как редко встречаешь своих… © БГ

Для тебя или кайф, или боль… © ДДТ

Этот мир словно ад. В нем как пропуск — банкнота.
Если хочешь войти, то скорей приготовь.
Ты идешь вдоль шоссе. На листочках блокнота
Вместо строгих чернил отпечаталась кровь.
Ты ступал за черту, вел беседы со смертью,
Заводил с нею спор, что-то грозно крича.
Но потом наконец приказал ей не сметь и
Бросил с грохотом трубку на скользкий рычаг.
Либо кайф, либо боль. Жизнь как сильный наркотик.
Ты всегда жил и мыслил в подобном ключе.
Просто время ушло. Время вечно уходит,
Никогда не сказавшись, куда и зачем.
Нынче вера одна, ну а завтра — другая.
Постоянство лишь звук, благородство — лишь жест.
Время делает круг, время быстро свергает
Надоевшие лики ненужных божеств.
Но ты знаешь свой путь и шагаешь куда-то,
Улыбаясь презрительно кончиком губ.
Сам себе ценный груз, сам себе инкассатор,
Сам же перед собой в неоплатном долгу,
Свод не ставших, увы, триумфальными арок
Проходя в неизменном своем забытьи.
Мир под лентой шоссе далеко не подарок,
Хоть при должном раскладе и мог бы быть им.
В этом городе, призванном быть поднебесным,
Бесполезны попытки взлететь в небеса.
Всё — игра. То ли в бисер, как явствовал Гессе,
То ли в классики, как нам Кортасар сказал...

Белка Елена
writercenter.ru/profile/miracles/whois/
Рокси
writercenter.ru/profile/R_13/whois/

На десерт

Написано женщиной для женщин

Размышления после йоги

Время вполне материально. Думаете, оно уходит сквозь пальцы? Исчезает за горизонтом? Растворяется в неизвестности? Нет. Оно всегда с вами. Оно рядом. Хотите, попутешествуем во времени? Для этого не нужно безумно сложных агрегатов, ядерного топлива и целого научного центра. Все просто. Я вам помогу.

Наверняка у вас есть коробочка с вашими воспоминаниями. Где рядом со счастливым трамвайным билетиком хранится золотая сережка, подаренная родителями к совершеннолетию. Обязательно непарная. Вторая осталась где-то там — на выпускном. Вместе с дрожью в коленках во время медленного танца с Ним. Если покопаться в коробочке, то там можно найти и «счастливую» юбилейную монетку, с которой не расставалась в детстве. И пустой флакончик духов, едва слышно отдающий опьяняющим запахом юности. И пуговица с любимого платья, привезенного дядей из Германии. И засушенный лепесток с первого букета. И недорогая открытка на День рождения с полустертыми пожеланиями. И, конечно, то платьице для любимого пупса из гардины, за которое простояла в углу целый вечер…

Чувствуете? Ведь вы снова там. В том, другом времени. Когда мир был простым и понятным. Мама знала все на свете. А у папы тайком можно было выпросить еще одну конфету. Когда не важно было, в чем ты одета. И достаточно было закутаться в шторку, чтобы стать принцессой. Когда самой большой трагедией была разбитая коленка и неподаренный на Новый год трехколесный велосипед. И поездка летом к морю была полна собиранием ракушечек с дырочками, чтобы потом можно было похвастаться в садике модными бусами хэндмейд…

И вот вы уже старше. Перед глазами несутся галопом школьные воспоминания. Когда маминими руками коса до боли была затянута праздничным бантом. Когда лепили с бабушкой первые неуклюжие вареники. И списывали прямо перед уроком у соседки по парте домашку. Когда впервые накрасили губы ярко-красной помадой и неумело подвели глаза дешевым черным карандашом. И прогуляли физру всем классом, и писали невразумительные объяснительные. Когда мальчики были ростом ровно по грудь, а первые бюстгальтеры позволяли вам считать себя совсем взрослой…

Время не стоит на месте. И вы уже студентка. Меняющая каждую неделю мелодию на звонке мобильного. Хохочущая над глупыми шутками симпатичного одногруппника. Разрисовывающая ногти во все цвета радуги. Засыпающая прямо на учебнике перед экзаменом и наутро помнящая только название предмета. Забывшая все материалы по курсовой в студенческом буфете. Рассказывающая подружке все-все-все. Влюбляющаяся каждый семестр, но, конечно, раз и навсегда…

Время ускоряется. Перед глазами бегут встречи и расставания. Первая начальница, кажущаяся вчерашней выпускнице такой старой и строгой в свои тридцать с хвостиком. Первая зарплата, которая вся ушла на покупку «невероятно шикарных» итальянских сапог, на которые вы бы сейчас и не взглянули. Недорогое колечко на безымянном пальце, кажущееся самым прекрасным на свете. Дальше продолжайте сами…

Плачете? Улыбаетесь? А ведь вы только приоткрыли коробочку с воспоминаниями. Но я точно знаю, что она волшебная. В ней хранится ваше концентрированное время. Оно покрывается пылью, которую легко стряхнуть. Надевает розовые очки, делающие бабушкины пирожки вкуснее теперешних. Первую любовь — самой запоминающейся. И расшитое пайетками золотое платье с выпускного — шедевром портновского искусства. Берегите время. Ведь вы еще не раз будете переворачивать страницы в школьном фотоальбоме, пересматривать видео со свадьбы, перелистывать старые аватарки на страничке в соцсетях. И возвращаться назад в прошлое…

А теперь перелистните альбом прошлого, улыбнитесь настоящему и смело встречайте будущее. Пришло ваше время!

© Меллори

Меллори Елена
writercenter.ru/profile/Mellory/whois/

Анна Анакина. ОГЛЯНИСЬ, ПРЕЖДЕ, ЧЕМ СДЕЛАТЬ ШАГ... 16+

Роман

Реализм

Чисто женский роман. Героиня вошла в тот период, что принято называть — кризис среднего возраста. История о том, как она смогла выйти из сложной для неё ситуации.

Анна Анакина. НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ... 16+

Сборник рассказов

Реализм

В сборнике собраны рассказы с различными жизненными ситуациями. Показано, как герои ведут себя в тех или иных условиях.

Александр Лешуков. КОГДА Я ВЛЮБЛЮСЬ... 16+

Роман

Реализм

Когда я влюблюсь. Эти две строчки открылись мне весенним утром 1993 года, когда, разбираясь с накопившимся на антресолях хламом, я неожиданно обнаружил посылку, перетянутую капроновым шнуром.

Невская Елена. Неприкасаемый. 12+

Роман

Лирика

Главная тема романа – проблема «неприкасаемых», рассказанная от лица девушки, приехавшей в Индию из России и оставшейся там навсегда. Все истории, описанные в данной книге, выдумка лишь отчасти. Зверства, учиняемые над неприкасаемыми в Индии, остаются безнаказанными и в наш «просвещенный и продвинутый» XXI век.

Анна Анакина. Сказки... 6+

Сборник рассказов

Сказка

В сборник вошло несколько сказок, написанных в разные годы.

Анна Анакина. ИЩЕЙКА. 16+

Роман

Реализм с элементами мистики

История о женщине, обладающей паранормальными способностями.

Алиса. ОТЧАЯВШАЯСЯ. 12+

Сборник рассказов

Мистика

Мистические рассказы:

1. Отчаявшаяся; 2. Остановка; 3. Предостережения; 4. Черное солнце.

Гольшанская Светлана. СНЫ О СИНЕОКОЙ. 16+

Сборник рассказов

Мистика

Мистические рассказы о Беларуси:

1.Проклятье замка Кужигай (историческая мистика); 2.Под сизыми крыльями (современная мистическая новелла); 3.Гоетия (мистический детектив); 4.Дом сновидений (лавкрафтовская мистика); 5.Подземка (городское фэнтези с элементами сюра)

Евстратова Марина. ЗАПИСКИ ИЗ СУМАСШЕДШЕГО ДОМА. 16+

Сборник рассказов

Мистика, фантастика

В сборник вошли следующие рассказы: «Сегодня-завтра»(полная версия),«Завтра-послезавтра», «Сон», «Назад в никуда», «Возвращение Леонида», «Сны смерти», «Патанатомия ужаса»

Евстратова Марина. ТЕНЬ ДУШИ. 16+

Повесть

Мистика

Попытка заглянуть в глубинное Я через приключения героя. Для достижения цели и постижения себя ему приходится через многое пройти. Боль и утрата близких и родных. Предательство, собственная измена и «друг», который оказывается не тем, за кого выдает себя.

Анна Анакина. ОСТРОВ ПУСТОТЫ. 12+

Роман

Фэнтези

Извечная проблема добра и зла.

Однажды в мир людей вторглись существа, считающиеся легендой. Главные герои в попытке найти родных попадают в различные миры.

Приключения, открытия и даже война стоит на пути достижения цели.

Анна Алмазная (Melody). ЛОЗА ШЕРЕНА. 18+

Роман

Фэнтези

Плохо быть незаметным и никому не нужным. Оказывается, еще хуже — обладать способностями, которые нужны всем. И тогда весь мир старается наложить на тебя лапу. Хорошо иметь такого союзника, и уже совсем не важно, что союзник вовсе к подвигам не рвется и жаждет только одного — покоя.

Анна Алмазная (Melody). ВЛАСТЬ БЕЗУМИЯ. 18+

Роман

Фэнтези

Они ненавидят связывающие их узы, но не хотят их разрывать. Они ходят по грани и доводят друг друга до безумия. Они всемогущи, но в то же время слабы и иногда наивны до боли. Они отчаянно рвутся из сетей, но все более в них запутываются. Они будущие соперники, они же самые близкие друзья — гордый наследный принц и его свободолюбивый телохранитель.

Еналь Варя. САЕН: ЛИГА ВЕРНЫХ. 12+

Роман

Фэнтези

Роман написан в христианском ключе. Богов может быть много. Но Создатель один. В храмах можно приносить жертвы, но покой и освобождение не купишь за кровь животных. Судьбу переменить не возможно, но есть цена, которую платят все. Сила, которой обладает Саен, невероятна. Он — особенный. Он знает и видит самую суть, ему подчиняются духи. Как он распорядится своей силой? Зачем он пришел в этот мир? Откуда его знания? Это — философское фэнтези, это новый взгляд на христианство. (Вторая книга из цикла «Мечи Суэмы»)

Гольшанская Светлана. 10 ТАЙН ОХОТНИКА НА ДЕМОНОВ. 16+

Повесть

Мистика

Когда-то Стражи защищали этот мир от злобных порождений червоточин. Прошло время. Славные деяния Стражей были преданы забвению. Началась долгая, кровопролитная Война за веру и они проиграли. Охотники сами стали добычей. Чтобы исполнить древнюю клятву своего рода, Дэвид Комри отправляет младшего сына Николаса на Охоту Стражей. Его путь лежит на край света в таинственный храм Шамбалы, где его ждет испытание Мертвого бога. Только после этого он сможет вернуться домой. Если ему еще будет куда возвращаться.

Мааэринн. КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ. 16+

Повесть

Фэнтези

Двести лет люди и ситы истребляли друг друга. И вот война окончена, посольство нечистых везет в родную Пущу договор о мире, подписанный самим королем. А Хейли Мейз, наследник владыки приграничного Синедола, горюет, что поздно родился и не успел проявить себя в битве. Он еще не знает, что судьба ему улыбнется…

Если уж нечистый расточает улыбки весны, значит, нацелился на душу. Души людские — вот их истинная страсть, их нужда, их пища. (Из наставлений отца Бартоломью, духовника Хейли Мейза.)

Романовская Ольга. ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ. 18+

Роман

Фэнтези

Всего один день делит всё на до и после. До — школа, грядущая свадьба, мирная жизнь, после — рабство, статус вещи, игрушка в руках хозяина. Только кто из вас двоих свободнее? И остались ли в стране победителей люди, а не только продукты общества с исковерканными понятиями, чувствами и душой?

Романовская Ольга. ЧУЖИЕ ВОСПОМИНАНИЯ. 18+

Роман

Фэнтези/ Приключения

Случайно спася темного мага Лэрзена, Одана не предполагала, что вскоре он окажется единственным, кто согласится, пусть и за деньги, помочь ей. На девушку, ничем не примечательную библиотекаршу, открывает охоту сам Наместник. Чем же вызвано столь пристальное внимание?

Татьяна Русуберг (suelinn). АРКАН. 16+

Роман

Фэнтези

Аркан — это колода карт. Магический артефакт, способный предсказывать судьбу. Но даже его помощи может быть недостаточно, чтобы найти брата и сестру, которых Найд долгое время считал мертвыми. Забывший собственное имя, потерявший дар речи и семью, отказавшийся от своего дара. Теперь пришло время вернуть все. Даже если цена будет высока.

Яна Рунгерд. НЕДОПРЯДЕННАЯ НИТЬ. 16+

Сборник рассказов

Фэнтези

Наш мир — сложен и непознаваем. Иногда то, что есть на самом деле — совсем не то же самое, что кажется, и только ты сам виновник того, как изменился твой путь. Но жизнь не заканчивается, а значит, все еще может измениться. Нить судьбы еще не спрядена и ее еще можно изменить.

Евгения Сафонова (Бука Нист). ОКОВАННЫЕ ИГРОЙ. 16+

Роман

Фэнтези

Первая часть тетралогии. Это история о маленькой девочке с двумя большими тайнами. О девочке, скованной цепью опасных игр, где играют тобой, но не с тобой. О принцессе, которая хочет чего угодно, но только не проклятия власти. Приятно ли это — стать пешкой, которой никогда не выйти в королевы? Не более, чем метаться между любовью и обрушенным доверием. Ведь когда тебя затягивает омут сомнений, то остаётся лишь убийственно наивно верить в свои желания. И кто бы говорил, что это — просто…

Ула Сенкович. И ПРИДЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ. 16+

Роман

Фэнтези

Пробовали путешествовать по мирам? Лечь спать в своей постели, а проснуться посреди битвы, да еще получить мечом по голове? Нет? И не пытайтесь, вам не понравится… По себе сужу. Конечно же, я сделала всё, чтобы домой вернуться — в дорогу отправилась, друзей нашла, даже влюбилась. Но мне предложили выбор: любовь, страсть или деньги. Какая нормальная женщина возьмёт что-то одно из этого списка? Ведь если брать, так всё! Вот я слегка и запуталась…

Фиал. КРУГ ЗАМКНУЛСЯ. 16+

Роман

Фэнтези

Сказка о Теплом мире, который слишком сильно доверял людям, слишком баловал любимых детей. О любви, победившей смерть и почти победившей жизнь, если бы не другая любовь. О дружбе, предательстве и спорах. О вере в себя и вере в людей. О жизни и смерти.

Химера Паллада. ТЕМНЫЙ ЦЕЛИТЕЛЬ (КНИГИ 1, 2 и 3). 18+

Роман

Фэнтези

Все стандартно. Попаданка. Раненое Сердце Мира. Команда спасателей. Великое исцеление. Конец сказки. Но это жизнь. Выжившие вернулись. Мир все также нуждается в спасении. И надо как-то жить дальше. Я — Целитель. Темный, ибо демон. Я — не Спаситель мира. Уж не от меня ли тебя будут спасать, Мир?

Шевцова Анастасия. КОРОЛЕВСТВО ПОЮЩИХ ВЕТРОВ, КНИГА 1. НА ОСТРИЕ ВЛАСТИ. 16+

Роман

Фэнтези

Мир внутри мира — тайна, хранимая веками… Королевство Поющих ветров — материк, скрытый твердо-тягучими потоками воздуха, много веков принадлежал семени Тара Валлора. Однако не только род человеческий желал властвовать на благословенной земле: многоликий демон Земар-ар терпеливо ждал заветного часа, чтобы подчинить врагов своей воле. Два тысячелетия потомки Тара — дети Крови, поклонялись идолу, утопая в междоусобных распрях и кровавых интригах, пока по обетованию одного из великих королей, в Ведущей генетической линии не родился последний чистокровный наследник.

Шевцова Анастасия. КОРОЛЕВСТВО ПОЮЩИХ ВЕТРОВ. КНИГА 2. НАСЛЕДНИКИ ОТРЕЧЕНИЯ. 16+

Роман

Фэнтези

Северный герцог, опора Королевства и любимый брат Ее Величества, пал от руки последователя языческого Ордена. Его смерть послужила началом для ответной партии Земар-ар, порождения древней тьмы, верование в которого давно вошли в плоть и кровь народа. Когда угасает последняя надежда, кровь отречения свидетельствует перед наследниками о грядущей тьме.

Шевцова Анастасия. ПУТЬ ПЛАМЕНИ. 18+

Роман

Фэнтези

Лиран Валлор, дитя Крови, не похожая на свой род ни лицом, ни нравом. Жертва, которой выпала доля стать избранным сосудом чудовища, готового на все, чтобы вернуть власть. Не в силах сопротивляться зову тьмы и собственным чувствам, принцесса становится игрушкой в руках ключевых фигур Королевства. Ее окружает ложь, предательство и равнодушие, а в душе пылает безответная страсть и безумное желание свободы. Запутавшись в сетях долга, она уже не знает, где добро, где зло, и какой выбор — верен.

Ваевский Ян. ОТНЫНЕ Я — ТВОЙ МЕЧ. 18+

Роман

Альтернатива

Альтернативный мир, историческая хроника. История о том, какими бывают настоящие короли, несмотря на то, что всю жизнь приходится скрываться под мужским платьем. История дочери короля, которой волей судеб пришлось взять на себя управление страной. История о том, как принцесса Сейдар стала королем Садаром.

Анна Анакина. ФАНТАСТИКА И МИСТИКА В ОДНОМ ФЛАКОНЕ. 16+

Сборник рассказов

Фантастика/Мистика

В сборник вошло несколько небольших фантастических и мистических рассказов.

Денис Бурмистров. РАВНОВЕСИЕ ПАРЕТО. 16+

Мистика / Фантастика / Хоррор

Фантастика

Обычному клерку армейский товарищ оставляет квартиру в далеком шахтерском городке Славинск. Влекомый меркантильным интересом, главный герой приезжает ознакомиться с подарком и, сам того не желая, становится участником поистине странных и пугающих событий. По улицам бродят жуткие существа, сами улицы вдруг меняют свои направления, а люди вокруг по необъяснимой причине пропадают. Теперь основным желанием становится выжить. Выжить и поскорее убраться из ставшего ловушкой города.

Ирина Ковалева (Ikki). ТОГДА, КОГДА… 16+

Сборник рассказов

Фантастика, мистика

Рассказы с сетевых конкурсов — Грелка, ХиЖ, БлэкДжек, РБЖ-Азимут и, конечно, конкурсов МП.

Костиков Александр. ОЛИМПИК 16+

Роман

Фантастика

На орбите Олимпика появляется «Летучий голландец» — частная яхта «Один». Исследовать корабль отправляются агент Комитета Галактической Безопасности Крис Хаппельмайер и команда полицейского спецназа.

Никонович Сергей. АЛЬКУРД ПАРДЕС I. ДЕНЬ МИРА. 16+

Роман

Фантастика/ Фэнтези

Алькурд Пардес — международная миротворческая организация, незамедлительно реагирующая на любой вооружённый конфликт. На изолированном острове занимаются обучением солдат, которые должны будут стать элитными наёмниками, обладающими пара-магическими силами. Молодой снайпер Никро проваливает выпускной экзамен и вынужден проходить курс переподготовки. В это время по академии прокатывается волна странных смертей. Волею случая именно в руках снайпера оказываются ключи от этой загадки…

Никонович Сергей. АЛЬКУРД ПАРДЕС II. ДЕНЬ СОЛНЦА. 16+

Роман

Фантастика/ Фэнтези

Алькурд Пардес — международная миротворческая организация, незамедлительно реагирующая на любой вооружённый конфликт. На изолированном острове занимаются обучением солдат, которые должны будут стать элитными наёмниками, обладающими пара-магическими силами. Зиг Заннинс — загадочный ученик, переведенный в академию незадолго до очередного выпуска, пытается узнать тайну прошлого своей родной сестры.

Татьяна Русуберг (suelinn). МИР В ХОРОШИЕ РУКИ. 12+

Роман

Фантастика

Лиан — обычный питерский подросток с необычным именем, доставляющим одни неприятности. Неожиданный подарок от странной незнакомки, детский волчок, переносит его в конгломерат четырех миров, соединенных осью, по которой движется Ветер Времени. Перед Лианом встает дилема — вернуться домой или стать властелином новой вселенной?

Татьяна Русуберг (suelinn). ШЕСТЫЕ ВРАТА. 18+

Повесть

Фантастика

«Шестые врата» — закрытый портал в интернете, на котором некий Шива собирает группу для штурма таинственных врат, неожиданно возникших два года назад в спальном районе Петербурга. Врата, которые открываются только для шестерых, ведут… Куда? Избранникам Шивы скоро предстоит это выяснить.

Сергей Хорунжий. ГРАЖДАНСКАЯ САМООБОРОНА. 18+

Повесть

Фантастика

Когда жизнь летит под откос, а страны, которую обещал защищать, больше нет! Когда твои умения не нужны никому, а идти, по сути, некуда. Когда собственную совесть приходится топить на дне стакана и однажды родным домом оказываются привокзальные трущобы родной столицы — у нормального человека выбора нет: либо на тот свет, либо прямиком в прекрасное далёко, то бишь в будущее! А чтоб нескучно было одному насмешница-судьба загружает в попутчики малыша-дошколёнка, женщину, а как же без неё-то, и дабы совсем доконать, щенка-телепата и папаню его, мутанта-переростка. Такая команда, повиснув...

Яна Ржевская (Twillait). ОСКОЛКИ СКВОЗНЯКОВ. 12+

Сборник стихотворений

Лирика

«Изломанные сны, осколки сквозняков...» Стихотворения разных лет, стилей и настроений. Кто-то просто пройдет мимо, кто-то найдет здесь что-то своё, близкое…

by Delphine Blais

В следующем номере:

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Лирика - Реализм - Мистика - Фэнтези - Фантастика